

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44 2025
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (595) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Никос Логотетис (1950), греческий биолог и нейробиолог.

Никос Логотетис родился в 1950 году в Стамбуле (Турция). Он получил степень бакалавра по музыке и математике в Афинском университете, а также по биологии в Салоникском университете имени Аристотеля. Логотетис защитил докторскую диссертацию в Мюнхенском университете Людвиг-Максимилиана под руководством Эрнста Пёппеля и получил докторскую степень в области нейробиологии человека. Затем ученый получил должность научного сотрудника в отделе мозга и когнитивных наук Массачусетского технологического института, а позднее поступил на работу в Медицинский колледж Бейлора. В 1996 году Никос Логотетис стал директором Института биологической кибернетики Общества Макса Планка. Он также занимал должности адъюнкт-профессора в нескольких учреждениях, в том числе в Институте биологических исследований Солка и в Медицинском колледже Бейлора.

Логотетис сделал ряд важных открытий, в том числе выяснил, что зависимый от уровня кислорода в крови отклик (BOLD) связан с активностью мозга на уровне нейронов. Ученый и его команда в начале 2000-х годов провели серию экспериментов на макаках, вживив им в мозг очень тонкие платино-иридиевые микроэлектроды. Одновременно с записью активности от электродов команда Логотетиса проводила фМРТ и измеряла BOLD-сигнал — то есть следила за тем, куда в мозгу приливает больше несущей кислород крови. Таким образом Логотетис впервые в истории одновременно записал электрическую активность мозга и BOLD-сигнал с фМРТ.

В ходе эксперимента исследователи показывали обезьянам вращающиеся шахматные узоры, которые меняли направление каждую секунду. Это исключало привыкание зрительной коры к раздражителям и снижение активности мозга.

По словам Логотетиса, для понимания системы необходимо ее описание на всех уровнях. В связи с этим в его отделе занимаются интракортикальной регистрацией клеток, а также моделированием и визуализацией на всех уровнях. Поэтому в дополнение к функциональной магнитно-резонансной томографии используется спектроскопия *in vivo*, а рабочая группа исследует «умные» контрастные вещества (SCA), чтобы сделать функциональную визуализацию полезной для изучения других эффектов, помимо гемодинамической реакции.

В 2014 году немецкий телеканал показал кадры, снятые в лаборатории Логотетиса тайным агентом Немецкой фе-

дерации защиты животных. На кадрах было запечатлено насилие и причинение вреда животным, что может быть расценено как нарушение законодательства в отношении приматов. В ответ Логотетис заявил, что в 2015 году он больше не будет работать с приматами из-за отсутствия институциональной поддержки и защиты его исследовательской программы. Полицейские рейды и расследования, проведенные в то время, не выявили нарушений законодательства в отношении животных. В августе 2017 года Логотетису и двум его сотрудникам были предъявлены официальные обвинения в том, что они якобы откладывали эвтаназию больных животных. Окружной суд Тюбингена вынес всем трем ученым постановление о наказании, которое включало в себя штраф и приговор, автоматически превращающийся в обвинительный акт. Логотетис немедленно обжаловал это решение. После объявления о приказе Общество Макса Планка (MPS) отстранило Логотетиса от исследований и лишило его права проводить эксперименты на животных.

Логотетис получил значительную поддержку от представителей научного сообщества, которые раскритиковали решение MPS о введении санкций в отношении Логотетиса до вынесения вердикта по предполагаемым нарушениям. Общество нейробиологов (SfN) и Федерация европейских нейробиологических обществ (FENS) выступили с совместным заявлением в его поддержку, за ними последовала Международная организация по исследованию мозга. Те обвинения, которые обжаловал Логотетис, были сняты в 2018 году. Впоследствии Министерство науки и технологий восстановило Логотетиса в должности в Институте биологической кибернетики.

Под влиянием сохраняющегося скептицизма и отсутствия поддержки исследований с использованием животных в Германии Логотетис объявил, что переведет свой отдел в Международный центр исследований мозга приматов в Шанхае и станет соруководителем центра вместе с китайским нейробиологом Му-мин Пу.

Логотетис является членом редакционной коллегии журнала *Current Biology*. В 2003 году он стал одним из лауреатов премии Луи-Жанте в области медицины, а в 2024-м — лауреатом премии «Вызов» в номинации *Discovery* («Открытие») «...за основополагающий вклад в создание метода функциональной магнитно-резонансной томографии и введение его в повседневную научную и клиническую практику для исследования активности мозга человека».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кириллов Д. В.

Правовые акты управления в системе
Министерства внутренних дел России 285

Кириллова Е. В.

Расторжение договора аренды
по инициативе арендодателя 287

Ключеров В. В.

Публичный договор и договор
присоединения в Гражданском кодексе
Российской Федерации 289

Кузин П. К.

Гарантии прав иностранных граждан
в условиях цифровизации миграционного
контроля в России 291

Кунгурова Е.

Технология Deepfake как источник
криминальных угроз 294

Курмангазиева Р. З.

Проблематика развития социальной защиты
и социальных гарантий муниципальных
служащих 296

Лампежева А. М.

Генезис и философия авторского права:
от «права на копию» к защите творца 299

Левчук И. В.

Проблемы расследования преступлений,
совершенных организованными
преступными группами, и возможные
пути их разрешения 301

Лесников Л. А.

Экспериментальные правовые режимы как
инструмент административно-правового
регулирующего и государственного
управления в сфере инноваций: природа,
проблемы и перспективы 304

Лещева Д. А.

Анализ проблем обжалования приговоров
суда первой инстанции, вынесенных
в особом порядке 306

Логачёва Т. Н.

Особенности уголовно-правовой
квалификации мошенничества,
совершенного посредством информационно-
телекоммуникационных сетей и электронных
средств платежа 309

Максимов М. С.

Установление субъективных признаков
различных видов составов преступления 311

Максимов М. С.

Установление объективных признаков
различных видов составов преступления 313

Мартынов А. А.

Фишинг и социальная инженерия:
правовые аспекты 315

Меньшенина М. В.

Доказательственные презумпции
в гражданском, арбитражном
и административных процессах 317

Михайлова А. К.

Процессуальный порядок
заявления ходатайства о постановлении
приговора в особом порядке судебного
разбирательства 320

Могиленко И. И.

Актуальные проблемы совместного
завещания супругов, приводящие
к наследственным спорам в Российской
Федерации 323

Мяжитова Г. Р.

Косвенные иски в корпоративных
правоотношениях: проблемы квалификации
и перспективы развития института 324

Николаева М. В.

Особенности отбора судей в различные
судебные инстанции 326

Овчинникова В. В.

Производство по делам
об административных правонарушениях
в области связи и информации 329

Орлова Е. А.

Особенности и значение первоначального
этапа расследования изнасилований 330

Орлова Е. А.

Роль генетических исследований
при расследовании изнасилований 332

Петров Л. Л.

Уголовная ответственность
за мошенничество, совершенное
с использованием компьютерных
технологий 334

Подлепина А. О.

Надзорные полномочия прокурора на этапе
предварительного расследования 337

Путренкова К. А.

Средства реализации идеологической
функции государства 338

Рябушкина О. С.

Профилактика административных
нарушений среди несовершеннолетних 341

Сергеев Н. А.

Психологическая работа с резервом кадров
для выдвижения на вышестоящие должности
в органах внутренних дел 342

Сергеев Н. А.

Развитие правового регулирования
государственной службы в Российской
Федерации 344

Скобликова А. П.

Нужны ли правосудию «свои» истина
и правда? 346

Скобликова А. П.

Причины закрепления понятия «судебная
истина» в судопроизводстве 349

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовые акты управления в системе Министерства внутренних дел России

Кириллов Дмитрий Викторович, студент

Научный руководитель: Ухов Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Санкт-Петербургский университет МВД России

В структуре механизма правового регулирования деятельности органов внутренних дел нормативные акты МВД России играют уникальную роль, охватывая широкий спектр интересов и прав множества граждан, а в определенных ситуациях влияя на всю страну. Правовая база функционирования системы МВД России должна соответствовать требованиям современного общества, обеспечивая эффективное выполнение задач по поддержанию правопорядка и адаптируясь к новым политическим и правовым реалиям. Вся деятельность различных подразделений Министерства обязана строго следовать установленным законодательным рамкам.

Правовой акт — это официальный документ, содержащий правовые нормы и обязательные правила поведения, установленные государственными органами власти. В системе МВД России правовые акты играют важную роль в регулировании всех аспектов деятельности органов внутренних дел.

Специалисты в области права и юриспруденции определяют понятие нормативного акта как совокупность упорядоченных в соответствующем порядке правовых предписаний, изданных уполномоченным субъектом, в которых выражены общие нормы (нормы, указывающие на адресата по родовому наименованию) и абстрактные нормы (нормы, предписывающие поведение определенного типа, повторяющиеся), снабженные соответствующим наименованием, таким как акт, постановление и т. д. [2].

Нормативно-правовое обеспечение представляет собой не только набор правовых норм и актов, но также включает в себя процесс подготовки, разработки, внедрения и применения данных документов, а также их последующий анализ и оценку эффективности. В рамках современных научных исследований (например, труды Дралова В. В. и других ученых) рассматривается двойкий подход к правовому обеспечению управления органами внутренних дел. Во-первых, это динамический аспект, где правовое обеспечение выступает как функция, представляющая собой процесс создания и предоставления

необходимых юридических инструментов для успешного выполнения управленческих задач. Во-вторых, существует статический аспект, который предполагает наличие системы нормативных правил и индивидуальных предписаний, регулирующих деятельность органов внутренних дел.

Правовые акты управления направлены на обеспечение эффективного функционирования государственного аппарата, реализацию задач и функций органов управления, а также на регулирование общественных отношений в сфере управления. Они имеют установленную форму и структуру, включающую заголовок, преамбулу, основной текст, подписи и даты принятия или вступления в силу [5].

Правовые акты управления образуют иерархию, где каждый уровень актов имеет свои пределы компетенции и взаимодействует с другими уровнями. Например, федеральные законы находятся выше по иерархии, чем подзаконные акты.

Таким образом, к основным характеристикам правовых актов управления можно отнести следующие (см. рис. 1).

Нормативно-правовая база, на которой строится деятельность органов внутренних дел (ОВД), представляет собой комплекс правовых актов, участниками которых выступают как сами ОВД, так и их сотрудники. Эти документы определяют цели и задачи функционирования ОВД, а также их основные функции и принципы работы. Множество таких актов регламентируют процесс формирования органов внутренних дел, их полномочия, формы деятельности, внутреннюю структуру и внешние взаимодействия, включая иерархические связи [6].

В юридической литературе можно встретить разнообразные интерпретации понятия ведомственного нормативного правового акта. Например, А. С. Домченко предлагает термин «нормативный административный правовой акт», который он трактует как официальный документированный управленческий акт, регулирующий взаимодействие между государственными и негосудар-

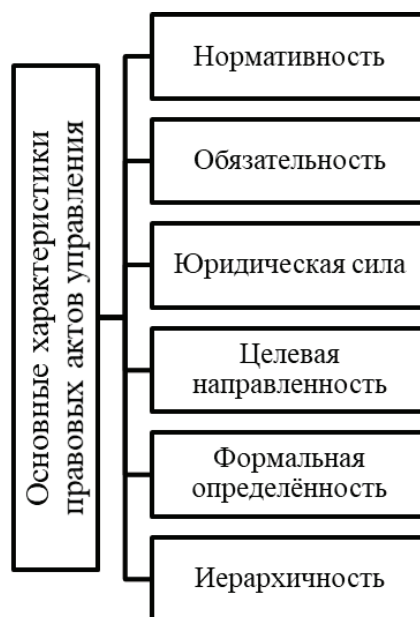

Рис. 1. Основные характеристики правовых актов управления

ственными субъектами и описывающий общую картину таких отношений [3]. Тем не менее, данное определение ограничивает рамки применения ведомственного акта исключительно внешними управленческими связями, тогда как многие такие акты нацелены на организацию внутренней деятельности соответствующего учреждения и регулирование взаимодействий между различными государственными структурами.

В. В. Черников дает более конкретное определение нормативному акту органов внутренних дел: это письменные документы, изданные уполномоченными должностными лицами, которые устанавливают, изменяют или отменяют правовые нормы [8].

Однако наиболее полное объяснение ведомственных нормативных правовых актов предоставляет Ю. Г. Арзамасов. Он рассматривает их как источники права, являющиеся результатом нормотворчества компетентных сотрудников министерств и ведомств. Эти акты принимаются на основе и для реализации законов и других документов высших государственных органов, содержат правовые нормы, которые детализируют и организационно поддерживают действие этих основополагающих актов [1].

Локальные нормативные акты — разрабатываются в пределах компетенции конкретного территориального органа МВД и регулируют специфические вопросы его деятельности, например, внутренний распорядок, особенности взаимодействия с муниципальными органами и общественностью (то есть эти акты регулируют внутренние процессы и взаимодействие между сотрудниками МВД). К ним, в частности, относятся Инструкции и методические указания — документы, содержащие рекомендации по применению законов и других нормативных актов, обеспечивающие единообразие действий персонала МВД в различных ситуациях.

Одной из ключевых особенностей локального правотворчества является его возможность осуществляться на самом низшем территориальном уровне, где результаты правотворческой деятельности напрямую влияют на местные условия. Это означает, что любой субъект, обладающий правотворческими полномочиями, может участвовать в этом процессе, независимо от своего уровня властных полномочий. В полной мере это относится к локальному правотворчеству ОВД, которое распространяется как на федеральный уровень МВД России, так и на региональные подразделения. Большая часть локальных нормативных актов ОВД разрабатывается и применяется именно на уровне территориальных органов МВД России [7].

Нормативно-правовые акты органов внутренних дел (ОВД) различаются по форме и включают такие документы, как приказы, директивы, положения, уставы, инструкции, правила и наставления. Разнообразие и динамичность вопросов, решаемых с помощью этих актов, объясняют их разнообразие в форме и содержании.

Когда речь идет о наименовании актов, имеется при этом в виду, что важно учитывать не только заголовок, отражающий их содержание, но и название, которое указывает на принадлежность акта к определенной группе или категории нормативных актов. Таким образом, видовое наименование правового акта действительно отражает некоторые ключевые особенности, присущие всем актам данного типа. Однако не всегда эти особенности связаны исключительно с содержанием акта. Для некоторых категорий документов основное внимание уделяется другим аспектам, таким как процедуры их создания или организационные функции [4].

Цель правотворчества в системе МВД состоит в создании инструментов правового регулирования для управления органами внутренних дел и организации их

внутренней деятельности. Существование и успешное функционирование этих органов, а также выполнение возложенных на них задач в сфере внутренних дел требуют наличия «внутреннего» правотворчества. При этом локальное правотворчество занимает центральное место, поскольку оно позволяет адаптировать общие правовые принципы к специфическим условиям работы каждого подразделения.

Локальные правовые акты обеспечивают гибкость и оперативность в управлении, позволяя учитывать региональные и местные особенности. Они способствуют более точному исполнению задач и обязанностей, возло-

женных на органы внутренних дел, и помогают выстраивать эффективную вертикаль управления. Таким образом, локальное правотворчество не только дополняет федеральные нормативные акты, но и наполняет их конкретным содержанием, приводя их в соответствие с реальными условиями и потребностями службы.

Правовые акты управления играют ключевую роль в обеспечении законности и порядка в деятельности органов государственного управления, включая систему МВД России. Они создают правовую основу для эффективной работы, устанавливают правила и процедуры, обеспечивают контроль и ответственность за их выполнение.

Литература:

1. Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 288.
2. Васильевский В. Д. О некоторых особенностях административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел в особых условиях // Административное право и процесс. 2023. N 5.
3. Домченко А. С. Виды нормативных и иных неиндивидуализированных правовых актов публичного управления федерального уровня // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6. С. 53.
4. Классификация и виды нормативных правовых актов ОВД России. Электронный ресурс. URL.: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3211
5. Кутуев Э. К., Рудин А. В. Развитие системы современного взаимодействия правоохранительных органов в рамках уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. N 8.
6. Материалы официального сайта МВД РФ «Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». Электронный ресурс. URL: <https://mvd.consultant.ru/>
7. Пирогов Е. Ю. Организационно-правовые основы локального Правотворчества территориальных органов Внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72). № 1. — С. 65–72.
8. Черников В. В. Нормативные акты органов внутренних дел в системе правовых актов управления: Лекция. М.: МЮИ МВД России, 1996. С.4.

Расторжение договора аренды по инициативе арендодателя

Кириллова Елизавета Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иерусалимская Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор предпринимает попытки рассмотреть особенности расторжения договора аренды по инициативе арендодателя, выявить проблемы и предложить их решение.

Ключевые слова: договор аренды, Гражданский кодекс, аренда, арендодатель, арендатор.

Расторжение договора аренды — это осознанное юридическое действие, влекущее за собой прекращение арендных отношений, но не обязательно полное прекращение всех взаимосвязей между сторонами. Необходимо учитывать предшествующие обстоятельства и последствия расторжения при анализе конкретной ситуации.

В статье 619 ГК РФ (ч. 2) [1] закреплены особые условия для преждевременного прекращения арендного соглашения, а в статье 620 ГК РФ (ч. 1) [2] определены основания, позволяющие арендатору расторгнуть договор по своей инициативе. Однако, этот перечень не является за-

крытым и может быть расширен положениями закона или условиями самого договора аренды.

Следовательно, стороны арендных отношений могут предусмотреть в договоре дополнительные причины для его расторжения, которые не связаны с неисполнением обязательств. Расторжение договора аренды на таком основании будет неправомерным, что подтверждается судебной практикой, в частности, Определением Верховного суда РФ от 21 августа 2015 г. [4]

Важно отметить различие между уведомлением о нарушении обязательств арендатором и уведомлением о рас-

торжении договора. Согласно абз. 7 ч. 2 ст. 619 ГК РФ, арендодатель обязан письменно уведомить другую сторону о необходимости соблюдения условий договора. Такое уведомление не является предложением о расторжении арендного соглашения. Получение арендатором подобного предупреждения является обязательным условием для удовлетворения исковых требований арендодателя в будущем.

Если арендатор не устранил нарушения в установленный срок, арендодатель вправе обратиться в суд с требованием о досрочном прекращении арендных отношений. В этом случае применяется п. 2 ч. 1 ст. 452 ГК РФ, содержащий общее правило расторжения договоров, поскольку порядок расторжения арендных договоров не урегулирован в ч. 1 ст. 619 ГК РФ.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 620 ГК РФ, направление уведомления о несоблюдении условий договора арендатором не является обязательной процедурой. Она требуется перед обращением в суд только в том случае, если это предусмотрено в договоре аренды. Однако, уведомление о расторжении соглашения обязательно направляется в соответствии с ч. 1 ст. 452 ГК РФ.

Согласно российскому законодательству, сторона может обратиться в суд для одностороннего прекращения арендных отношений в следующих случаях:

- в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 610 ГК РФ, сторона, желающая в одностороннем порядке отказаться от исполнения соглашения, должна уведомить других участников договора за 1 месяц и более, а при аренде недвижимости — за 3 месяца, если иной срок не установлен договором или законом;
- если сторона не получила ответа в срок, указанный в уведомлении, законе или договоре. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 452 ГК РФ, при отсутствии соответствующих указаний этот срок составляет 30 дней;
- после получения отказа в расторжении соглашения от другой стороны договора.

Арендодатель не лишается права на одностороннее расторжение арендного договора, заключенного на неопределенный срок, по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 619 ГК РФ. В случае нарушения сроков направления уведомления, с арендатора можно взыскать соответствующие убытки.

Прекращение договора аренды также возможно при нарушении условий о своевременном внесении арендных платежей. Если подобные нарушения были допущены более двух раз подряд, арендодатель имеет право обратиться в суд для расторжения договора даже после погашения задолженности. В этом случае арендодатель должен направить арендатору уведомление о расторжении договора аренды в течение разумного времени после погашения задолженности. Разумность этого срока определяется судом индивидуально в каждом конкретном случае.

На сегодняшний день законодательством не предусмотрена унифицированная форма уведомления о расторжении соглашения, поэтому оно может быть составлено в письменном, произвольном виде [7].

А. А. Паздерин отмечает, что также необходимо сохранить доказательство направления извещения об отказе от арендного договора в одностороннем порядке [5].

Основные способы передачи инициатором расторжения договора указанных документов.

Во-первых, отправка письма по электронной почте в качестве дополнительного способа для привлечения внимания другой стороны договора и оперативной передачи информации.

Во-вторых, отправка заказного письма по почте с описью вложения и уведомлением о вручении на согласованный или юридический адрес контрагента.

В-третьих, вручение письма лично под расписку.

Анализ статьи 651 Гражданского кодекса РФ показывает, что отсутствует законодательное требование о регистрации прекращения договора аренды, направленное на защиту прав арендодателя. Этот пробел в законодательстве приводит к неоднозначной практике в отношении необходимости регистрации соглашений о расторжении арендного договора.

Исследование вопроса выявило, что, несмотря на правовое регулирование основных аспектов арендных отношений, в гражданском законодательстве возникают арбитражные споры.

Согласно пункту 2 статьи 651 ГК РФ, договор аренды здания или сооружения сроком от одного года подлежит государственной регистрации, и с момента такой регистрации считается заключенным. Однако, как отмечалось ранее, законодательство РФ не предусматривает обязательной регистрации прекращения договора.

В Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» было внесено положение, позволяющее одной из сторон договора аренды недвижимости обратиться в суд с заявлением о государственной регистрации в течение трех месяцев с даты заключения договора (статья 51 ФЗ № 218-ФЗ).

В Письме Министерства финансов России от 26 февраля 2021 г. № 03-05-05-03/13425 [3] подчеркивается, что дополнительное соглашение к договору аренды, вносящее в него изменения, также подлежит обязательной государственной регистрации. При этом, отсутствуют указания на регистрацию соглашений о расторжении договора.

Поэтому предлагается дополнить пункт 1 статьи 452 ГК РФ положением о том, что соглашения о расторжении договора аренды подлежат государственной регистрации, если сам договор аренды был зарегистрирован.

Предложение о дополнении пункта 1 статьи 452 ГК РФ положением об обязательной государственной регистрации соглашений о расторжении договора аренды, если сам договор был зарегистрирован, является логичным развитием существующего правового регулирования и имеет под собой ряд оснований.

Во-первых, это обеспечивает единообразие и системность в сфере государственной регистрации сделок с недвижимостью. Если договор аренды, порождающий вещные права и обременяющий объект недвижимости,

подлежит регистрации, то логично и прекращение этого обременения также регистрировать.

Во-вторых, это может упростить процедуру подтверждения факта расторжения договора в случае возник-

новения споров между сторонами. Наличие записи о регистрации соглашения о расторжении в ЕГРН будет являться неоспоримым доказательством прекращения арендных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (с изм. и доп. от 24 июля 2023 г. N 339-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — N 5. — Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (с изм. и доп. от 8 августа 2024 г. N 237-ФЗ) // «Российская газета». 1994. N 238–239.
3. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 26 февраля 2021 г. № 03–05–05–02/13235 «Об исчислении земельного налога организациями в отношении земельных участков с видом разрешенного использования «для индивидуального жилищного строительства» («блокированной жилой застройки»), используемых по их целевому назначению» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 2021.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 августа 2015 года N 310-ЭС15–4004 «Об оставлении без изменения судебных актов, которыми отказано в удовлетворении заявления о расторжении договора аренды» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.09.2025).
5. Паздерин А. А. Правовое регулирование взаимоотношений сторон по договору аренды транспортного средства с экипажем // Молодой ученый. — 2022. — № 40(174). — С. 44–46.
6. Рязанцева С. В. Изменение и расторжение договора аренды недвижимости // Экономика и социум. — 2023. — № 4–2 (23).
7. Шварц Э. А. Особенности расторжения договора аренды // Вестник магистратуры. — 2022. — № 11–2 (134). — С. 61–63.

Публичный договор и договор присоединения в Гражданском кодексе Российской Федерации

Ключеров Вадим Васильевич, студент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

Актуальность исследования публичных договоров и договоров присоединения объясняется их значимостью в гражданско-правовом регулировании российского оборота. Эти договоры обеспечивают прозрачность, равноправие сторон и эффективные гражданско-правовые отношения, что особенно важно при развитии массового предпринимательства. Современное законодательство сталкивается с проблемами в регулировании этих договоров, что требует их совершенствования для повышения правовой предсказуемости. Роль публичных договоров возрастает с внедрением цифровых технологий, а также из-за недостатков в нормативной базе и наличии пробелов в судебной практике.

Ключевые слова: публичный договор, договор присоединения, гражданское право, тенденции развития.

Public contract and accession contract in the civil code of the Russian Federation

The relevance of the study of public contracts and adhesion contracts is explained by their significance in the civil law regulation of Russian turnover. These contracts ensure transparency, equality of the parties, and effective civil law relations, which is especially important in the development of mass entrepreneurship. Modern legislation faces challenges in regulating these contracts, which requires their improvement to enhance legal predictability. The role of public contracts is increasing with the introduction of digital technologies, as well as due to the shortcomings in the regulatory framework and gaps in judicial practice.

Keywords: public contract, adhesion contract, civil law, development trends.

Публичный договор — это гражданско-правовое соглашение с особым статусом, обеспечивающее прозрачность и равноправие сторон. Он характеризуется

обязательными условиями, публичной офертой и возможностью заключения любым заинтересованным лицом без предварительного согласования. Договор доступен не-

определенному кругу лиц и предполагает открытость, отличаясь от двусторонних сделок. Он формирует публичный интерес и способствует развитию гражданских отношений в массовом порядке. Признаки публичного договора включают открытость для всех, обязательность условий и возможность акцепта без изменений. Юридическая практика показывает его значительный потенциал в различных сферах, таких как коммунальные услуги и финансовый сектор. Важно учитывать принципы прозрачности и равноправия, которые защищают интересы слабых сторон и способствуют конкуренции. Договор также реализует публичные интересы и требует анализа судебных precedентов и возможных пробелов в нормативной базе.

В отличие от классического принципа свободы договора, где стороны вольны самостоятельно определять факт заключения и условия сделки, публичный договор накладывает на коммерческую организацию ряд ограничений:

1. Обязанность заключения договора: Организация, осуществляющая деятельность, подпадающую под признаки публичного договора, не вправе отказать в его заключении при наличии возможности предоставить товары, услуги или работы. Необоснованный отказ может повлечь за собой судебное понуждение к заключению договора, согласно статье 445 ГК РФ.

2. Равенство условий: Условия публичного договора должны быть одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, предусмотренных законом или иными правовыми актами, допускающими предоставление льгот определенным категориям (например, скидки для пенсионеров). Дискриминация по признакам пола, возраста, национальности и прочим недопустима.

3. Цена как публичное предложение: Цена товаров, работ или услуг также должна быть единой для всех, что обеспечивает прозрачность и предотвращает злоупотребления.

На основе анализа вышеуказанных факторов можно выделить следующие вероятные тенденции развития судебной практики по публичным договорам в 2026 году:

— **Четкое определение понятия «коммерческая организация» в цифровой среде:** Размытие границ между коммерческой и некоммерческой деятельностью в интернете (блогеры, онлайн-платформы, агрегаторы) требует более четкого определения критериев отнесения субъектов к категории «коммерческая организация» для целей применения ст. 426 ГК РФ. Суды будут уделять внимание масштабам деятельности, наличию прибыли и направленности на неопределенный круг лиц.

— **Регулирование алгоритмического ценообразования и персонализированных предложений:** Использование Big Data и алгоритмов для установления индивидуальных цен создает риск ценовой дискриминации. Суды будут проверять, не являются ли такие практики нарушением прав потребителей, и требовать большей прозрачности в алгоритмах, формирующих цену, а также предоставления пользователю информации о причинах, по которым ему предлагается конкретная цена.

— **Ответственность за сбои в работе автоматизированных систем и ИИ:** Рост зависимости от автоматизированных систем повышает риски, связанные со сбоями в их работе. Суды будут устанавливать более четкие критерии ответственности за сбои, учитывая степень контроля человека над этими системами, возможность предвидеть и предотвратить сбои, а также обязанность предоставлять оперативный доступ к службе поддержки.

— **Усиление требований к пользовательским соглашениям и офертам:** Суды будут более внимательно анализировать пользовательские соглашения на предмет соответствия требованиям закона о защите прав потребителей, признавая недействительными положения, ущемляющие права потребителей. Усилится требование к ясности и понятности условий договора, а также необходимости явного согласия пользователя с каждым ключевым изменением условий.

— **Развитие механизмов досудебного разрешения споров по публичным договорам:** Расширение полномочий органов государственного контроля, развитие института медиации и создание онлайн-платформ для досудебного разрешения споров между потребителями и поставщиками товаров и услуг.

Договор присоединения — это форма гражданско-правового соглашения, позволяющая одной стороне предложить стандартные условия, которые другая сторона принимает без изменений. Он широко применяется в экономике, включая услуги и продажи. Согласно статье 428 Гражданского кодекса РФ, ключевыми чертами этого договора являются одностороннее предложение и стандартизация условий [1], что обеспечивает прозрачность и эффективность. Заключение договора присоединения характеризуется упрощенным процессом, что снижает операционные издержки. Однако условия должны соответствовать законодательным требованиям, иначе сделка может быть признана недействительной. Договор включает стандартные условия, регулирующие ответственность и порядок разрешения споров, что минимизирует правовые конфликты и повышает предсказуемость. В целом, удостоверяет баланс между массовостью и защитой прав сторон в гражданских правоотношениях [2].

С учетом вышеуказанных факторов можно выделить следующие вероятные тенденции развития судебной практики по договорам присоединения в 2026 году:

— **Ужесточение требований к ясности и понятности условий:** Суды будут более тщательно проверять, насколько условия договора присоединения изложены ясным и понятным языком, доступны для прочтения и понимания рядовым пользователем. Особое внимание будет уделяться использованию шрифтов, форматированию текста и наличию ссылок на другие документы.

— **Расширение толкования неясных условий в пользу присоединяющейся стороны:** При наличии неясностей и двусмысленностей в тексте договора, суды, вероятно, будут прибегать к толкованию условий в пользу

присоединяющейся стороны, исходя из принципа защиты слабой стороны и добросовестности.

— **Усиление контроля за «несправедливыми» условиями:** Суды будут активно применять нормы о защите прав потребителей для признания недействительными условий договора присоединения, которые явно ухудшают положение присоединяющейся стороны по сравнению с обычными условиями гражданского оборота. Речь идет, например, о чрезмерных штрафных санкциях, ограничениях ответственности, передаче исключительных прав, одностороннем изменении условий договора без обоснованных причин.

— **Увеличение случаев признания договоров присоединения кабальными:** В случаях, когда договор присоединения заключен на крайне невыгодных условиях вследствие стечения тяжелых обстоятельств или явной недобросовестности другой стороны, суды могут признавать его кабальной сделкой и расторгать или изменять условия.

— **Расширение оснований для оспаривания договоров, заключенных в электронной форме:** Суды будут более внимательно рассматривать доводы потребителей о том, что их воля на присоединение к договору не была выражена ясно и осознанно, например, при совершении действий в автоматическом режиме или под влиянием недобросовестной рекламы.

— **Защита прав субъектов данных, используемых для обучения ИИ:** Суды будут внимательно рассматривать вопросы, связанные с законностью использования персональных данных для обучения ИИ. Условия договора присоединения, предусматривающие использование данных, должны соответствовать законодательству о защите персональных данных и обеспечивать соблюдение прав субъектов данных.

В публичных договорах возникают сложности с равноправием сторон, а в договорах присоединения — проблема массового использования без учета специфики, что ведет к рискам злоупотреблений. Неоднородные подходы к толкованию условий договоров требуют единых методологических основ и новаций для баланса интересов сторон. Актуальны предложения о более строгом регулировании публичных договоров, контроле за раскрытием информации и механизмов классификации договоров, что повысит защиту [3]. Необходимы уточнения критериев публичности и характера присоединения для улучшения правового режима. Также важен глубокий анализ проблемных вопросов и недостаточной унификации классификации публичных договоров. Совершенствование нормативных актов и контроль за условиями договоров, а также использование современных технологий повысит прозрачность и эффективность. Усовершенствование основ позволит снизить правовые риски и обеспечить стабильность в правовом регулировании.

Тенденции развития правового регулирования публичных договоров и договоров присоединения указывают на необходимость учета современных экономических реалий и правосознания участников гражданского оборота. Судебная практика показывает диспропорцию между регламентацией и фактическим осуществлением договоров, что требует совершенствования правовых механизмов. Важно создать эффективные механизмы регулирования заключения и исполнения этих договоров, включая ответственность за нарушения и использование современных технологий для защиты прав участников. Это позволит укрепить правовую защищенность и стимулировать предпринимательскую активность.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994г. № 51 — ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 32. — Ст. 3301.
2. Сарбаш С. В. Договор присоединения: проблемы теории и практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 3. — С. 76–95.
3. Картухин В. Ю. Публичный договор как инструмент социальной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 6 (119). — С. 123–129.
4. Шиловская А. Л. Проблемы квалификации договора присоединения // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2015. — № 4 (45). — С. 161–165.

Гарантии прав иностранных граждан в условиях цифровизации миграционного контроля в России

Кузин Павел Константинович, студент

Научный руководитель: Каягин Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются особенности реализации прав иностранных граждан в условиях цифровизации миграционного контроля в России. Анализируются новые технологии — сбор и обработка биометрических данных, создание цифровых профилей, интеграция ведомственных баз. Исследуется их соответствие конституционным гарантиям за-

щиты персональных данных, неприкосновенности частной жизни и недискриминации. Выявлены ключевые правовые и технические проблемы, предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования и повышению прозрачности цифровых процедур.

Ключевые слова: иностранные граждане, цифровизация, миграционный контроль, биометрические данные, персональные данные, конституционные гарантии, права человека, дискриминация, цифровой профиль, защита информации.

Цифровизация миграционного контроля в РФ за последние годы приобрела системный характер: на границе и внутри страны внедряются биометрические процедуры, формируются цифровые профили иностранцев и используются платформенные решения для мониторинга легальности пребывания и трудовой деятельности. Одновременно с улучшением эффективности контроля возникают вопросы обеспечения и защиты конституционных прав иностранцев — права на личную неприкосновенность, защиту персональных данных, справедливую процедуру, равенство перед законом и право на эффективную правовую защиту.

Российская Конституция и международные обязательства, ратифицированные РФ, закрепляют ряд базовых гарантий, релевантных миграционной цифровизации:

1. Защита личности и частной жизни (ст. 23–24 Конституции РФ) — персональные данные, включая биометрию, относятся к особо чувствительной информации [1].

2. Равенство перед законом и судом (ст. 19, 46) — меры контроля не должны носить дискриминационный характер.

3. Гарантии прав при административных процессах — право на обоснованное решение, право на обжалование и на защиту (ст. 46–48) [1].

4. Соответствие закона и пропорциональность ограничений — любое ограничение прав должно иметь законную основу и быть пропорциональным целям обеспечения безопасности.

В контексте цифровых технологий это означает: прозрачность алгоритмов, законность сбора и обработки данных, адекватная защита данных, возможности оспаривания автоматизированных решений и отсутствие дискриминации.

Проанализируем технологические тенденции в миграционном контроле.

1. Сбор биометрии при пересечении границы и формирование цифровых профилей. С конца 2024 года в РФ начаты экспериментальные этапы по принудительной сдаче биометрических данных (фото, дактилоскопия) у въезжающих иностранцев в ряде аэропортов, планируется расширение практики на другие пункты пропуска и массовое внедрение в 2025–2026 гг. Цель — формирование централизованных цифровых профилей для быстрого сопоставления личности и истории пересечений [4].

2. Интеграция биометрической базы с другими государственными реестрами и услугами. Существуют инициативы по расширению применения Единой биометрической системы (ЕБС) и связке её с операторами связи (в контексте оформления SIM-карт), банковскими сер-

висами и цифровыми платформами занятости, что создаёт мультиплексный доступ к данным иностранцев по разным операторам.

3. Платформенные инструменты мониторинга занятости и статуса. Предложения об обязывании цифровых платформ (маркетплейсы, сервисы доставки, HR-платформы) контролировать соблюдение миграционного законодательства при найме иностранной рабочей силы — передача части контрольно-надзорных функций крупным цифровым игрокам [6].

4. Автоматизированные правила выдворения и «реестры контролируемых лиц». С 2025 года обсуждаются и частично вводятся регламенты, упрощающие учет и отслеживание лиц в специальном реестре (включая механизмы ограничения выезда или автоматического оповещения), что усиливает административный контроль и ускоряет процедуры [8].

Приведенные тенденции обещают повышение оперативности и масштабируемости контроля, но одновременно создают устойчивые риски нарушений прав.

Проанализируем соответствие новых технологий конституционным гарантиям. К положительным сторонам можно отнести повышение оперативности идентификации, уменьшение бюрократической нагрузки и ускорение пропуска на внешних границах, потенциальное снижение нелегальной миграции и рост национальной безопасности.

Выделим риски и несоответствия:

1. Непрозрачность алгоритмов и отсутствие процедурной защиты. Внедрение систем распознавания лиц и объединённых профилей без публичных стандартов оценки точности и устойчивости к ошибкам увеличивает риск ошибочных идентификаций и последующих ограничений прав. При отсутствии аудита алгоритмов гарантии защиты прав снижены.

2. Информационная безопасность и доступность данных. Межведомственная интеграция расширяет поверхность атаки — утечки биометрических данных критичны, поскольку биометрия необратима и при компрометации восстановлению не подлежит. Отмечены случаи расширения сбора биометрии и планов на все пункты пропуска.

3. Процедурная несогласованность и правовой вакуум. Быстрое технологическое внедрение опережает развитие детализированных процессуальных норм (права на оспаривание результатов идентификации, сроки хранения, критерии удаления данных). Это создаёт правовую неопределённость для иностранцев.

4. Дискриминация и технические погрешности. Алгоритмы распознавания лица исторически хуже работают

на некоторых этнических группах — это может привести к неравному обращению. Отдельно — невозможность сдавать биометрию из-за отсутствия смартфонов/интернета ставит часть лиц в неравные условия.

5. Социальная и экономическая маргинализация. Требования, например, по биометрии для SIM-карт, приводят к отключениям связи и фактическому ограничению доступа к рынкам труда и услуг, усугубляя вред для уже уязвимых групп [5].

Разработаем рекомендации по минимизации рисков и приведению практик в соответствие с конституционными гарантиями

1. Принять единый нормативно-правовой акт о порядке сбора, хранения и доступе к биометрическим данным иностранцев. Закон должен явно определять цели, сроки хранения, основания для передачи третьим лицам, перечень уполномоченных субъектов и санкции за нарушения. Это восстановит требование предсказуемости и законности. (см. практику и рекомендуемые стандарты в заявлениях профильных ведомств).

2. Внедрить принципы *privacy by design* и *data minimization*. Собирать только те данные, которые необходимы для конкретной и доказуемой цели, и хранить их не дольше, чем обосновано. Для массовых баз — сегментация и шифрование с минимальным набором доступов.

3. Обеспечить прозрачность и объяснимость алгоритмов. Для автоматизированных решений вводятся требования: возможность получить объяснение (*why-and-how*) принятого решения, публичная документация об используемых моделях и механизмы независимой аудиторской проверки. Это обеспечит право на судебную защиту.

4. Гарантировать доступ к эффективному обжалованию и независимому надзору. Вся операция по вклю-

чению в реестры и административное ограничение статуса иностранца должна предусматривать обязательную фазу человеческой проверки и доступ к судебной защите/омбудсмену.

5. Разработать специальные меры защиты уязвимых групп. Для беженцев, вынужденных мигрантов и лиц без гражданства — особые протоколы доступа к информации и запрет на автоматическое использование данных в целях депортации без судебного контроля. Правозащитные отчёты подчёркивают необходимость таких мер.

6. Регулировать взаимодействие государства и частных платформ. Заключение о передаче функций надзора платформам должны проходить оценку влияния на права (*privacy impact assessment*) и сопровождаться жёсткими контрактными гарантиями по защите данных и правам субъектов.

7. Повышение цифровой грамотности и информирование иностранцев. Предоставление информации на основных языках мигрантов о их правах, процедурах сдачи биометрии и возможностях обжалования — элемент соблюдения права на доступ к правосудию.

Таким образом, цифровые технологии дают государству инструменты эффективного миграционного контроля, но при отсутствии прозрачных правил, технических гарантий и механизмов правовой защиты повышение эффективности риска превращается в системный риск нарушения конституционных прав иностранных граждан. Для балансирования интересов безопасности и правовой защиты необходимы целенаправленные нормативные меры, усиление защиты персональных данных, прозрачность алгоритмов и независимый контроль. Только комплексный подход позволит сохранить законность, пропорциональность и справедливость в условиях цифровой трансформации миграционного контроля.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. от 01.07.2020) // СЗ РФ. — 2014. -№ 31. -Ст. 4398.
2. Указ Президента РФ от 30.12.2024 № 1126 «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки» (ред. от 28.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Булгаков, А. Э. Цифровые платформы и обеспечение соблюдения миграционного законодательства: перспективы развития российской системы государственного контроля в сфере миграции / А. Э. Булгаков // Миграционное право. — 2025. — № 3. — С. 22–25.
4. В России проведут эксперимент по сдаче биометрии иностранными гражданами при пересечении государственной границы / Минтранс России. — 28.11.2024. — Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11605> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Жеребцов, А. Н. Применение цифровых технологий в процессе публичного управления миграционными процессами в Российской Федерации / А. Н. Жеребцов // Lex Russica. — 2023. -№ 12 (205). — С. 101–112.
6. Основные изменения в миграционном законодательстве РФ с января 2025 года / Lexpat. — 30.12.2024. — Режим доступа: <https://lexpat.ru/news/osnovnye-izmeneniya-v-migracionnom-zakonodatelstve-rf-s-yanvary-2025-goda.html> (дата обращения: 27.10.2025).
7. Попова, С. М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) / С. М. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова // Административное и муниципальное право. — 2023. — № 4. — С. 24–44.
8. Сейфетдинова, Е. И. Вопросы миграционной стратегии Российской Федерации на ближнесрочную перспективу (2023–2025 гг.) / Е. И. Сейфетдинова, А. А. Гулый // Международное публичное и частное право. — 2023. — № 2. — С. 11–13.

Технология Deepfake как источник криминальных угроз

Кунгурова Елизавета, студент

Научный руководитель: Кузнецова Ольга Алексеевна, доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В статье рассматривается технология Deepfake как новый источник криминальных угроз в современном обществе. Анализируются основные механизмы создания и распространения Deepfake-видео, а также их потенциальное использование в преступлениях. Особое внимание уделяется правовым аспектам, связанным с использованием Deepfake-технологий, включая вопросы ответственности за создание и распространение поддельного контента. Анализ по разработке законодательных инициатив, направленных на защиту граждан от возможных негативных последствий использования Deepfake. Статья подчеркивает сложность правового регулирования с технологией Deepfake.

Ключевые слова: Deepfake, криминальные угрозы, мошенничество, преступление, правовые аспекты, правовое регулирование, ответственность, законодательные инициативы, судебные решения.

Deepfake technology as a source of criminal threats

Kungurova Elizaveta, student

Scientific advisor: Kuznetsova Olga Alekseevna, doctor of law, associate professor, head of department
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow)

The article discusses Deepak technology as a new source of criminal threats in modern society. The main mechanisms of creation and distribution of Deepak videos, as well as their potential use in crimes, are analyzed. Special attention is paid to the legal aspects related to the use of Deepak technologies, including issues of responsibility for the creation and distribution of fake content. Analysis on the development of legislative initiatives aimed at protecting citizens from possible negative consequences of using Deepfake. The article highlights the complexity of legal regulation with Deep fire technology.

Keywords: Deepfake, criminal threats, fraud, crime, legal aspects, legal regulation, responsibility, legislative initiatives, judicial decisions.

XXI век — век технологий. Каждый год повсюду появляются тысячи новых технологий, которые не только упрощают нам жизнь, но и создают новые коллизии во многих сферах. Технологический прогресс конечно же затронул и область юриспруденции, так как неограниченное использование технологий могло бы привести к весьма печальным последствиям. Новые технологии породили множество преступлений и создали новые средства для преступников. Одним из наиболее распространенных видов преступлений в эпоху цифровизации стало мошенничество. С мошенничеством сталкивался каждый из нас: подозрительные звонки, спам ссылки и множество других махинаций. С новой технологией Deepfake мошенничество и другие преступления обрели новые краски. От чего хотелось бы разобраться с проблематикой возникновения данной технологией для юристов современников.

Стоит начать с определения, технология Deepfake, появилась на стыке нескольких научных открытий таких как, компьютерный прогресс, искусственный интеллект и обработка изображений и видеозаписей. Первые эксперименты с созданием подобных изображений и видео начали проводиться в начале 2010-х годов, когда исследователи начали использовать усовершенствованные технологии для создания реалистичных изображений.

Одним из первых значительных шагов в развитии технологии Deepfake стало использование нейросетей для со-

здания фотореалистичных изображений лиц. Однако настоящий бум технологии Deepfake произошёл в 2017 году, когда анонимный пользователь опубликовал приложение, позволяющее заменять лица в видео на лица знаменитостей. Это вызвало широкий общественный резонанс и привлекло внимание как исследователей, так и правоохранительных органов [4].

С тех пор технология продолжила развиваться, становясь всё более доступной для широкой аудитории. В настоящее время существуют различные инструменты и программное обеспечение, позволяющее даже непрофессионалам создавать Deepfake-видео с минимальными усилиями.

Какие же новые криминальные угрозы появились после распространения технологии Deepfake.

1. Мошенничество с использованием Deepfake

Самое популярное преступление, связанное с технологиями Deepfake это мошенничество. В России использование технологий Deepfake уже получило достаточно широкое распространения. Злоумышленники могут создавать фальшивые видео, в которых они выдают себя за известных личностей, таких как звезды эстрады, актеры, но и не только, а, так же создание видео и фото с вашими родными и близкими.

Deepfake может быть использован для кражи личных данных. Мошенники могут создавать фальшивые видеозаписи, чтобы убедить жертву раскрыть свои конфиден-

циальные данные. Или еще одной достаточно популярной схемой мошенничества, стала рассылка видео и фото близким людям жертвы с целью незаконного получения денежных средств.

С помощью нейросети мошенники создают реалистичное видеоизображение человека. Затем сгенерированный образ рассылают его друзьям или родным через мессенджеры или социальные сети. В коротком фальшивом видеоролике виртуальный герой, голос которого иногда сложно отличить от голоса знакомого человека, рассказывает якобы о своей проблеме (болезнь, ДТП, увольнение) и просит перевести деньги на определенный счет [6].

2. Посягательства на объекты авторского права

Использование технологии конечно затрагивает и авторское право, так как медийные личности обладают исключительным правом на использование своих фотографий, внешности и их деятельность (песни, книги и так далее), которая приносит им доход. Ярким примером стало решение Арбитражного суда Москвы, он вынес прецедентное решение по делу об использовании дипфейк-технологии. Суд постановил, что компания Roistat не имела права использовать в рекламе своего мероприятия юмористический ролик с лицом Киану Ривза, выполненный в Agenda Media Group (AMG), и взыскал с Roistat 500 000 рублей [3].

3. Deepfake как средство информационных войн

Deepfake также может быть использован в политических целях для манипуляции общественным мнением:

- Дезинформация: фальшивые видео политиков могут быть созданы с целью распространения ложной информации или подрыва доверия к определенным кандидатам.

- Влияние на выборы: использование Deepfake для создания ложных заявлений кандидатов может повлиять на результаты выборов и поляризовать общество. Например, в 2018 г. большой резонанс вызвало видео с Бараккой Обамой, который нелегально отзывался о 45-м президенте США Дональде Трампе. Этот дипфейк сделал режиссер Джордан Пил вместе с изданием BuzzFeed, чтобы продемонстрировать, насколько далеко шагнули технологии и почему нужно тщательно проверять источники информации и не верить своим глазам [1].

На сегодняшний день законодательство, касающееся технологий Deepfake, находится на стадии формирования. В разных странах существуют различные подходы к регулированию этой технологии, что создает определенные правовые пробелы и сложности. Рассмотрим некоторые нормативные акты о технологиях Deepfake, принятые в ряде зарубежных стран.

На данный момент в США нет единого федерального закона, который бы непосредственно регулировал технологии Deepfake. Однако различные штаты начали принимать свои собственные законы, направленные на борьбу с использованием Deepfake в мошенничестве, клевете и других преступлениях. Например, в 2018 году штат Калифорния принял закон, запрещающий использование Deepfake для создания порнографического контента без

согласия участника, а также для манипуляции выборами. Законодательство направлено на защиту прав личности и предотвращение распространения ложной информации. В 2019 году в штате Техас также был принят закон, который признает противоправным использование Deepfake для причинения вреда другим лицам, включая создание ложного контента с целью клеветы или обмана.

В Европейском союзе также отсутствует единый закон, регулирующий использование технологий Deepfake. Но существуют директивы и регламенты, которые данной проблеме посвящены. Например:

1. GDPR (Общий регламент по защите данных): GDPR, вступивший в силу в 2018 году, защищает персональные данные граждан ЕС. Использование Deepfake для обработки личных данных может нарушать положения GDPR, особенно если такие технологии используются без согласия затронутых лиц [2].

2. Директива о защите авторских прав: Вопросы авторских прав могут возникать, когда Deepfake используется для создания контента, который нарушает права создателей оригинального материала. Это может касаться как видео, так и изображений, использованных без разрешения.

3. Директива (ЕС) 2016/1148: Эта директива направлена на повышение уровня безопасности сетей и информационных систем в ЕС. Она может быть применима к платформам, которые используют Deepfake-технологии, если они подвергаются угрозам кибербезопасности.

В России пока нет специального законодательства по вопросу использования Deepfake. Однако в последние годы поднимались вопросы о необходимости создания правовых норм для борьбы с фальсификацией видео и защиты прав личности. Так, например, в Государственную Думу 16 сентября 2024 года был внесен законопроект № 718538–8, связанный с внесением изменений в Уголовный кодекс РФ. Законопроект предполагает изменения в статьях 128¹ часть 2¹, в пункте «д» части 3 статьи 158, статьи 159 часть 2¹, а также дополнениям подвергнуться статьи 159.6, 163, 165.

Какие же изменения данный законопроект принесет в уголовный кодекс.

- Статья 128.1 (Клевета): Создание и распространение Deepfake-контента с ложной информацией о человеке, то есть данный фактор станет дополнительным признаком в объективной стороне, поможет более детально классифицировать преступление, совершенное различными способами.

- Статья 137 (Нарушение неприкосновенности частной жизни): Использование технологий Deepfake для создания компрометирующего контента без согласия лица может нарушать его право на частную жизнь. Уточнения в данной статье помогут не только наказать преступника, но и доказать свою невиновность со стороны пострадавшего. Простым языком отбелить репутацию, доказав, что это была фальсификация.

- Статья 159 (Мошенничество): Использование Deepfake для обмана людей с целью получения матери-

альной выгоды может быть квалифицировано как мошенничество. Мошенничество и вправду обрело множество форм, от того следует четко разграничивать его объективную и субъективную сторону. Ведь несмотря на большое разнообразие способ совершения мошенничества, использование данных технологий преступники явно преследуют определенную цель и мотив, используя именно такой способ совершения преступления. Ко всему для хорошей подделки требуется хорошее оборудование в виде Персонального компьютера или других технических средств, например: специальные программные обеспечения для монтажа видео, обработки голоса и другое. Так что дополнение статьи квалифицирующей информацией, позволит наказывать преступника соразмерно его преступлению и его подготовки.

Технология Deepfake представляет собой мощный инструмент, который может быть использован как во благо, так и во вред. Последнее обстоятельство вызывает повышенные опасения в связи с применением этой технологии именно в преступных целях.

Deepfake-технологии могут быть использованы для создания поддельного контента, что открывает широкие

возможности для злоупотреблений. Криминальные угрозы, связанные с использованием Deepfake, включают клевету, шантаж, мошенничество и нарушение неприкосновенности частной жизни. Такие технологии могут подрывать доверие к информации, способствовать распространению дезинформации и разжиганию социальных конфликтов.

В условиях быстрого развития этих технологий необходимо разработать эффективные правовые механизмы для их регулирования и защиты прав граждан. Образование и информирование общества о рисках, связанных с Deepfake, также играют ключевую роль в предотвращении потенциальных злоупотреблений. Важно, чтобы правоохранительные органы и законодатели активно работали над созданием нормативной базы, способной адекватно реагировать на вызовы, которые несут с собой технологии Deepfake, тем самым минимизируя их негативное влияние на общество. Технологии помогают нам, но стоит не забывать об обратной стороне. Тем самым мировое сообщество должно уметь правильно справляться с возникающими проблемами в сфере цифровизации на законодательном и правоприменительном уровне.

Литература:

1. Данилова, В. А. Правовые аспекты регулирования «Deepfake» технологии в России / В. А. Данилова, Д. М. Левкин // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 7(211). — С. 88–91. — DOI 10.47643/1815–133720227_88. — EDN EUVFQR.
2. Европейский договор «General Data Protection Regulation, GDPR; Постановление 2016/679) — постановление Европейского союза» от 27 апреля 2016 // <https://gdpr-info.eu/art-1-gdpr/>. — 2016 г. — с изм. и допол. в ред. от 25 мая 2018.
3. Владислав Куликов Суд по интеллектуальным правам защитил авторские права на ролики с дипфейками // Российская газета. — 08.11.2024.
4. Ефремова, М. А., Русскевич, Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97–105. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024–56–13.
5. Масликова, Я. А. Дипфейки как угроза персональным данным / Я. А. Масликова // Грядущим поколениям завещаю: творить добро в защиту права: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Оренбург, 29 марта 2021 года. — Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2021. — С. 396–400. — EDN FHUXMS.
6. Мошенники обманывают людей с помощью дипфейков // Банк России URL: https://www.cbr.ru/information_security/pmp/15082024/ (дата обращения: 01.12.2024).
7. Цифровой обман: какие права нарушают дипфейки и как за это можно наказать // Право URL: <https://pravo.ru/story/249733/> (дата обращения: 08.11.2024).

Проблематика развития социальной защиты и социальных гарантий муниципальных служащих

Курмангазиева Радмила Зинуровна, студент магистратуры

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

Современная система социальной защиты муниципальных служащих представляет собой сложный механизм, формирование которого происходило под влиянием различных факторов политического, экономического и правового характера.

Выполняя функции публичной власти в интересах общества, муниципальные служащие занимают особое положение в государственной системе, что предполагает создание адекватных механизмов их социальной защиты. Анализ существующего правового регулирования и практики его применения выявляет множество проблем, которые препятствуют эффективному функционированию института муниципальной службы. Об этом подробно излагается в статье.

Ключевые слова: муниципальные, социальная защита, механизмы, эффективность, законодательство, гарантии.

Проблематика социальной защиты муниципальных служащих приобретает особую актуальность в контексте необходимости привлечения квалифицированных кадров в органы местного самоуправления. Недостаточность социальных гарантий создает риски оттока профессиональных кадров из муниципальной сферы, что негативно сказывается на качестве предоставляемых населению услуг и эффективности местного самоуправления в целом.

Социальная защита муниципальных служащих представляет собой многоуровневую систему мер, направленных на компенсацию ограничений, связанных с особым характером служебной деятельности.

Специфика правового статуса муниципальных служащих обуславливает необходимость создания особых механизмов социального обеспечения, которые бы учитывали, как публично-правовую природу их деятельности, так и потребности в защите от различных социальных рисков.

Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ [1] заложил основы правового регулирования социальной защиты муниципальных служащих, однако многие вопросы остались недостаточно проработанными.

Закон устанавливает общие принципы взаимосвязи муниципальной службы и государственной гражданской службы, включая соотносительность основных условий оплаты труда и социальных гарантий, но при этом передает значительную часть полномочий по конкретизации этих положений на региональный уровень.

Особенность правового статуса муниципальных служащих заключается в том, что они, с одной стороны, являются представителями публичной власти, а с другой — остаются членами того же общества, интересы которого призваны защищать. Эта двойственность порождает специфические потребности в социальной защите, которые не всегда адекватно отражены в действующем законодательстве.

Анализ действующего законодательства выявляет существенные пробелы в регулировании социальной защиты муниципальных служащих. Федеральный уровень ограничивается установлением общих принципов, передавая детальную регламентацию субъектам Российской Федерации. Такой подход создает неравенство в положении муниципальных служащих различных регионов и муниципальных образований.

Статья 23 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» устанавливает базовые гарантии для муниципальных служащих, включая

условия работы, денежное содержание, отдых, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение и социальное страхование. Однако формулировки этих гарантий носят достаточно общий характер, что создает трудности в их практической реализации.

Особую проблему представляет отсутствие единых стандартов в области квалификационных требований к муниципальным служащим. Федеральный закон возлагает на субъекты Российской Федерации обязанность разработки реестра должностей муниципальной службы и соответствующих квалификационных требований [2].

Результатом стала фрагментация требований, когда каждый регион устанавливает собственные стандарты, что ограничивает мобильность кадров и нарушает принципы равного доступа к муниципальной службе.

Проблема усугубляется тем, что региональные нормативные акты часто не содержат достаточной детализации квалификационных требований, что создает неопределенность как для самих служащих, так и для работодателей. Отсутствие четких критериев профессиональной пригодности затрудняет объективную оценку кандидатов и может приводить к субъективным решениям при приеме на службу.

Одной из ключевых проблем развития социальной защиты муниципальных служащих является недостаточность финансовых ресурсов. Большинство муниципальных образований в Российской Федерации являются дотационными, что существенно ограничивает их возможности по обеспечению достойного уровня социальной защиты своих служащих.

Эти ограничения создают парадоксальную ситуацию: муниципальные образования, которые больше всего нуждаются в квалифицированных кадрах для решения социально-экономических проблем, оказываются наименее способными обеспечить привлекательные условия службы.

Результатом становится «порочный круг», когда низкое качество муниципального управления препятствует экономическому развитию территории, что, в свою очередь, не позволяет улучшить финансовое положение муниципального образования. Отсутствие единых подходов к определению размеров должностных окладов приводит к значительным различиям в оплате труда служащих, выполняющих аналогичные функции в разных муниципальных образованиях.

Проблему усугубляет отсутствие эффективной системы классных чинов на муниципальной службе. В отличие от государственной гражданской службы, где система классных чинов является важным элементом

карьерного роста и материального стимулирования, в муниципальной службе этот институт развит недостаточно. Это снижает мотивацию служащих к профессиональному развитию и долгосрочной работе в системе местного самоуправления.

Пенсионное обеспечение муниципальных служащих регулируется статьей 24 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», которая устанавливает, что на муниципальных служащих распространяются права государственных гражданских служащих в области пенсионного обеспечения [3]. Однако практическая реализация этого принципа сталкивается с серьезными трудностями.

Правовые основы пенсионного обеспечения муниципальных служащих регулируются комплексом федеральных законов: от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении», от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании» и от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Сложность взаимодействия различных пенсионных систем создает трудности в понимании и реализации пенсионных прав.

Некоторые субъекты Российской Федерации принимают отдельные законы, устанавливающие особенности выплаты муниципальным служащим пенсии по выслуге лет. Однако такая практика не получила широкого распространения из-за ограниченности финансовых ресурсов региональных бюджетов. В результате большинство муниципальных служащих оказываются в менее выгодном положении по сравнению с государственными служащими в части пенсионного обеспечения.

Российская практика государственного управления последних лет демонстрирует интересный эксперимент, который может изменить подход к социальному обеспечению служащих местного самоуправления. Речь идет о федеральной территории «Сириус» — небольшом образовании на черноморском побережье, где апробируются

механизмы прямого федерального финансирования социальных гарантий.

Президентский указ от октября 2025 года фактически легализует и расширяет эту практику. Документ вводит механизм, при котором доплаты к пенсиям служащих финансируются через систему межбюджетных трансфертов. Звучит бюрократично, но за этой формулировкой скрывается простая идея — деньги на социальные нужды поступают из единого источника, а не зависят от состояния местной казны.

Раньше переход служащего из одного муниципалитета в другой часто означал потерю накопленных социальных гарантий. Новая система предусматривает приостановку выплат при смене места работы с последующим их возобновлением. Человек может строить карьеру в разных регионах, не теряя при этом заработанных прав.

К середине 2030-х годов планируется выйти на полное покрытие всех муниципальных образований.

Финансовая сторона вопроса остается наиболее чувствительной. Создание единого фонда поддержки муниципальной службы потребует перераспределения бюджетных потоков. Регионы-доноры могут воспринять это как дополнительную нагрузку, дотационные территории — как долгожданную помощь. Баланс интересов найти непросто, но альтернатива — сохранение существующего неравенства — едва ли приемлема.

Опыт других стран показывает разные модели организации социальной защиты местных служащих. Где-то действует полная централизация, где-то — максимальная автономия муниципалитетов. Российский вариант, судя по всему, будет представлять собой гибрид: базовые гарантии обеспечивает федеральный центр, дополнительные преференции остаются на усмотрение регионов и муниципалитетов.

Пока можно констатировать, что проблема признана на высшем уровне, начаты практические шаги по ее решению. Будут ли они успешными — вопрос ближайших лет.

Литература:

1. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024 N 338-ФЗ) // Собрание законодательства РФ — 2023 — N 49 (ч. 1) — ст. 7020.
2. Оганесян, К. Г. Местное самоуправление как форма осуществления публичной власти / К. Г. Оганесян // Проблемы в российском законодательстве. — 2021. — № 6. — С. 16–18.
3. Постовой, Н. В. Муниципальное право России: учебник / Н. В. Постовой, В. В. Таболин, Н. Н. Черногор; под ред. Н. В. Постового. — М.: ИД «Юриспруденция», 2015. — 448 с.

Генезис и философия авторского права: от «права на копию» к защите творца

Лампежева Алёна Муратовна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует генезис и философские основания авторского права как сложного социально-правового феномена.

Ключевые слова: история авторского права, философия права, генезис института авторского права, персоналистическая концепция.

Авторское право в его современном понимании представляет собой сложный и многогранный социально-правовой феномен, чья сущность и содержание являются результатом длительной исторической эволюции и напряженных философских дискуссий. Зачастую его историю начинают с момента изобретения книгопечатания, что, однако, существенно упрощает картину, игнорируя глубинные культурные и антропологические предпосылки, сформировавшие саму идею уникальной связи между творцом и его творением. Если мы совершим критический анализ общепринятой истории «копирайта», то увидим, что присутствуют значительные расхождения в датировках и версиях происхождения этого, как принято считать, молодого института. Эта вариативность, по мнению Д. А. Братусь, «в пределах нескольких столетий» свидетельствует об отсутствии единого объективного исторического подхода и создает препятствия для всесторонней квалификации содержания исключительного авторского права [1, с. 122]. Истоки этого явления уходят корнями в эпохи, когда формализованного юридического регулирования творческой деятельности еще не существовало, но уже зарождалось самосознание творческой личности. Исследователи, занимающиеся проблемой «рождения автора», указывают на принципиальную междисциплинарность этого вопроса. Так, Н. С. Егоров отмечает, что фигура автора имеет «хронотопическое измерение», а ее изменчивость обусловлена этапами развития культуры [2, с. 211].

Отправной точкой для понимания генезиса авторского права, на наш взгляд, должно стать не изобретение печатного станка, а рождение «осознанного автора» — творца, который не просто создает, но и рефлексировать по поводу своей деятельности, ощущая свое произведение как продолжение собственной личности. Этот феномен связывают с культурой Древней Греции. Именно там произошел фундаментальный сдвиг, который исследователи называют «греческим чудом», — переход от мифа к логосу. Мифологическое сознание коллективно и анонимно; миф не имеет автора, он принадлежит всем и никому одновременно. Логос же, напротив, предполагает индивидуальное, рациональное осмысление мира. «Вместо коллективного мифосознания приходит индивидуальный логос, способствующий появлению отдельной творческой единицы — автора» — указывает Т. А. Галанцева [3, с. 43]. Эта трансформация сопровождалась развитием и демократи-

зацией письменности. В отличие от цивилизаций Древнего Востока, где письмо было сакральным знанием и монополией касты жрецов и писцов, алфавитная система греков сделала грамотность доступной широким слоям населения. Это, в свою очередь, способствовало появлению первых именных произведений, подписанных их создателями — от поэтов до философов и историков.

Хотя в античности не существовало авторского права в современном системном виде, многие его элементы уже присутствовали в общественном сознании и правовой культуре. Римское право, например, знало понятие «*plagium*» (похищение, в том числе и литературное), хотя оно и не было выделено в отдельную категорию правонарушений. Древние авторы остро чувствовали свою связь с произведениями и ревностно относились к своему авторству. Д. А. Братусь, полемизируя с классиками, отрицавшими наличие авторского права у древних, приводит в пример слова Плиния Младшего, который говорил о неразрывной связи личности творца с шедевром: «...наши имена связывают с литературой, как собственность не нашу, людскую, а литературную», как указано в работе И. Канта [4, с. 115]. Это свидетельствует о том, что идея материальной связи, лежащая в основе современных личных неимущественных прав автора, не была чужда античному миру. Борьба за признание авторства, а не за материальную выгоду, была действительностью. Демосфен, как отмечает А. Г. Матвеев, «десять лет добивался золотого венка за речь о павших в битве при Херонее и получил искомые почести» [5, с. 89]. Таким образом, самосознание автора и идея неразрывной связи творца с его произведением утвердились в культуре значительно раньше, чем были разработаны механизмы их экономической эксплуатации и правовой защиты.

Революционным сдвигом, стимулирующим формирование правового регулирования, стало изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом в середине XV века. Как отмечает С. Н. Титов, анализируя философские и правовые концепции, эта технология, позволив массово тиражировать тексты, создала не только новые возможности для распространения знаний, но и новую экономическую реальность. Появился книжный рынок, а вместе с ним и проблема несанкционированного копирования, которое подрывало финансовые основы деятельности первопечатников. Первоначальной правовой реакцией на этот вызов стало введение системы привилегий. Это были моно-

польные права, даруемые монархом или городскими властями определенному издателю на печатание и продажу конкретной книги в течение установленного срока [6, с. 181]. Важно подчеркнуть, что эти привилегии защищали не автора, а издателя-инвестора. Их целью было не вознаграждение творческого гения, а стимулирование развития новой и капиталоемкой отрасли — книгопечатания. Автор в этой системе был лишь поставщиком «сырья», иными словами, рукописи. На наш взгляд, именно этот этап можно охарактеризовать как эру «права на копию».

Поворотным пунктом в истории авторского права стал знаменитый английский «Статут королевы Анны» 1710 года. Этот законодательный акт впервые в истории признал автором первоначального субъекта права на произведение. Хотя его основной целью по-прежнему было упорядочивание книготорговли и борьба с «пиратством», его формулировки заложили концептуальный фундамент для будущего развития авторского права. Статут устанавливал срок охраны произведения, после которого оно переходило в общественное достояние. Как отмечает Т. А. Галанцева, «этот документ закреплял принцип копирайта, который заключался в запрете в копировании и распространении опубликованных авторских произведений без разрешения их обладателя» [3, с. 45]. Таким образом, право перестало быть бессрочной монополией издателя и превратилось в срочное, отчуждаемое право автора. Несмотря на этот прогрессивный шаг, философское осмысление природы этого нового права только начиналось, и оно шло двумя принципиально разными путями.

В англосаксонской правовой традиции обоснование авторского права развивалось в русле утилитаризма и теории трудовой собственности Джона Локка. С этой точки зрения, авторское право — это, прежде всего, экономический стимул. Общество предоставляет автору временную монополию на использование его произведения, чтобы мотивировать его и других творцов к созданию новых культурных благ, которые в конечном итоге обогатят все общество — как указывает А. Г. Матвеев [5, с. 89]. Труд автора, вложенный в создание произведения, порождает его естественное право на плоды этого труда, подобно тому как труд крестьянина порождает его право на урожай. Эта концепция, зародившаяся в Англии, нашла свой расцвет во Франции и легла в основу систем, где доминирует экономическая, проприетарная сторона авторского права.

Совершенно иную, глубоко персоналистическую трактовку авторское право получило в трудах представителей немецкой классической философии. Это обоснование принято называть «личностным», и оно стало теоретическим фундаментом для германской системы авторских прав и континентальной традиции в целом. А. Г. Матвеев в своем исследовании подчеркивает, что «в целом, такое обоснование обычно называется «личностным». Однако во взглядах Канта, Фихте и Гегеля на авторское право имеется значительная специфика». Именно эти мыслители

сместили фокус с труда и собственности на личность автора и акт творческого самовыражения.

И. Кант первым предложил рассматривать книгу не как вещь (товар), а как «обращенную к публике речь автора». Следовательно, несанкционированная перепечатка является не нарушением права собственности на физический объект (экземпляр книги), а нарушением личного права автора контролировать свою «речь», свое обращение к миру. Автор, по И. Канту, имеет естественное право своей личности не говорить с публикой без его на то согласия. Это был революционный для того времени взгляд, который выводил авторское право из вещно-правового дискурса в дискурс личных, нематериальных прав. И. Кант заложил основу монистической модели авторского права, где право воспринимается как единое и неотчуждаемое право личности, из которого проистекают различные полномочия, в том числе и имущественные.

Дальнейшее развитие эта идея получила в работах Иоганна Готлиба Фихте. В своей статье о незаконности перепечатки книг он ввел ставшее классическим различие между содержанием (идеями) и формой произведения. Идеи, по Фихте, принадлежат всему человечеству, они не могут быть объектом исключительного присвоения. Однако форма, в которой эти идеи выражены, — комбинация слов, структура, стиль — является уникальным и неповторимым отпечатком личности автора. «Форма идей абсолютно не может быть присвоена никем другим, потому что это физически невозможно. Дело в том, что каждый человек имеет свои собственные мыслительные процессы». Именно на эту уникальную форму автор имеет право исключительной собственности. Кроме того, Фихте впервые четко выделяет, наряду с имущественным правом, и личное право на признание своего авторства. Таким образом, он, в отличие от Канта, предвосхитил дуалистическую модель, где разделяются имущественные («экономические») и личные неимущественные («моральные») права автора.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель рассматривал авторское право в контексте своей философии права, где собственность является первым внешним проявлением свободной воли личности. Литературное или художественное произведение, будучи продуктом духа, является особенно ярким проявлением личности автора. Поэтому автор сохраняет за собой «общий способ размножения своего сочинения» как неотчуждаемое проявление самого себя. Хотя учение Гегеля уже не является в чистом виде натуралистическим и его формулировки, как отмечали многие исследователи, крайне туманны, оно закрепило в философской традиции идею о том, что связь автора с произведением глубже, чем простая собственность, это связь экзистенциальная. Таким образом, немецкий идеализм предоставил мощную философскую базу для концепции, согласно которой авторское право защищает не просто экономический интерес, а саму личность творца, выраженную в произведении. Эта концепция легла в основу европейской континентальной доктрины «право автора»,

где личные неимущественные права (право на имя, право на защиту репутации, право на неприкосновенность произведения) считаются вечными, неотчуждаемыми и составляют ядро авторского права.

Особый путь развития авторского права наблюдался в России, где его генезис был тесно связан не с интересами капитала или идеями Просвещения, а с задачами государственного и церковного контроля. Как указывает Д. А. Братусь, «авторское право на Руси начиналось с государственных книгопечатен, создававшихся Иваном IV для контроля за безупречностью библейских текстов». Первоначальной задачей было не поощрение творчества, а обеспечение идеологической и догматической чистоты текстов. Эта государственно-центричная модель продолжилась и при Петре I, что в итоге привело к парадоксальной ситуации: одним из первых источников российского авторского права стал... Устав о цензуре 1828 года. «Многолетняя, с 1828 по 1887 гг., связь законов об авторском праве с Цензурным уставом... объясняется особым идеологическим значением, которое власти придавали произведениям литературы» — отмечает И. В. Сергеев. Пожалуй, это кардинально отличает российский путь: если западноевропейское право на этапе своего оформ-

ления обслуживало интересы капитала, то русское (российское) право традиционно охраняло «духовность и державные устои».

Таким образом, генезис авторского права представляет собой сложный диалектический процесс. Он начался с латентного периода античности, где зародилось самознание автора, прошел через утилитарный этап издательских привилегий, вызванный технологической революцией книгопечатания, и, наконец, обрел свое философское осмысление в двух конкурирующих парадигмах. Первая, утилитарно-проприетарная, рассматривает право, как инструмент для достижения общественного блага через стимулирование творчества. Вторая, персоналистическая, видит в нем неотъемлемое право личности, защищающее акт творческого самовыражения. Современные системы авторского права по всему миру являются гибридами этих двух подходов, пытаясь найти хрупкий баланс между интересами автора, инвесторов (издателей, продюсеров) и всего общества в доступе к культурным ценностям. Как мы видим, история этого института демонстрирует, как правовые нормы не просто отражают, но и формируют культурные ценности, определяя статус творца в обществе и само значение творческой деятельности.

Литература:

1. Братусь Д. А. Концептуализация содержания исключительного авторского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 17. — № 2. — С. 122.
2. Егоров Н. С. Рождение автора как междисциплинарная проблема // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 211.
3. Галанцева Т. А. Генезис развития института авторских и смежных прав в России // Вестник экономической безопасности. — 2024. — № 3. — С. 43–45.
4. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. — М.: Мысль, 1965. — С. 115.
5. Матвеев А. Г. Личностное обоснование авторского права в контексте становления системы авторских прав в Германии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2015. — Выпуск 1(27). — С. 89.
6. Титов С. Н. Генезис уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в России // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2023. — № 3. — Т. 1. — С. 181

Проблемы расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами, и возможные пути их разрешения

Левчук Ирина Владимировна, студент магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье рассматриваются актуальные проблемы взаимодействия правоохранительных органов при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами. В статье анализируются причины конфликтов между следователями и оперативными сотрудниками, главной из которых является отсутствие четкой нормативно-правовой базы, регулирующей порядок их взаимодействия, что приводит к разногласиям в оценке достаточности доказательств и снижению результативности расследований. Особое внимание уделяется роли недобросовестных адвокатов, вовлеченных в преступную деятельность или коррумпированных, которые целенаправленно препятствуют следствию.

Ключевые слова: организованная преступность, ОПГ, взаимодействие правоохранительных органов, следователь, оперативный сотрудник, недобросовестный защитник, противодействие следствию.

Problems in the investigation of crimes committed by organized criminal groups and possible solutions

Levchuk Irina Vladimirovna, master's student

Far Eastern legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

The article discusses the current problems of interaction between law enforcement agencies in the investigation of crimes committed by organized criminal groups. The article analyzes the causes of conflicts between investigators and operational officers, the main of which is the lack of a clear regulatory framework governing their interaction, which leads to disagreements in assessing the sufficiency of evidence and reduces the effectiveness of investigations. Special attention is given to the role of unscrupulous lawyers who are involved in criminal activities or are corrupt, who purposefully obstruct the investigation.

Keywords: organized crime, organized criminal group, interaction between law enforcement agencies, investigator, operative officer, unscrupulous defense attorney, obstruction of investigation.

За последние пять лет в России наблюдается резкое увеличение преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами (преступными организациями) (далее — ОПГ). Так, за 2024 год было зарегистрировано 37643 преступлений, совершаемых ОПГ; за 2023 год — 31824; за 2022 год — 27207; за 2021 год — 22172; за 2020—17727 [4]. Данный показатель продемонстрировал рост рассматриваемых преступлений на 55,7 % за 2024 год в сравнении с 2020 годом.

Увеличение уровня организованной преступности указывает на расширение сфер влияния ОПГ, их адаптацию к новым условиям, в том числе к использованию цифровых технологий, а также на недостаточную координацию между правоохранительными органами и нехватку ресурсов для борьбы с организованной преступностью. Что требует разработки и реализации комплексных мер по противодействию организованной преступности.

Ключевым условием эффективного раскрытия и расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами, является налаженное взаимодействие правоохранительных органов.

Несмотря на постоянную актуальность, проблема взаимодействия при расследовании характеризуется как недостаточной научной разработанностью, так и наличием пробелов в её нормативно-правовом регулировании. Хотя координация взаимодействия при расследовании дел ОПГ является прямой задачей следователя, следует помнить о коллективной природе этого процесса. Успех расследования всецело зависит от того, насколько эффективно оно организовано на всех стадиях.

Одной из основных причин, способствующих возникновению проблем при взаимодействии следователя с органами дознания, выступает отсутствие четкой нормативной правовой базы, которая регламентировала бы порядок такого взаимодействия. Как следствие, существует недостаточная определенность прав и обязанностей субъектов приведенных правоотношений.

В силу указанных обстоятельств в практической деятельности органов расследования возникает ряд определенных проблем.

Большинство случаев взаимоотношений между следователем и оперативным сотрудником начинают свое существование с конфликта по поводу недостаточности собранных материалов. Документирование преступной деятельности при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) оперативным сотрудником схоже с уголовно-процессуальным доказыванием, однако имеются некоторые отличия в целях, субъектах и условиях. Как правило, оперативный сотрудник часто сталкивается с событием преступления непосредственно в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, у него складывается убежденность, что собранные материалы являются достаточными для передачи в органы предварительного следствия с целью решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В то же время, анализ практической деятельности показывает, что следователь, не сталкивавшийся непосредственно с событием совершения преступления, а также в некоторых случаях и не имеющий возможности в силу особенностей легализации результатов ОРД ознакомиться с материалами дел оперативного учета, оценивает переданные оперативным работником материалы с позиции рассмотрения уголовного дела в ходе судебного процесса, что не всегда сильно интересует оперуполномоченного сотрудника полиции. В итоге наблюдается парадокс следующего характера: оперативный работник в полной уверенности в том, что собранных данных достаточно для принятия соответствующего решения, передает их следователю, однако для следователя, объем представленных материалов недостаточен и зачастую является неполным.

Логическим продолжением подобных ситуаций, в которых первоосновой выступают конфликты делового характера, перерастают в эмоциональные конфликты, что, несомненно, несет исключительно негативные последствия в процессе расследования.

В итоге таких взаимоотношений порою даже объект конфликта теряет для правоохранителей свой интерес. Зачастую на первое место выступает выяснение тех обстоятельств, кто из оппонентов обладает большим превосходством. Подобная ситуация может заканчиваться прочным установлением неприязненных отношений между оппо-

нентами, которые впоследствии становятся противниками по отношению друг к другу. Даже при изменении ситуации, неприязненный характер в итоге остается на протяжении осуществления всей профессиональной деятельности.

Во избежание подобных ситуаций при расследовании дел по преступлениям, совершенным в составе организованной группы, сотрудникам правоохранительным органам необходимо вступать в тесный профессиональный контакт, четко разъясняя друг другу свои требования по объему и качеству проведения предстоящих мероприятий. Так, А. И. Кривенко верно отмечает, что «правильно организованное и осуществленное взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений позволяет своевременно выявить и закрепить признаки преступной деятельности, дать конкретным проявлениям этой деятельности правильную правовую оценку, определить направления и конкретные мероприятия по закреплению судебных доказательств, выбрать оптимальную форму и момент реализации результатов оперативно-розыскной деятельности и тем самым создать предпосылки для успешного раскрытия и расследования уголовно-наказуемого деяния» [2, с. 150].

При организации расследования дел данной категории необходимо тщательно планировать вопросы по сохранению информации о проведении стратегически и тактически важных операциях правоохранительных органов в отношении преступников. Повышенные требования по сохранению оперативной информации позволяют успешно использовать фактор внезапности, особенно если в ходе расследования в кратчайшие сроки необходимо провести ряд следственных действий.

С учетом указанных проблем, сотрудникам органов предварительного следствия рекомендуется применять метод календарного планирования, что в свою очередь позволяет избежать всевозможных «накладок» и «просчетов» в следственной деятельности, а также непроизводительных затрат времени. Необходимо отметить, что, используя данный метод, необходимо учитывать план оперативно-розыскных мероприятий, также составленный при совместном согласовании.

Другим проблемным аспектом в организации работы по расследованию и дальнейшего его хода по делам данной категории выступает такой факт, как участие недобросовестного защитника, который всяческим образом пытается учинить препятствия для следствия. Следователь и оперативный сотрудник, планируя расследование по делу, должны предвидеть возможные варианты развития события, в частности невозможность проведения каких-либо мероприятий из-за особенностей проводимой защиты подозреваемых лиц.

Так, в адвокатском сообществе могут возникнуть две взаимосвязанные негативные и опасные тенденции:

– «коррупционированность» адвокатов — явление, выражающееся в коррупционированных связях адвокатов с лицами, занимающими определенные должности в судах либо в правоохранительных органах;

– «вовлеченность» адвокатов — явление, характеризующееся неким сотрудничеством, а иногда и участием в преступной деятельности адвокатов в составе ОПГ. В данном случае адвокат может выступать как в роли защитника преступной группы на «постоянной основе», так и в роли соучастника [3, с. 57].

Высокий уровень противодействия следствию со стороны участников преступной группы определяет востребованность преступников в услугах таких защитников. Основные действия, которые свойственны недобросовестным защитникам, сводятся к определенной линии поведения, например, при задержании преступников и при проведении следственных действий. Они могут также оказывать давление на участников процесса; предпринимают попытки опорочить имеющиеся у следствия доказательства; запугивают следователя и свидетелей; намеренно затягивают ход расследования; предпринимают усиленные попытки, направленные на освобождение подозреваемых либо обвиняемых лиц.

Так, в случаях, когда преступная группа действует в различных регионах, расположенных на значительном друг от друга расстоянии, происходит процесс осложнения взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов. Зачастую возникают споры относительно подследственности, что также оказывает негативное влияние на ход и результаты расследования.

От адвокатов, которые буквально входят в штат ОПГ, стоит ожидать чего угодно. Осуществляя консультации своих подзащитных, они способны также находить и подкупать свидетелей, лжесвидетелей, проводить фальсификацию доказательств в интересах преступной группы. Кроме того, они могут являться своего рода каналом связи, настроенным между уже задержанными и все еще остающимися на свободе участниками преступных групп.

Необходимо учитывать, что такие адвокаты, в случае необходимости могут встать на сторону защиты свидетелей, в целях информирования в дальнейшем участников преступного формирования о полученных показаниях. В этой связи следователь, распознав такого адвоката, должен провести со свидетелем разъяснительную работу об опасностях и последствиях подобного «покровительства», наставить свидетеля в правильном направлении и попытаться убедить сменить представителя защиты.

В целом среди нарушений, допускаемыми недобросовестными защитниками, исследователь Б. А. Асриян выделяет следующие виды:

- 1) оскорбления, препирательства с участниками судопроизводства, осуществление разглашения информации о мерах безопасности, которые были применены в отношении того или иного участника;
- 2) подкуп свидетелей, экспертов, специалистов, а также многочисленные ходатайства с намерением затянуть ход расследования;
- 3) уничтожение доказательств, подтверждающих вину преступников, фальсификация доказательств, хищение

или уничтожение материалов уголовного дела при ознакомлении с ними в порядке ст. 217 УПК РФ;

4) срыв проведения следственных, судебных действий и т. п. [1, с. 7].

Следователь в свою очередь, обязан предусмотреть возможные варианты развития событий с учетом указанных обстоятельств, и параллельно с действиями по организации расследования разработать тактику нейтрализации применения незаконных способов со стороны защиты. Так, в частности, рекомендуется сократить по возможности количество необходимых к проведению очных ставок между свидетелями и преступниками. В то же время у следователя всегда имеется возможность отказать в ходатайствах адвокатов о проведении следственных

действий. Наряду с этим, следователь вправе провести очную ставку между несколькими потерпевшими и одним обвиняемым одновременно, используя, таким образом, количественный признак. Подобный тактический прием позволит добавить психологической уверенности потерпевшим.

Таким образом, успех в раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами, возможен только при условии консолидации усилий всех правоохранительных органов, основанной на четком правовом регулировании, слаженном профессиональном взаимодействии и превентивном планировании, учитывающем все возможные формы противодействия исследуемым преступлениям.

Литература:

1. Асриян Б. А. Характеристика противодействий недобросовестных адвокатов следствию в борьбе с организованной преступностью: материалы межведомственного научно-практического семинара. М., 2012. С. 3–13.
2. Кривенко А. И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: учебное пособие. М., 2008. 232 с.
3. Мусина Ф. Ф. Особенности специфики расследования преступлений, совершенных преступными сообществами // Трибуна ученого. 2024. С. 57–62
4. Состояние преступности в России за 2020–2024 года // ГИАЦ МВД России: официальный сайт МВД России. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 04.10.2025).

Экспериментальные правовые режимы как инструмент административно-правового регулирования и государственного управления в сфере инноваций: природа, проблемы и перспективы

Лесников Леонид Александрович, студент

Научный руководитель: Станзонь Людмила Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В условиях глобальной технологической конкуренции способность государства к быстрому внедрению инноваций становится одним из важнейших преимуществ на мировой арене. Однако классическая система правового регулирования, основанная на императивных и универсальных нормах, не успевает за скоротечным развитием технологий, создавая регуляторные барьеры для инноваций. Ответом на этот вызов стало введение экспериментальных правовых режимов — гибкого инструмента административно-правового регулирования, позволяющего тестировать инновации в особых правовых условиях.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, административно-правовое регулирование, государственное управление, инновации.

На сегодняшний день процесс создания новых технологических решений постоянно ускоряется, и главным вызовом для государства становится хроническое отставание нормативно-правовой базы. Ввиду объективных обстоятельств ни законодатель, ни регулятор не поспевают за скоротечным процессом создания инновационных разработок. Возникает объективная потребность в новой модели государственного управления,

основанной на принципах скорости, адаптивности и направленности на развитие инноваций.

Ответом на этот системный вызов стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее — Закон), который ввел в российское законодательство новое понятие — экспериментальный правовой режим (далее —

ЭПР). Законодатель определил его как: «применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций».

Спустя пять лет активного использования ЭПР возникает ключевой вопрос, определяющий дальнейший вектор развития данного инструмента: является ли ЭПР лишь временной, ситуативной мерой, призванной точно решить проблему нормативного отставания, или же он представляет собой становящийся институт, прообраз постоянной модели адаптивного государственного управления, отвечающей вызовам времени? Ответ на этот вопрос требует анализа ЭПР с точки зрения его сущности, эффективности, выявления его недостатков и оценки его перспектив к дальнейшей трансформации.

На текущий момент в научной среде имеет место дискуссия на тему правовой природы ЭПР. В классической парадигме теории государства и права правовой режим обладает рядом признаков: нормативное закрепление; основа на правовой процедуре; специфическая цель; особый порядок правового регулирования, основанный на запретах, дозволениях, обязываниях и рекомендациях; системный и комплексный характер, единство правового регулирования [1, с. 286].

ЭПР в данном случае не попадает под признаки классического правового режима, поскольку не обладает особым порядком правового регулирования, а лишь приостанавливает действие правовых норм. Системным характером он также не обладает, поскольку установление ЭПР скорее создает уникальные «правовые оазисы», где не действует определенное правовое регулирование. Несмотря на это, стоит обозначить, что ЭПР хоть и не является правовым режимом в классическом его понимании, но скорее является его специфической разновидностью, обладающей особым характером правового регулирования и набором признаков. Так, д.ю.н. Тарасенко О. А. указывает на то, что ЭПР имеет надстроечный, вторичный характер, поскольку он характеризуется неполнотой качества режима. ЭПР не заменяет действие общего правового регулирования, а лишь в отдельных местах пересекается с ним, приостанавливая действие отдельных норм и создавая дискретное и временное регуляторное окно [2, с. 45].

Отдельного внимания заслуживает не только правовая, но и управленческая природа ЭПР. Классическая схема государственного административного управления представляет собой разомкнутую вертикальную схему, где государство посредством нормативных актов воздействует на объект управления для достижения определенных целей. Быстрые изменения в общественных отношениях ставят данную систему в кризис — нормотворческий процесс не поспевает за изменениями в потребностях как объектов управления, так и самого государства. Как отмечают некоторые ученые, ЭПР трансформирует схему административного управления, делая ее замкнутой [3,

с. 104]. Так, государство, по инициативе самого объекта управления, создает особый режим правового регулирования, после чего на постоянной основе получает от объекта обратную связь. Государство как субъект управления, исходя из результатов инновационной деятельности, принимает управленческое решение, после чего круг замыкается, и процесс повторяется вновь. Подобная схема обладает рядом важных преимуществ, наиболее актуальных для сферы инноваций: скорость в принятии решений, постоянное получение обратной связи от объекта регулирования, адаптивность.

Ключевым для определения статуса ЭПР в системе инструментов государственного управления является вопрос его эффективности, оцениваемой в парадигме достижения поставленных целей. Однако проведение такой оценки наталкивается методологическую проблему: отсутствие выделенных ключевых показателей эффективности (KPI) непосредственно для данного инструмента. Плановые показатели от использования ЭПР интегрированы в более широкие показатели национальных проектов и государственных программ, что не позволяет провести изолированный анализ вклада именно ЭПР в достижение этих целей. Как следствие, эффективность данного инструмента можно оценить лишь постфактум, посредством анализа открытых данных из отчетности федеральных органов исполнительной власти.

Как следует из материала к итоговой Коллегии Минэкономразвития России по ключевым итогам 2024 года, ключевыми показателями в оценке эффективности ЭПР за период 2020–2024 гг. стали:

- 1) Количество граждан, получивших услуги в рамках ЭПР — более 100 тыс.;
- 2) Количество снятых административных барьеров — более 150;
- 3) Количество участников ЭПР — более 190;
- 4) Количество установленных ЭПР — 17.

Отдельного внимания заслуживают намеченные планы на период 2025–2030, указанные в отчете. Так, за указанный период планируется установить не менее 10 новых ЭПР, а также внедрить новое регулирование, показавшее эффективность в рамках ЭПР [4, с. 110].

Представленные результаты и планы Минэкономразвития России опровергают тезис о временности ЭПР как инструмента управления, но подтверждают его временность как метода управления. Инструмент доказал свою ценность и будет использоваться и далее, о чем говорят планы до 2030 года. Однако подход к его применению остается точечным: отсутствие четких плановых показателей на реальный инновационный эффект, ни одного успешного использования результатов ЭПР в качестве нового регулирования за 5 лет существования Закона.

Стоит отметить, что на текущий момент правовая конструкция ЭПР обладает рядом недостатков, не позволяющих данному инструменту стать систематической управленческой практикой. Первая проблема — несоответствие ЭПР критерию институциональности, выража-

ется в отсутствии единого уполномоченного органа (или структурного подразделения). На текущий момент в соответствии с Законом, формально уполномоченным органам в сфере ЭПР (помимо ЭПР в сфере финансовых технологий) является Минэкономразвития России. В то же время, министерство выступает лишь координатором процесса между отраслевыми регуляторами, действующих в рамках своих целей и KPI, а не «единым окном» принятия решений. Данное обстоятельство не делает процесс предсказуемым и прозрачным.

Вторая проблема заключается в несоответствии текущей конструкции ЭПР критерию полной интеграции в процесс управления, выражается в отсутствие четкой, предсказуемой и срочной процедуры придания частному регулированию ЭПР общего характера. В соответствии со ст. 18 Закона итоговым решением Правительства РФ по результатам успешного ЭПР может стать либо его продление, либо решение «о необходимости внесения изменений в общее регулирование». Далее процедура Законом не закрепляется, а также отсутствуют какие-либо нормы, гарантирующие, что успешный ЭПР не останется в рамках специального регулирования. Таким образом, необходимо четко описать дальнейшую процедуру и порядок действий государственных органов по внедрению частного регулирования ЭПР в конечный результат — нормативно-правовой акт.

Третья проблема заключается в несоответствии ЭПР критерию масштабируемости, выражается в отсутствии закрепления критериев для отбора и (или) приоритизации

заявок на участие в эксперименте. На текущий момент правовая конструкция ЭПР не подготовлена к масштабированию ЭПР и потенциальному увеличению количества заявителей. В данном случае, необходимо закрепить в Законе прозрачный и конкурсный порядок отбора участников ЭПР, исключающий дискриминацию и обеспечивающий выбор наиболее перспективных для экономики проектов, по аналогии с процессом государственных закупок. Также необходимо определить критерии приоритизации заявок на участие. Например, по соотношению срочности внедрения ко времени, необходимому для устранения регуляторных барьеров стандартной нормотворческой процедурой.

Как итог, ЭПР представляет собой как особую разновидность правового режима со специфическим методом правового регулирования, а также перспективный, но незавершенный в своем оформлении инструмент государственного управления. Созданный как адекватный ответ на потребность в быстрой адаптации нормативной базы к инновациям, он доказал свою практическую эффективность, что подтверждается количественными результатами и планами его использования до 2030 года. В то же время ЭПР не преодолел статус «временной меры» и не трансформировался в полноценный институт адаптивного государственного управления в силу ряда системных недостатков. Его дальнейшее развитие как полноценного инструмента государственного управления и административно-правового регулирования требует серьезной доработки.

Литература:

1. Беляева, Г. С. Правовой режим: понятие и признаки / Г. С. Беляева. — Текст: непосредственный // Вестник РУДН. — 2021. — № 1. — С. 281–293.
2. Тарасенко, О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования / О. А. Тарасенко. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2023. — № 1. — С. 40–55.
3. Запругайло, В. М. Адаптивное регулирование инновационной деятельности / В. М. Запругайло. — Текст: непосредственный // Международный журнал. Естественно-гуманитарные исследования. — 2022. — № 44. — С. 102–105.
4. Материалы к итоговой Коллегии Минэкономразвития России. Ключевые итоги 2024. Приоритетные задачи 2025. — Текст: электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. — URL: https://economy.gov.ru/material/file/81ec230f6386de81666c559bd4015623/itogi_deyatelnosti_zh_2024_god_i_zadachi_na_2025_god.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

Анализ проблем обжалования приговоров суда первой инстанции, вынесенных в особом порядке

Лещева Диана Александровна, студент

Научный руководитель: Денисович Вероника Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена анализу проблем обжалования приговоров, вынесенных в особом порядке судопроизводства в РФ, который направлен на оптимизацию судебной нагрузки, но сопряжен с рисками нарушения правовых гарантий. Рассматриваются ограничения апелляционного и кассационного пересмотра, включая запрет на переоценку фактических об-

стоятельств дела, что повышает вероятность судебных ошибок. На примерах судебной практики показаны типичные нарушения, связанные с некорректным применением норм уголовного права и процедурными упущениями. Автор подчеркивает необходимость баланса между процессуальной экономией и защитой прав граждан, предлагая исключить формализм в делах, затрагивающих свободу и законные интересы.

Ключевые слова: особый порядок судопроизводства, обжалование приговоров, апелляционная инстанция, процессуальная экономия, судебные ошибки, гарантии правовой защиты, уголовно-процессуальный кодекс, судебная реформа.

В условиях ускорения судебных процессов и цифровизации правосудия особый порядок рассмотрения дел в Российской Федерации стал одним из ключевых инструментов оптимизации судебной нагрузки. Однако упрощенная процедура, предполагающая сокращение стадий разбирательства при согласии сторон, порождает риски нарушения баланса между эффективностью и гарантиями правовой защиты. Исходя из позиции и официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ актуальность вопроса об обжаловании таких постановлений обусловлена их растущим количеством [8] в особом порядке были рассмотрены более 3,5 тысячи дел, которые суд рассматривал их без исследования и оценки доказательств [3]. Эти цифры отражают тренд на процессуальную экономию, но одновременно обнажают риски для гарантий справедливости.

Ограниченные сроки апелляций, специфическая процедура оценки доказательств «по материалам дела» и отсутствие полноценного устного разбирательства повышают риск судебных ошибок. Особенно остро эти проблемы проявляются при защите прав лиц, не обладающих достаточными юридическими знаниями, или представителей, для которых судебные разбирательства проводятся в ускоренном порядке.

Изучение механизмов обжалования имеет значение не только для улучшения законодательства, но и для создания единой правовой практики, которая гарантирует справедливое разрешение споров даже при стремлении к процессуальной экономии. В современном мире, где скорость часто сталкивается с необходимостью качества, поиск оптимального баланса между ними становится сложной задачей для всей судебной системы.

Если на приговор суда, постановленный в особом порядке судебного разбирательства, подается жалоба по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, производство по такой жалобе в судах апелляционной и кассационной инстанций подлежит прекращению. Если в жалобе либо представлении содержатся данные, указывающие на нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона либо на несправедливость приговора, судебные решения, принятые в особом порядке, могут быть отменены или изменены, если при этом не изменяются фактические обстоятельства дела. Исходя из мнения ученого Гимазетдинова Д. Р. В рамках раскрываемого вопроса заключается «в дифференциации оснований для обжалования» [2, с. 124]. Законодатель сознательно ограничивает возможность пересмотра фактических об-

стоятельств дела, признанных самим подсудимым, что является своеобразной «платой» за процессуальную экономию. Однако это не означает безусловную неприкосновенность приговора. Напротив, суды апелляционной и кассационной инстанций обязаны выступать гарантами незыблемости уголовного закона, незамедлительно реагируя на любые нарушения уголовно-правовых и процессуальных норм, а также на несправедливость назначенного наказания.

Суд апелляционной инстанции не вправе исследовать доказательства, подтверждающие либо опровергающие обвинение, поскольку приговор, постановленный без проведения судебного разбирательства в общем порядке, не может быть обжалован в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. При рассмотрении уголовного дела по апелляционному представлению прокурора либо апелляционной жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей на несправедливость приговора вследствие чрезмерной мягкости вновь назначенное виновному более строгое наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда по делу, рассмотренному в особом порядке, также не могут быть пересмотрены ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции, а определения и постановления суда — ввиду их необоснованности [7, с. 37]. Если исходить из мнения ученого Колоколова Н. А., то с теоретической точки зрения, фиксация факта предоставления обвиняемым недостоверной информации либо умолчания о существенных обстоятельствах, повлиявших на правомерность и соразмерность приговора, по своим юридическим последствиям корреспондирует с установлением вновь открывшихся обстоятельств. Данная позиция находит свое подтверждение в том, что и то, и другое свидетельствует о наличии фундаментального дефекта в основании вынесенного судебного акта, обнаруженного постфактум [4, с. 541]. Соответственно, пересмотр вынесенного приговора может осуществляться по правилам гл. 49 УПК РФ [1].

Правоприменительная практика свидетельствует о регулярных случаях отмены приговоров, постановленных в особом порядке судопроизводства, когда в них

обнаруживаются существенные нарушения уголовно-правовых норм. В качестве примера можно привести постановление Президиума Нижегородского областного суда от 16.04.2014 года, отменившее ранее вынесенный Сормовским районным судом г. Нижнего Новгорода (от 23.04.2013 года) обвинительный приговор в адрес Елохиной М. В. Правовым основанием для отмены выступила установленная неправильная трактовка и применение судом статей 82 УК РФ [6]. В качестве основания для отмены судебного решения президиум указал следующее, что по уголовному делу в отношении Елохиной М. В. Сормовским районным судом г. Нижнего Новгорода 23 апреля 2013 года был вынесен обвинительный приговор, где лицо было осуждено за преступление, предусмотренное статьей УК РФ о незаконном приобретении и хранении (при отсутствии цели сбыта) наркотических средств в особо крупном размере. Мера наказания определена как лишение свободы сроком на 3 года и 1 месяц для отбывания в исправительной колонии общего режима; штраф не назначался. Одновременно с этим, в соответствии со ст. 82 УК РФ, суд принял решение об отсрочке реального отбывания назначенного наказания. Основанием для отсрочки послужил малолетний возраст сына осужденной — П. К. Р. (родился 20.06.2003), и она будет действовать до достижения им четырнадцати лет. В ходе анализа оспариваемого судебного акта Президиум установил, что суд первой инстанции при постановлении приговора Елохиной М. В. не осуществил в полной мере исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимой и имеющих ключевое значение для правомерности применения к ней ст. 82 УК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 82 УК РФ, женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, за исключением осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности свыше пяти лет лишения свободы, может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания до достижения ребенком указанного возраста. Важным условием применения данной нормы является сохранение за осужденной родительских прав.

При назначении наказания Елохиной М. В. суд учел в качестве смягчающего обстоятельства наличие на ее иждивении двух малолетних детей — П. К. Р. (род. 20.06.2003) и Е. Н. А. (род. 23.01.2000). Исходя из этого, судья пришел к выводу о правомерности предоставления отсрочки от реального лишения свободы до достижения четырнадцати лет ее сыну П. К. Р. Вместе с тем, как выяснил Президиум, решением Сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода от 15 апреля 2004 года Елохина М. В. была лишена родительских прав в отношении обоих несовершеннолетних детей. Копия данного судебного акта в материалах уголовного дела отсутствовала, а сведения о наличии у подсудимой родительских обязанностей в ходе судебного заседания надлежащим образом не проверялись, поскольку сама осужденная умышленно скрыла факт лишения ее родительских прав.

Таким образом, Президиум констатировал, что решение о применении отсрочки в порядке ст. 82 УК РФ было принято без всестороннего и полного исследования критически важных обстоятельств, что повлекло за собой существенное нарушение уголовного закона, повлиявшее на исход дела. В связи с этим приговор в данной части был отменен с направлением уголовного дела на новое рассмотрение. В другом случае, постановлением от 5 марта 2014 года, Президиум изменил приговор Сеченовского районного суда от 7 мая 2013 года в отношении Шимко Д. В., который был осужден за кражу с проникновением в жилище и грабеж с применением ненасильственного насилия. Основанием для внесения изменений послужило неправомерное одновременное применение судом при назначении наказания частей 2 и 3 статьи 68 УК РФ. Президиум указал, что данные нормы содержат взаимоисключающие критерии регулирования назначения наказания при рецидиве преступлений, что делает их совместное применение недопустимым.

Учитывая, что все неустраняемые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, Президиум счел необходимым применить к Шимко Д. В. только ч. 3 ст. 68 УК РФ, как улучшающую его положение. Кроме того, на основании частей 3 и 5 статьи 69 УК РФ, Президиум пришел к выводу о необходимости снижения назначенного наказания как за каждое отдельное преступление, так и по их совокупности.

Итак, в соответствии со ст. 317 УПК РФ приговор, вынесенный без осуществления судебного разбирательства в порядке ст. 316 УПК РФ [1], не подлежит обжалованию сторонами в апелляционном порядке по основанию несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, как указано в п. 1 ст. 389.15 УПК РФ. Ссылаясь на позицию Поповой Е. И. можно сказать, что в свете изложенного, правоприменительная практика должна исходить из невозможности продолжения апелляционного производства, что логически вытекает из системного толкования ограничительных рамок, установленных для обжалования приговоров, постановленных в особом порядке [5, с. 54].

Вместе с тем, если в апелляционных жалобах или представлениях содержатся данные, указывающие на нарушение уголовно-процессуального закона, неправильное применение уголовного закона либо на несправедливость приговора, судебные решения, принятые в особом порядке, могут быть отменены или изменены, если при этом не изменяются фактические обстоятельства дела (например, в связи с изменением уголовного закона, неправильной квалификацией преступного деяния судом первой инстанции, истечением сроков давности, амнистией и т. п.).

Таким образом, реформа особого порядка должна сохранить баланс между эффективностью и защитой прав, исключив формальный подход к делам, где ставкой являются свобода и законные интересы граждан.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Гимазетдинов, Д. Р. Уголовно-процессуальное доказывание: современные проблемы / Д. Р. Гимазетдинов. — Ижевск: МарШак, 2023. — 182 с.
3. Каждое третье дело о мошенничестве рассматривается в особом порядке от 17 октября 2024 г. // АНО «Российское агентство правовой и судебной информации» — URL: <https://rapsinews.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).
4. Колоколов, Н. А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе / Н. А. Колоколов. — Москва: Юрист, 2009. — 641 с.
5. Попова, Е. И. Криминалистическое обеспечение упрощенных форм уголовного судопроизводства: Серия: Библиотека криминалиста / Е. И. Попова, Ю. П. Гармаев. — Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. — 553 с.
6. Постановление президиума Нижегородского областного суда от 16 апреля 2014 года // ООО «Студия «47-я Параллель» — URL: <https://actofact.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).
7. Россинский, С. Б. Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам / С. Б. Россинский // Ученые записки. — 2018. — № 16. — С. 35–46.
8. Ткаченко Е. «Статистика ВС: главные цифры первого полугодия 2024-го» от 13 августа 2024 г. / Е. Ткаченко // Официальный суд Верховного суда Российской Федерации — URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 07.03.2025).

Особенности уголовно-правовой квалификации мошенничества, совершенного посредством информационно- телекоммуникационных сетей и электронных средств платежа

Логачёва Татьяна Николаевна, студент
Московский университет «Синергия»

Актуальность исследования обусловлена стремительным распространением преступлений, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных сетей и электронных средств платежа, и значительными трудностями их уголовно-правовой квалификации. По официальным данным МВД России, в 2024 году доля таких преступлений достигла 40 % от общего числа зарегистрированных деяний, при этом их абсолютное количество увеличилось на 13,1 %, включая тяжкие и особо тяжкие преступления, рост которых составил 7,8 %. В цифровом выражении по итогам 2024 года было зарегистрировано 765 400 киберпреступлений, а за первое полугодие 2025 года — уже 371 400, что на 0,7 % больше аналогичного периода предыдущего года [7]. В структуре преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, около половины приходится на мошенничества, часто основанные на социальной инженерии. Несмотря на рост подобных деяний, официальная судебная статистика демонстрирует, что специальные составы мошенничества (ст. 159.3 и 159.6 УК РФ) применяются редко: в 2024 году осуждено лишь 35 и 17 лиц соответственно, тогда как по общей ст. 159 УК РФ — 27 916 лиц, что требует комплексного анализа причин такого дисбаланса [5].

Правовое регулирование электронных расчетов в Российской Федерации осуществляется в рамках Федераль-

ного закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее — Закон № 161-ФЗ). Центральными понятиями данного нормативного акта являются электронное средство платежа и электронные денежные средства. Согласно статье 3 Закона № 161-ФЗ электронным средством платежа признается инструмент или метод, посредством которого осуществляется составление удостоверения и передача распоряжений о переводе денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий включая платежные карты и соответствующие данные. Порядок обращения таких платежных инструментов урегулирован статьями 9 и 10 указанного нормативного акта. Эти нормы формируют необходимый юридический базис для определения легальности действий при осуществлении электронных переводов денежных средств и задают правовые параметры идентификации пользователя что является значимым аспектом при установлении преступных действий в случае мошеннических хищений [8].

В уголовном праве России мошенничество с применением информационно-телекоммуникационных технологий регламентируется двумя самостоятельными составами предусмотренными статьями 159.3 и 159.6 УК РФ [9]. Статья 159.3 УК РФ закрепляет ответственность за мошенничество посредством электронных средств платежа совершенное путем введения потерпевшего в заблуж-

ждение или злоупотребления его доверием. При совершении данного преступления виновное лицо воздействуя на волю владельца платежного инструмента склоняет его к совершению дистанционных операций с денежными средствами. Напротив, статья 159.6 УК РФ охватывает преступления, при которых виновный осуществляет не-санкционированное техническое вмешательство в компьютерные системы и сети в результате чего наступает неправомерное списание денежных средств. Таким образом существенные различия в объективной стороне указанных составов отражают особенности доказывания по уголовным делам связанной категории что обусловлено необходимостью детального установления характера совершенных действий.

Особое внимание при квалификации «сетевого» мошенничества уделяется вопросу его соотношения с нормами главы 28 УК РФ. В случае если мошенничество в сфере компьютерной информации сопровождается неправомерным доступом к данным по статье 272 УК РФ или использованием вредоносных программ по статье 273 УК РФ либо нарушением правил эксплуатации информационных сетей по статьям 274 и 274.1 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации предписывает квалифицировать такие действия в совокупности. Данный подход основан тем, что преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ, выступают самостоятельным способом совершения хищения и не поглощаются составом мошенничества что обуславливает необходимость точного определения границ каждого противоправного действия и размера причиненного ущерба.

Помимо указанных преступных деяний при правовом анализе мошенничества связанного с электронными средствами платежа важное место занимает неправомерный оборот средств платежей, предусмотренный статьей 187 УК РФ. В юридической практике нередко отмечается связь таких преступлений с незаконным оборотом похищенных платежных реквизитов и карт что подтверждается усилением ответственности по данной статье с 2025 года. Соответственно правоохранительные органы должны учитывать возможность квалификации данных преступлений в рамках совокупности составов при выявлении и расследовании организованных преступных групп, действующих в финансовой сфере.

Важным аспектом квалификации мошенничества по статье 159.3 УК РФ является предмет доказывания, включающий установление наличия обмана либо злоупотребления доверием, а также причинно-следственной связи между указанными действиями и наступившим имущественным ущербом. Верховный Суд подчеркивает, что момент окончания данного преступления наступает в момент лишения потерпевшего реальной возможности распоряжаться принадлежащими ему денежными средствами, находящимися в безналичной форме [4]. Если же преступление совершается посредством изменения или блокировки компьютерной информации или нарушения процедур аутентификации, то преступное деяние квали-

фицируется по статье 159.6 УК РФ с дополнительным применением соответствующих статей главы 28 УК РФ.

В контексте вопросов разграничения составов мошенничества примечательна позиция В. И. Тюнина который считает, что ключевым критерием различия между составами мошенничества с применением электронных средств платежа и другими формами хищений является субъективная направленность действий виновного лица [6, с. 47]. Ученый подчеркивает, что установление намерения виновного воздействовать именно на волю потерпевшего отличает состав статьи 159.3 УК РФ от иных хищений осуществляемых тайно без непосредственного взаимодействия с волей лица.

Также следует учитывать значимость разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, закрепленных в Постановлении Пленума от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2022). Согласно указанному акту, безналичные денежные средства включая электронные денежные средства признаются имуществом, а действия, предусмотренные статьями 272–274.1 УК РФ признаются самостоятельным способом совершения мошенничества, требующим квалификации по совокупности [3]. Эта позиция способствует единообразию в судебной практике и предупреждению ошибок при применении норм о мошенничестве.

Важной также является позиция Е. И. Думанской которая подчеркивает необходимость детализации критериев разграничения между статьями 159.3 и 159.6 УК РФ в официальных разъяснениях Верховного Суда. Автор обоснованно акцентирует внимание на изменении технологических условий совершения преступлений и на потребности регулярного уточнения правовых ориентиров для эффективного противодействия мошенничеству [1, с. 52].

Наконец существенную роль в квалификации мошенничества играют акты Банка России, в частности, Положение от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» зарегистрированное в Минюсте России 25.08.2021 № 64765 [2]. Взаимодействие норм данного акта со статьями 9 и 10 Закона № 161-ФЗ позволяет четко разграничивать случаи мошеннического хищения от ситуаций, связанных с техническими ошибками и сбоями в работе платежных систем.

Таким образом действующее уголовное законодательство Российской Федерации в совокупности с нормативными актами Банка России и судебными разъяснениями предоставляет четкие юридические критерии позволяющие эффективно разграничивать составы мошенничества с использованием электронных средств платежа и мошенничества в сфере компьютерной информации. Научные подходы и судебная практика демонстрируют необходимость регулярной детализации правовых критериев с учетом технического прогресса что обеспечивает устойчивое правоприменение и защиту финансовых интересов граждан и организаций.

Литература:

1. Думанская Е. И. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: трансформация в законе и практике // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 3 (34). — С. 50–57.
2. О правилах осуществления перевода денежных средств: Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П (зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2021 № 64765).
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022) // Российская газета. — 2017. — 11 декабря. — № 280(7446).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) [Электронный ресурс] / утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025. — Официальный сайт Верховного Суда РФ. — URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/34367/> (дата обращения: 25.10.2025).
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Судебная статистика РФ: Общие показатели по категориям дел. 2024 [Электронный ресурс]. — URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Тюнин В. И. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: вопросы правоприменения // Российское право: образование, практика, наука. — 2023. — № 4. — С. 45–53.
7. МВД России. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за 2024–2025 год [Электронный ресурс] // МВД МЕДИА. — 20.01.2025. — URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/mvd-rossii-publikuet-statisticheskuyu-informatsiyu-o-sostoyanii-prestupnosti-v-rossiyskoy-federatsii2024/> (дата обращения: 23.10.2025).
8. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 27. — Ст. 3872.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Установление субъективных признаков различных видов составов преступления

Максимов Максим Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

В данной статье проанализирован состав преступления, из состава преступления выявлены субъект и субъективная сторона преступления. Ведется разбор вменяемости и невменяемости лица, совершающего преступление. Какова реакция со стороны закона, в каких ситуациях необходимо медицинское освидетельствование. Устанавливать вменяемость лица надобно лишь в том случае, если в этом имеются сомнения. Показано, с какого возраста лицо осознает последствия совершенного деяния и с какого возраста наступает полная осознанность наказания за совершенное неправомерное деяние. Рассматривается юридическая сущность вины, определение степени виновности лица при совершении преступления.

Ключевые слова: субъект, субъективная сторона преступления, Уголовный кодекс РФ, мотив, виновное лицо, умысел, вменяемое лицо.

К субъективным элементам состава преступления причисляются субъект и субъективная сторона. В юридическом ракурсе субъект — это индивидуум, учинивший преступное деяние. В сообразовании с диспозицией ст. 19 УК РФ, субъект преступления — это учинившее преступное деяние вменяемое физическое лицо, достигнувшее возраста, предусмотренного уголовным правом. Это означает, что субъектом преступления может быть не просто физическое, достигнувшее возраста уголовной от-

ветственности лицо, а обязательно вменяемое, т. е. способное разумеать реальную суть своих действий и степень их угрозы для социума [1].

Помимо этих общеобязательных параметров, при соотвествии коим субъект преступного деяния именуется общим субъектом, в конкретизированных составах преступлений субъект должен соответствовать дополнительным специфичным параметрам, когда, к примеру, учинение конкретизированных видов преступлений воз-

можно только военнослужащим, должностным лицом, работником транспорта и т. д. В этих случаях лицо, учинившее преступное деяние, именуется специальным субъектом.

Уголовное законодательство нашей страны предусматривает дифференцированную стратегию в определении возрастного порога для привлечения к уголовной ответственности. В сообразовании с положениями ч. 1 ст. 20 УК РФ, уголовная ответственность наступает в общем случае по достижении к моменту совершения преступного деяния шестнадцатилетнего возраста [2].

Научными психологическими исследованиями подтверждается, что именно по достижении 16-летнего возраста лицо уже способно всецело разуместь смысл установленных уголовным законодательством воспрещений на социально опасные действия, разуместь степень социальной опасности учиненного им деяния и способно правильно оценивать предназначение налагаемого уголовного наказания и его неминуемость.

Законодатель предусматривает и понижение возраста уголовной ответственности за учинение ряда тяжких и особо тяжких преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ. Виновные в их учинении лица могут привлекаться к уголовной ответственности с 14 лет.

При этом в некоторых случаях законодатель предусматривает и повышение возрастного порога для привлечения к уголовной ответственности. За некоторые преступления средней тяжести уголовная ответственность за их учинение наступает только по достижении лицом восемнадцати лет.

К примеру, в ст. 150 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и в ст. 151 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий к уголовной ответственности может быть привлечено только лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Это связано с особенностями лица, которого вовлекают в совершение действий, и особенностями объективной стороны. Так же наличествует невозможность нести ответственность в связи с тем, что лицо в силу возраста не может занимать какую-либо должность или выполнять какие-либо функции. Так, лица, не достигшие определенного специальным законом возраста, не могут быть субъектами ряда преступлений. Например, судьей может быть только лицо, достигшее возраста 25 лет. То есть субъектом преступления, предусмотренным ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта», может быть лицо не моложе 25 лет. По этой же причине они не могут быть субъектами воинских и должностных преступлений, а также преступлений, связанных с нарушением различных правил безопасности, например, на взрывоопасных объектах, так как труд лиц, не достигших возраста 18 лет, запрещен на работах, связанных с вредными и опасными условиями труда. При привлечении несовершеннолетнего к уголовной ответственности обязательно нужно установить его возраст (число, месяц,

год рождения) по документам о рождении, а при их отсутствии — по заключению судебно-медицинской экспертизы.

Понятие вменяемости вытекает из определения невменяемости, данного в ст. 21 УК РФ. В соответствии с п. 3 ст. 196 УПК РФ по каждому уголовному делу назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, когда возникает сомнение в его вменяемости.

Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» от 7 апреля 2011 г. № 6 к обстоятельствам, порождающим неуверенность во вменяемости подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, могут быть причислены сведения об учебе его в детском возрасте в коррекционных школах, о фактах лечения в специализированных учреждениях по поводу психических эксцессов в поведении, о перенесенных черепно-мозговых травмах, а также демонстрируемые им в настоящее время различные «несообразности» в поведении и высказываниях [3].

Субъективная сторона — это когнитивная модальность делинквента насчет учиненного им преступного деяния и его последствий. Она включает, прежде всего, обязательный признак — вину (в форме умысла или неосторожности). Устанавливание вины имеет ключевое значение для юридической квалификации преступления, для выбора размерности и строгости наказания. Юридическое значение имеют и факультативные признаки, такие как мотив и цель, которыми руководствовался делинквент при учинении этого деяния, а также наличие у него особого эмоционального состояния (к примеру, аффекта) в момент учинения деликта. Факультативные признаки дают возможность индивидуализации размерности и строгости наказания.

Субъективная сторона преступления как одно из оснований привлечения к уголовной ответственности дает возможность разделять преступное поведение от непроступного. К примеру, не является преступным причинение общественно опасных последствий без вины. Учинение деяния, предусмотренного нормой уголовного права, по неосторожности, наказуемо лишь при наличии умысла.

Также субъективная сторона преступления дает возможность разделять сходственные по объективным признакам составы преступления. К примеру, убийство и причинение смерти по неосторожности различаются только по форме вины, самовольное оставление места службы военнослужащим отличается от дезертирства только по содержанию цели.

Фактическое содержание факультативных признаков субъективной стороны преступления, даже если они не указаны в норме Особенной части Уголовного кодекса, в значительной мере обуславливает степень социальной опасности, как преступного деяния, так и лица, учинив-

шего деликт, а значит, размерность и строгость наказания с учетом предписаний, указанных в статьях 61, 63 и 64 УК РФ [2].

К примеру, мотив не является необходимым признаком состава каждого умышленного преступления. Поэтому он относится не к обязательным, а к факультативным признакам состава, но установление его в каждом случае важно для обоснованной индивидуализации наказания, посредством оценивания степени социальной опасности лица, учинившего преступное деяние.

Все преступления, в диспозиции которых предусматривается наличие определенного мотива и цели, могут учиняться только с прямым умыслом, поскольку наличие мотива и цели при учинении преступного деяния, указывает на то, что виновный осуществлял осознанную подготовку к преступлению. Ежели мотив и цель в диспозиции статьи не указываются, то они носят факультативный характер. Но это не освобождает следователя от выявления цели и мотива в каждом конкретном случае,

потому как они имеют важное значение для привлечения к уголовной ответственности и для обоснованной индивидуализации наказания. Мотив преступления включен уголовно-процессуальным законом в предмет доказывания. Тем самым подчеркивается доказательственное значение фактора, который может носить и факультативный характер.

Анализ субъективных элементов преступления завершает процесс расследования преступного деяния и дает возможность вынести постановление о наличии угрозы для социума и общественной безопасности от учиненного деликта, а также о степени виновности лица, учинившего расследуемый деликт. Поэтому важнейшим условием корректного правоприменения нормы Особенной части УК РФ является исследование вопросов о характере и особенностях субъективной стороны описанного в законе состава преступления, то есть установление того, какие формы вины он охватывает, каковы мотивы и цели, специфичные для данного состава.

Литература:

1. Кругликов Л. Л. Уголовное право России. Часть Общая. 3-е изд. М.: Проспект, 2014. С.347.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 г. Москва «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета от 20 апреля 2011 года, Федеральный выпуск № 5460 (84).

Установление объективных признаков различных видов составов преступления

Максимов Максим Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Маликова Майя Гамидовна, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В данной статье анализируются объективные элементы (объект и объективная сторона) состава преступления. Выявлены в том числе признаки и основные юридически значимые параметры объекта и объективной стороны состава преступления. Продемонстрирована значимость признаков и параметров объекта и объективной стороны для разграничения преступных и не преступных деяний, а также для разграничения деяний, сходных по объекту преступления или по форме вины, поскольку от размера или тяжести последствий зачастую зависит отнесение деяния к разряду преступлений или административных правонарушений. Признаки объективной стороны дают возможность разграничивать такие преступления, как кража, мошенничество и грабеж, при очень схожих прочих признаках.

Ключевые слова: состав преступления, объект, объективная сторона, расследование преступлений, уголовно наказуемые деяния.

Под элементом состава преступления надобно понимать комплекс однотипных юридических признаков, указывающих на преступность деяния. Как правило, в составе преступления разграничивают четыре элемента: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. Каждый из этих элементов имеет свои характерные признаки, позволяющие квалифицировать деяние как преступное.

Вышеозначенные четыре элемента исследователи подразделяют на две группы: объективные элементы (объект и объективная сторона), характеризующие внешние проявления преступления, что дает возможность их наблюдения и изучения, а также субъективные элементы (субъект и субъективная сторона), которые представляют собой психические процессы, происходящие в сознании делинквента [1].

Несмотря на умозрительное сегментирование состава преступления на субстантивно самостоятельные элементы для удобства более подробного анализа каждого их них, в реальной действительности они тесно взаимосвязаны и репрезентированы в преступном деянии в неразрывном единстве.

Объект преступления — это охраняемые уголовным законодательством общественные отношения, интересы, блага или материальные ценности, которым способно причинить ущерб преступное посягательство. Перечень объектов преступного посягательства приводится в ч.1 ст.2 УК РФ. К ним относятся права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй РФ, мир и безопасность человечества.

Выделяют следующие виды объектов преступления: общий, родовой, видовой и непосредственный.

Общий объект — это совокупность всех общественных отношений, которые охраняются уголовным законодательством [2].

Общий объект преступления является единым для всех преступлений. Он конкретизируется в применении к расследуемому преступному деянию посредством определения родового, видowego и непосредственного объекта. Значение общего объекта преступления заключается в том, что он чётко очерчивает круг общественных отношений, которые пребывают под охраной уголовного права.

Родовой объект — это совокупность однородных социальных отношений, представляющих собой часть общего объекта. Они перечислены в наименованиях глав Особенной части УК РФ, регламентирующих ответственность за посягательства на права и свободы граждан, на собственность, на конституционный строй РФ и т. п.

Видовой объект — это более узкая группа социальных отношений, ценностей, интересов одного вида. Данный объект преступления иерархически занимает промежуточное место между родовыми и непосредственными объектами.

Непосредственный объект — это конкретные социальные отношения, то или иное благо, интерес, которые охраняются законом, на которое совершается непосредственно преступное посягательство. Он может совпадать с видовым объектом или быть уже него.

На уровне видowego, родового и общего объектов преступления ущерб этим социальным отношениям может причиняться только путем причинения (угрозы причинения) ущерба непосредственному объекту.

В одном конкретном преступном деянии может оказаться несколько непосредственных объектов преступления, ежели делинквент своим деянием причиняет вред не одному, а одновременно сразу нескольким социальным отношениям. Такие сложносоставные деликты именуют многообъектными преступлениями, а сами непосредственные объекты преступления иерархически подразде-

ляют по их юридической значимости на основной, дополнительный и факультативный.

Основным непосредственным объектом преступления здесь является социальное отношение, на причинение ущерба коему было направлено деяние делинквента.

Дополнительным непосредственным объектом является то социальное отношение, посягательство на которое не было основной целью делинквента. К примеру, при краже, которая учинена с проникновением в жилое помещение, основным объектом является право индивидуума на свое имущество, а дополнительным — право его на неприкосновенность своего жилища. Дополнительный непосредственный объект преступления, наряду с основным, всегда облигатно специфицируется в диспозиции статей Особенной части УК РФ.

Факультативным непосредственным объектом является то социальное отношение, посягательство на которое не было целью делинквента, но которому мог быть причинен ущерб данным деликтом. Факультативный непосредственный объект преступления не включается в диспозицию статей Особенной части УК РФ, т. е. не влияет на квалификацию деяния, но учитывается при назначении размерности и строгости наказания. К примеру, при хулиганском деянии виновного лица общественному порядку, который здесь предстает основным объектом преступления, безусловно причиняется ущерб, а вот будет ли при этом причинен ущерб здоровью, имуществу или достоинству граждан зависит от конкретных обстоятельств преступления, т. е. эти виды ущерба являются факультативными признаками, которые могут утяжелить наказание.

После установления объекта преступления и всех его юридически значимых параметров, следующим этапом расследования является выявление объективной стороны преступления, т. е. каким образом произошло посягательство на объект преступления.

Объективная сторона состава преступления включает в себя доступные для наблюдения и изучения признаки, а именно: процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата [2].

Основными признаками объективной стороны являются социально опасное действие (бездействие), наступившие социально опасные последствия и наличие причинной связи между деянием и последствиями. Установление причинной связи между деянием подозреваемого в преступлении и расследуемыми вредными последствиями служит обязательным условием обоснованности привлечения лица к уголовной ответственности. Ежели причинение ущерба объекту уголовно-правовой охраны стало результатом действий третьих лиц или воздействия иных обстоятельств, а не из-за деяния подозреваемого, то подозреваемый не может быть привлечен к уголовной ответственности.

В диспозициях статей Особенной части УК РФ объективная сторона состава некоторых преступлений охарактеризовывается только социально опасным действием или бездействием (формальный состав), без описания вредных последствий, а других — с описанием социально опасных последствий деяния (материальный состав). Преступления с формальным составом считаются оконченными с момента совершения самих действий (бездействия), указанных в законе, а преступления с материальным составом — только с момента наступления конкретизированных в законе социально опасных последствий.

Примером преступлений с формальным составом является клевета (ст. 128.1 УК), а с материальным — убийство (ст. 105 УК), причинение различной тяжести вреда здоровью (ст. ст. 111–115, 118 УК), кража (ст. 158 УК), мошенничество (ст. 159 УК) и ряд других преступлений против собственности, окончание которых связывается с завершением процесса завладения виновным чужим имуществом [3].

Факультативными признаками объективной стороны состава преступления являются способ, место, время, обстановка, орудия и средства совершения преступления. Факультативность их обуславливается тем, во многих

деяниях они не имеют юридического значения для квалификации преступления, но могут влиять на размерность и строгость назначаемого наказания (т. е. могут расцениваться как признаки, индивидуализирующие уголовную ответственность).

Признаки и основные юридически значимые параметры объекта и объективной стороны в первую очередь становятся доступными для анализа при расследовании преступного деяния. Это демонстрирует значимость вышеозначенных признаков и параметров объекта и объективной стороны для разграничения преступных и не преступных деяний, а также для разграничения деяний, сходных по объекту преступления или по форме вины, поскольку от размера или тяжести последствий зачастую зависит отнесение деяния к разряду преступлений или административных правонарушений. Также признаки объективной стороны дают возможность разграничивать такие преступления, как кража, мошенничество и грабеж, при очень схожих прочих признаках [4].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в ходе процесса квалификации и дифференцирования уголовно наказуемых деяний, анализ признаков и параметров объекта и объективной стороны играет решающую роль.

Литература:

1. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания: монография. М.: РГ-Пресс, 2017. С.375.
2. Винокуров В. Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С.75.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. Т.1. С. 224.

Фишинг и социальная инженерия: правовые аспекты

Мартынов Артём Александрович, студент
Новосибирский государственный технический университет

Рассматривается влияние интернета на современное общество, явление мошенничества в интернете, способы мошенничества и его предотвращения, наказание за мошенничество. Данная статья не является инструкцией или призывом к действию, она написана исключительно для ознакомления.

Ключевые слова: интернет, мошенничество, ответственность, ущерб, меры предупреждения.

Проблематика: Интернет в современном мире оказывает всё большее влияние на общество, так как в наши дни пользоваться интернетом становится всё проще из-за развития технологий и растущей пользы интернета — количество информации, более простое общение на расстоянии и т. д. В связи с этим большое количество информации о человеке хранится в интернете, эту информацию мошенники могут украсть у обыкновенных людей, которые не знают, как защитить свои личные данные.

Актуальность обусловлена ростом количества интернет-преступлений, а также отсутствием достаточной осведомлённости о безопасности личных данных.

Цель исследования — раскрыть суть явления интернет-преступления и защиты личной информации.

Задачи: рассказать о способах мошенничества в интернете, способах предотвращения, наказаниях за мошенничество и ущербе, полученном при похищении личных данных.

Значимость: материалы могут быть использованы в рамках школьного курса информатики на тему безопасности в интернете и повышения уровня осведомлённости об опасности похищения информации.

Основная часть: Интернет — это огромная паутина, каждое переплетение которой является компьютером (в том числе телефоном), охватывающая весь мир, созданная, чтобы люди делились информацией, находили её, общались, развлекались и т. д. С конца XX в. интернет начал интегрироваться в общество, так как всё больше людей видело очевидное превосходство компьютерных технологий над аналоговыми, что повлекло за собой массовое распространения персональных компьютеров среди обычных людей. Постепенно росло количество информации, в том числе корпоративной и финансовой, которую люди хранили в интернете, на что, в свою очередь, обратили внимание мошенники.

Мошенничество — это приобретение чужих вещей или личных данных обманом, преследуемое законом. Оно было во все времена, и всегда с появлением новых технологий появлялся способ использовать эти технологии во зло. Перехват писем, криптография, подсушка и т. д. — все эти способы похищения информации использовались и используются для мошенничества. С распространением интернета появилось мошенничество в самом интернете. В современном мире оно используется злоумышленниками для кражи **доступа** к информации или денежных средств, хранящихся электронно — пароли, данные банковской карты, коды с подтверждениями и т. д. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации, **мошенничество** — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. [1]

Способы мошенничества в интернете бывают разными. Одним из самых популярных способов является **фишинг** (fishing) — поддельный сайт, который маскируется под настоящий, но при вводе информации она попадает в руки мошенникам, а не владельцу оригинального сайта, в результате чего мошенники получают доступ к информации. Зачастую, ссылки на такие сайты мимикрируют под настоящие, то есть они очень похожи, но сами ссылки могут отличаться парой символов. Например: steamcommunity (оригинальная) и steemcommunity.

В последнее время участились случаи взлома Госуслуг. Схема взлома следующая — злоумышленник пытается войти в аккаунт жертвы, но для этого ему нужен код для входа. Он физически звонит на номер жертвы, притворяясь сотрудником Госуслуг, Почты России, МВД, ФНС или любых других структур. После того, как злоумышленник получит код, он сможет войти в аккаунт жертвы и воспользоваться всей информацией из его профиля. Но существуют и более продвинутые схемы — звонят с другого номера, говорят, что жертву взломали и просят назвать второй код. Это нужно для совершения других действий — смены адреса электронной почты, пароля, номера телефона и других данных для входа, чтобы жертва

не смогла войти повторно. После чего злоумышленник может не только видеть данные жертвы, но и совершать какие-либо действия с его аккаунта

Ещё одним способом является заставить человека сделать так, чтобы он всё рассказал сам. Жертве пишет злоумышленник от имени любого знакомого и просит перевести ему денежные средства на карту. Злоумышленник просит помощи, говоря, что ему нужны деньги, чтобы заплатить по кредиту или отдать долги, проще говоря, просит одолжить деньги, и если человек переведёт ему деньги, то он перестанет отвечать на сообщения. Чтобы не стать жертвой, всегда нужно встречаться с человеком лично, чтобы точно убедиться, что это он, звонок не всегда безопасен, поскольку в последнее время активно развиваются нейросети, которые легко могут подделывать голоса людей. Эти два подхода можно отнести к методу **социальной инженерии**.

На данный момент это самые популярные и часто встречающиеся методы мошенничества в интернете, ниже приведена статистика:

Финансовое мошенничество (звонки от «лже-банков») — На этот вид приходится около 54 % всех потерь от мошенничества. По данным ЦБ РФ [4], в 2023 году граждане потеряли на этом около 14 млрд рублей.

Фишинг — это самый массовый по количеству случаев вид мошенничества. Доля в общем количестве киберпреступлений достигает 40 % по данным генпрокуратуры РФ. [5]

Социальная инженерия — По данным Group-IB [6], в 2024 году было обнаружено более 200 000 мошеннических ресурсов, что на 22 % больше, чем в 2023 году. Хотя прямая связь с социальной инженерией не указана, такие ресурсы часто используют её методы для привлечения жертв.

Ответственность за мошенничество

Уголовная ответственность (согласно статьям 159.1, 159.2, 159.6, 159.7 УК РФ): Применяется при значительном ущербе (свыше 2500 руб., а по мнению правоприменителей, часто от 10 000 руб. для возбуждения дела) и умышленных действиях. Использование интернета и электронных платежей являетсяотягчающим признаком. [1]

Административная ответственность (согласно статьям 7.27 часть 1 и 7.27 часть 2 КоАП РФ): Применяется за мелкое хищение на сумму до 2500 рублей. [2]

Гражданско-правовая ответственность (согласно статьям 15 и 1064 ГК РФ): Позволяет взыскать с мошенника причиненный ущерб в рамках гражданского судопроизводства, независимо от привлечения его к уголовной или административной ответственности. [3] [7]

Таким образом были рассмотрены основные способы мошенничества в интернете: какие бывают виды, как от них защититься и какое наказание может быть за них. Также какая-то часть была уделена общим сведениям: как развивался интернет, почему и как появились способы кражи информации в интернете.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10108000/7f1391d5bfd3db19990900228372be85/> (дата обращения: 24.10.2025)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/412ce6914fb424f026e8cd400b1232288835797d/ (дата обращения: 24.10.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/4734407fbf4d5eec5306840f8b75b994e5d57090/ (дата обращения: 24.10.2025).
4. Банк России. Статистика: Информационная безопасность. Киберпортрет за 2024 год [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 26.10.2025)
5. DRussia.ru. России удалось преломить тенденцию роста онлайнпреступности — Генпрокуратура [Электронный ресурс]. — URL: <https://d-russia.ru/rossii-udalos-prelomit-tendenciju-rosta-onlajn-prestupnosti-genprokuratura.html> (дата обращения: 26.10.2025).
6. Group-ib. High-Tech Crime. Trends Report 2025 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.group-ib.com/ru/landing/high-tech-crime-trends-2025/> (дата обращения: 26.10.2025)
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/c511835e25e63740cf185038b1ad056526f814e9/ (дата обращения: 26.10.2025).

Доказательственные презумпции в гражданском, арбитражном и административных процессах

Меньшенина Мария Владимировна, студент
Московский университет «Синергия»

Тема доказательственных презумпций будет актуальна ещё довольно длительное время, так как она напрямую связана с практическим применением, а именно доказывании фактических обстоятельств дела, при рассмотрении спора в судебном порядке.

Вместе с тем, как отмечено М. П. Прониной: «правовые презумпции, несмотря на многочисленные научные работы, посвященные этому явлению, представляют собой недостаточно изученную категорию, так как в науке до сих пор не сложилось единого мнения и подхода к правовым презумпциям, их природе, понятию, видам, функциям и эффективности» [18].

Несмотря на отсутствие разработанной теории презумпции, практика исходит из того, что «вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному делу обязательно для суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле.

Преюдициальность означает не только отсутствие необходимости доказывать установленные ранее обстоятельства, но и запрещает их опровержение. Такое положение существует до тех пор, пока судебный акт, в котором установлены эти факты, не будет отменен в порядке, установленном законом» [2].

Таким образом, доказательственная презумпция позволяет с одной из сторон процесса не доказывать ранее уже доказанный юридический факт, признавая его общеизвестным фактом [3], [4], [5]. Презумпция освобождает сторону процесса от обязанности доказывания, но не лишает её права приводить иные доказательства, обосновывать наличие факта [6]. То есть это «логический приём, позволяющий суду признавать без доказательств истинный факт и положить его в основание решения, если этот факт основан на практике и не опровергнут в ходе судебного разбирательства» [7]. Приведённая цитата лишь частично отражает практику, хотя по мнению Милькова П. И. и Жагориной С. А. представляет собой суть доказательственной презумпции, так как связывает правовое предположение с судебным процессом [6, с. 86].

Вместе с тем, практическое применение доказательственной презумпции сводиться к возможности увеличить процент предсказуемости разрешения спора в суде. Это связано с тем, что по меткому замечанию юристов-практиков: «отечественное процессуальное законодательство весьма расплывчато в вопросах оценки доказательств. Статья 67 ГПК РФ и ст. 71 АПК РФ (равно как и ст. 84 КАС РФ- примечание автора) помимо нескольких вспомогательных норм о порядке оценки письменных доказательств и отражения результатов такой оценки в тексте

судебного акта содержат только одно традиционное для континентальной правовой семьи базовое правило: свободная оценка доказательств судом по внутреннему убеждению. Абстрактный и субъективный характер этого правила зачастую делает результаты разрешения споров непредсказуемыми: любому практикующему юристу известны примеры самой неожиданной для сторон оценки доказательств судом» [8].

Согласно норм процессуального законодательства, каждая из сторон процесса должна доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений. Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на них не ссылались [4, Ст. 56], [3, ст. 65], [5, ст. 62]. При этом на начальном «входе» в судебный процесс стороны, формируя свои позиции по делу, исходят из двух наиболее применяемых презумпций: презумпции вины и презумпции невиновности.

Презумпция невиновности означает, что должны быть соблюдены два основных признака, закреплённые в ст. 49 Конституции РФ. Первый — виновность устанавливается вступившим в законную силу приговором суда. Второй — виновность должна быть доказана.

Презумпцию невиновности почти всегда связывают с уголовных преследованием, указывая, что гражданские и административные правоотношения исходят из презумпции вины, которая законодательно закреплена в нормах закона таких как ст. 401, 1064 ГК РФ и пр. Не отстает от этого и судебная практика, дополняя и закрепляя презумпцию вины, например п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 года № 53 ввел в деловой оборот понятие «должной осмотрительности» при заключении договора, под угрозой признания налоговой выгоды не обоснованной [9]. Ещё одним примером является п. 1 Обзора практики ВС РФ по спорам связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, где закреплена ответственность перевозчика не утрату недостачу или повреждение (порчу) груза либо багажа независимо от наличия его вины [10].

Однако здесь необходимо заметить, что презумпция виновности в гражданских правоотношениях имеет некоторые пределы. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ не смотря на наличие вступившего в законную силу приговора суда, отказалась признавать сделку, совершённую осужденным, недействительной. Указав, что: «признание лица виновным в совершении преступления и назначение ему наказания по нормам УК РФ сами по себе не означают, что действиями осужденного не были созданы изменения в гражданских правах и обязанностях участников гражданских правоотношений, а также не означают отсутствия необходимости в исправлении таких последствий» [11].

Ещё одним интересным закреплением в судебной практике презумпции виновности в гражданских правоотношениях является рассмотрение дел о применении

в переписке и принятие эмодзи (смайла), которые рассматриваются судом как согласие, а то и вовсе могут быть приравнено к подписи под договором, заключённом в электронном виде [12]. При этом особенно обращает на себя внимание тот факт, что судебной практикой допускается возможность заключения договора путем обмена электронными письмами, без составления привычного договора, и это признаётся соблюдением порядка заключения договора в простой письменной форме, то есть выполнением требования закона к форме договора [13].

С теоретической точки зрения презумпция вины имеет два аспекта (формы): процессуально-правовой, проявляющийся при реализации возможности её опровержения и распределении бремени доказывания, а также материально-правовой, реализующийся в случае если отсутствие вины доказано не будет в связи с чем после вступления решения суда в законную силу для стороны, признанной виновной наступят материально-правовые последствия [14, с.148].

Феликов Д. А. делая вывод о месте презумпции вины в классификациях гражданско-правовых презумпций указывает, что презумпция вины «по факту закрепления в законе относится к законным, по сфере действия — к отраслевыми, по способу изложения в нормативном и правовом акте — к прямым, по возможности опровержения — к опровержимым, по возможности изменения соглашением сторон — к императивным, по правовой форме — к законным (не договорным), по критерию обязательности презюмируемого факта для суда — к обязательным [14, ст. 151].

Однако, как указываются некоторыми авторами о презумпция невиновности нужно говорить в контексте именно «гражданского судопроизводства, а не гражданского права» [15, ст.491]. По их мнению, «презумпция невиновности вытекает из ещё более общей презумпции — добросовестности и порядочности граждан, которая считается общеправовой. Вполне обосновано, перефразируя конституционный принцип (ст. 49 Конституции РФ — примечание автора), ответчик при нарушении гражданско-правовых обязанностей (в широком смысле слова) считается невиновным (а значит не может быть привлечён к ответственности) пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу решением суда» [15, ст.491].

Презумпция невиновности ответчика является основой состязательности, охраняет ответчика от необоснованного привлечения к ответственности и играет важную роль в обеспечении справедливости судебного разбирательства по гражданским делам [15, ст.492].

Заметим, что презумпция невиновности не упрощает процесс доказывания по делу, не освобождает правоприменителя от обоснования имеющихся фактов [15, ст.492].

Приведённое выше утверждение можно проиллюстрировать абзацем вторым п.11 Постановления Пленума ВС РФ «О применении судами гражданского законодатель-

ства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина», разъясняющий, что: «установленная [статьей 1064](#) ГК РФ презумпция вины причинителя вреда предполагает, что доказательства отсутствия его вины должен представить сам ответчик. Потерпевший представляет доказательства, подтверждающие факт увечья или иного повреждения здоровья (например, факт причинения вреда в результате дорожно-транспортного происшествия с участием ответчика), размер причиненного вреда, а также доказательства того, что ответчик является причинителем вреда или лицом, в силу закона обязанным возместить вред» [16].

Однако, автор, исходя из своей практической работы полагает, что рассматривать презумпцию невиновности, даже в таком урезанном варианте, то есть только как рамках гражданского судопроизводства довольно спорно. Так, несмотря на то, что положения п. 1 ст. 1064 ГК РФ редко когда увидишь в решении суда, что по делам о поставке товаров, перевозки грузов либо в отношении, например, передачи сруба, рассматриваемом в рамках закона о защите прав потребителей, тем не менее эти положения «подразумеваются». Выше приводилось высказывание о том, что оценка доказательств и выводов судом не предсказуемы. Они не понятны «проигравшей» стороны. Читая очередное решение суда, где стандартно встречается ссылка на положения ст. 309 и 310 ГК РФ, и отсутствует явная ссылка на положения п. 1 ст. 1064 ГК РФ фраза: «ответчик не доказал, что им надлежаще выполнены условия договора», становиться совершенно не обоснованной, ведь, как правило, защищающаяся сторона, в большинстве своём, представляет все имеющиеся у неё документы, подтверждающие исполнение ей договора в полном объёме, но при негласном применении положений п. 1 ст. 1064 ГК РФ этого может оказаться недостаточно.

Что же касается административного производства, то несмотря на то, что некоторые авторы, указывая, что «административная ответственность имеет публичный характер, так как в любом случае она наступает перед государством в лице уполномоченных органов государственной власти. Именно публичный характер административной ответственности и публичное начало при производстве по делам об административных правонарушениях предопределяют действие презумпции невинов-

ности при производстве по таким делам» [17, с.159], со ссылкой на положения ст. 1.5 КоАП РФ. Автор склоняется к иной точке зрения, так как считает, что именно она подтверждена практикой.

При буквальном толковании части 2 ст. 1.5 КоАП РФ получается, что на стадии возбуждения административного производства нет [1, ст.635-636]. Это подтверждается следующими доводами: «во-первых, вступление в законную силу постановления по делу об административном правонарушении ещё не может означать полного и абсолютного непоколебимого разрешения вопроса о вине (виновности): поскольку вполне возможны пересмотры вступивших в законную силу постановлений в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Попытки связать окончание действия и презумпции невиновности с моментом вступления постановления в законную силу не имеют под собой серьёзных оснований.

Во-вторых, возможность пересмотра постановления по делам об административных правонарушениях, в том числе и оправдательных характеризует доказательственное право, как не позволяющее однозначно определить конечную точку принятия решения об «окончательно и полностью» доказанной вине.

В-третьих, расплывчатое понимание периода действия презумпции невиновности фактически ставит суд, орган, должностное лицо, рассматривающее административное дело в первой инстанции в положение органа не судебного, не разрешающего вопроса о виновности лица в случае дальнейшего обжалования постановления» [1, ст.635-636].

Кроме того, Федеральный закон от 24.07.2007 года № 210-ФЗ ввёл в статью 1.5 КоАП РФ часть 3, являющуюся фактическим изъятием принципа презумпции невиновности.

Таким образом, гражданские и административные правоотношения исходят из презумпции вины сторон, в них вступивших. Доказательственная презумпция — логический приём, позволяющий суду признавать без доказательств истинный факт и положить его в основание решения, если этот факт основан на практике и не опровергнут в ходе судебного разбирательства. Практическое применение доказательственной презумпции сводиться к возможности увеличить процент предсказуемости решения спора в суде.

Литература:

1. Пронина М. П. Проблемы конструкции презумпции невиновности в КоАП РФ //Юридическая техника 2013 год № 7 (ч.2)
2. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.05.2022 года № Ф10–1600/2022 по делу № А84–488/2021 С5// <https://kad.arbitr.ru/>
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации 24.07.2002 г. № 95-ФЗ, ст. 69
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ, ст. 61
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (08.03.2015 г. № 21-ФЗ), ст. 64
6. Мильков П. И., Жагорина С. А. Доказательственные презумпции в гражданском и арбитражном процессе: теоретический аспект// Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, 2011 № 1

7. Бабаев В. К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974 с.9.
8. Берлин А. Новая доказательственная презумпция //Новая адвокатская газета 2016 № 1
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2006 г № 53 «Об оценке Арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды, п.10
10. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции, утвержденный Президиумом ВС РФ 20.12.2017 г., п.1
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Суда Российской Федерации от 29 октября 2024 г. № 18-КГ24-248-К4 (УИД 23RS0050-01-2023-000197-81)// <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29102024-n-18-kg24-248-k4-uid-23rs0050-01-2023-000197-81/>
12. Определение Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 года № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944/2022 <https://kad.arbitr.ru/>
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.08.2025 № Ф05-12536/2025 по делу № А40-11881/2025 <https://kad.arbitr.ru/>
14. Филиков Д. А. Место презумпции вины в классификациях гражданско-правовых презумпций // Вестник Пермского университета 2011 г. выпуск 2(12)
15. Сенякин И. Н. Ещё раз о содержании презумпции невиновности в российском законодательстве. //Юридическая техника. 2010 № 4
16. Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/.
17. Левченко В. Б. Презумпция невиновности в административном законодательстве// Вестник университета им. О. Е. Кутафина 2/2014

Процессуальный порядок заявления ходатайства о постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства

Михайлова Анастасия Кирилловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ключенко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье раскрываются проблемы процессуального порядка заявления ходатайства о постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства. Государственный обвинитель должен принимать обязательное участие в судебном разбирательстве. В настоящее время в соответствии с уголовно-процессуальным законом более ¼ от уголовных дел рассматриваются в особом порядке, однако возрастает и количество проблем по данному вопросу, одной из которых является то, какая роль в судебном разбирательстве отводится государственному обвинителю.

Ключевые слова: суд, судебное разбирательство, особый порядок, ходатайство, обвиняемый, признание вины, приговор.

Procedural Rules for Submitting a Motion for a Special Trial Sentence

Mikhaylova Anastasiya Kirillovna, master's student

Scientific advisor: Klochenko Larisa Nikolaevna, d. in law, ph.d. in philology, associate professor
Russian New University (Moscow)

The article reveals the problems of the procedural order of filing a motion for a special trial. The public prosecutor must be present at the trial. Currently, according to the criminal procedure law, more than ¼ of criminal cases are considered in a special procedure, but the number of problems related to this issue is also increasing, one of which is the role of the public prosecutor in the trial.

Keywords: court, trial, special procedure, motion, defendant, plea, verdict.

Раскрывая проблемные аспекты, которые затрагивают рассмотрение дел в особом порядке судебного разбирательства необходимо отметить, что в большинстве

своём они затрагивают государственного обвинителя, который принимает непосредственное участие в судебном процессе. Деятельность прокурора в суде заключается

в том, что для начала он осуществляет отправку дела в суд, а далее во время судебного процесса оглашает материалы дела, выступает в прениях, а также оглашает в чём обвиняется гражданин, участвующий в судебном процессе [8, с. 125]. В связи с этим необходимо отметить, что он является одной из ключевых фигур, в раскрытии вопросов о проблемах, которые могут возникнуть при рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства.

Первой проблемой, которую следует раскрыть является момент подачи ходатайства о необходимости применить особый порядок судебного разбирательства. Опираясь на ч. 2 ст. 315 УПК РФ необходимо отметить, что обвиняемый в праве заявить ходатайство о том, чтобы было вынесено постановление приговора, не дожидаясь судебного разбирательства.

Данное постановление может быть представлено в том случае, когда присутствует полное согласие с предъявленными обвинениями во время предварительного слушания и по результатам ознакомления материалов по уголовному делу [2].

В соответствии с Постановлением Верховного Суда РФ необходимо отметить, что есть возможность получить ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в том случае, когда это было заявлено до момента проведения судебного заседания. Проблема на данном этапе может возникнуть в том случае, когда лицом не поступает ходатайство, а предварительное расследование уже подходит к завершению, а также и в том случае, когда отсутствуют основания о том, чтобы начать производство предварительного слушания [3].

Раскрывая данную ситуацию, Филиппова Е. А. отмечает, что приведённые выше обстоятельства приводят к тому, что наблюдается нарушение прав обвиняемого на возможность рассмотрения дела в более быстром варианте. В связи с этим было составлено предложение о внесении изменений в ч. 2 ст. 315 УПК РФ, реализация которого позволит обвиняемому ходатайствовать ещё до того, как начинается судебное следствие [9, с. 35].

Следует отметить, что реализация данного предложения позволит усовершенствовать процесс, однако есть и отрицательные характеристики, которые прослеживаются в данном предложении. Данное постановление соответствует УПК РФ и выражается в поэтапном осуществлении судебного заседания, а также определяет сроки, в течение которых данное постановление должно быть вынесено, и сроки, в которые должно быть начато судебное разбирательство. Также данное постановление должно определять назначение дела, а также предоставлять список граждан, которых планируется вызвать в тот момент, когда будет проводиться судебное заседание.

Для того, чтобы были задействованы свидетели, судебное разбирательство необходимо рассматривать в общем порядке. Если на этапе подготовительной работы, которая проводится до начала судебного разбирательства, подсудимый меняет своё мнение о той ситуации, в которую он попал, и просит о возможности перевода дела

в особый порядок судебного разбирательства, то данный порядок, закреплённый в УПК РФ нарушается, что приводит к неблагоприятным последствиям. В связи с этим, необходимо отметить, что для осуществления данной возможности у обвиняемого достаточно времени, которому и необходимо следовать для того, чтобы не образовалось новых проблем.

Доктрина содержит мнение различных ученых и практиков в области права, среди которых выделяется категория, которая говорит о том, что нельзя брать в учёт мнение со стороны обвинителя и потерпевшего. Так, например, данного мнения придерживается Петрухин И. Л., он считает обвинение должно быть удовлетворено происходящим, в котором обвиняемым признают свою вину и ходатайствует о том, чтобы слушание дело было проведено в особом порядке. Также автор считает, что в противоположном случае возникает зависимость у обвиняемого к мнению сторон, что оказывает неблагоприятное воздействие на рассмотрение его дела в особом порядке» [7, с. 20].

Опираясь на мнение таких исследователей как: Константинов П. В. и Стуканов А. И. следует предусмотреть возможность на согласие рассмотрения в особом порядке судебного разбирательства со стороны потерпевшего (частного обвинителя) лишь по некоторым частным делам [5, с. 42].

Следующим необходимо привести в пример мнение Осина В. В., который считает, что мера осуществления судебного разбирательства в особом порядке является не эффективной, так как согласие в данном случае как со стороны обвинителя, так и обвиняемого мешает последующему сбору и формированию доказательной базы. Таким образом, следует отметить, что в данном случае рекомендуется, чтобы в УПК РФ были внесены изменения, которые позволяли бы осуществлять процесс проведения особого порядка судебного разбирательства, только в том случае, когда со стороны обвиняемого было представлено ходатайство [6, с. 17].

Стоит отметить, что данная точка зрения является обоснована тем, что бывают случаи, когда потерпевший преследует личные цели с целью навредить обвиняемому из собственных соображений, а также в связи с тем, что прокурор высказывает свои несогласия приведя к тому, что нарушаются права подсудимого. Однако следует отметить, что применение особого порядка в судебном разбирательстве не носит обязательного характера. Когда в суде заявлено ходатайство, то к рассмотрению принимается мнение каждого участника судебного процесса.

Основным фигурантом дела является потерпевший, за которым закреплено право на то, что дело будет рассмотрено в общем порядке. В связи с тем, что права потерпевшего признаются нарушенными, он может обратиться к суду за возможностью уделить пристальное внимание на те вопросы, которые его больше всего волнуют, несмотря на то прослеживается ли какая-либо зависимость в судебном разбирательстве или нет.

Не стоит забывать о том, что судом может быть вынесен приговор о любом наказании, которое будет соответствовать раскрываемой в деле статье, несмотря на то, что по ней могут быть применены смягчающие обстоятельства, даже если это был рецидив, то применяются требования о смягчающих обстоятельствах, отображенные в ч. 2 ст. 68 УК РФ [1].

Прокурор может быть не согласен о применении особого порядка на основании того, что он является защитником потерпевшей стороны. В связи с этим необходимо отметить его отличие в том, что подсудимый и адвокат, который защищает права подсудимого может высказывать любые мнения по делу, даже в какой-то степени, противоречащие закону, в то время, когда у прокурора такой возможности нет, так как он в обязательном порядке должен следовать закону. Прокурор также должен осуществлять роль помощника в суде и содействовать тому, чтобы по каждому рассматриваемому им делу было вынесено правильное решение. Таким образом, необходимо отметить, что при рассмотрении дела в особом порядке ориентир прокурора должен быть направлен на то, чтобы проводимый процесс был правильным, а рассмотрение дела было поделено на особый и общий порядок судебного разбирательства.

Следующая проблема заключается в случаях, когда потерпевший отсутствует на суде. В связи с этим, Филиппова Е. А. предлагает следующее решение по данной проблеме. Суд убеждается в том, что потерпевший был осведомлён о том, где будет проходить судебное заседание и в какое время, и если в соответствии с требованием судебного заседания происходят какие-либо нарушения, то тогда его следует отложить.

В том случае, когда требования соблюдены, потерпевшему поступает уведомление о необходимости изложения своего мнения о рассматриваемом в особом порядке уголовном деле, и если в течение представленного для потер-

певшего срока от него не поступило никаких либо возражений или же было предоставлено согласие, то судебное разбирательство проводится в особом порядке [9, с. 36].

По мнению исследователя, Великий Д. П. следует отметить, что опираясь на ч.1 ст. 314 УПК РФ суд должен требовать обязательное появление потерпевшего при судебном разбирательстве [4, с. 14]. Так как данный вид обстоятельства приводит к тому, что возникают проблемы для того, чтобы осуществлять рассмотрение в особом порядке.

Судом высказывается требование о том, чтобы потерпевший был приведён в суд, если не по собственному желанию, то значит принудительно, или же требует, чтобы потерпевшим было составлено заявление, чтобы дело рассматривалось в особом порядке. В связи с этим следует согласиться с точкой зрения Филипповой Е. А., однако необходимо помнить о том, что в соответствии с законодательством потерпевший знакомится с материалами дела в первую очередь, а уже потом обвиняемый.

Поэтому нет чёткого понятия о том, будет ли со стороны подсудимого присутствовать желание, чтобы дело было рассмотрено в особом порядке. Стоит отметить, что на практике большинство дел, которые движутся к своему завершению имеют запись в протоколе о том, что потерпевший ознакомлен с материалами дела и даёт согласие/несогласие на дальнейшее рассмотрение дела в особом порядке. Таким образом, потерпевший ещё на стадии предварительного следствия даёт своё согласие на то, что дело будет рассмотрено в особом порядке.

Таким образом, необходимо отметить о существовании проблем по данному вопросу, которые решаются посредством внедрения различных точек зрения. В том случае, когда на практике весь процесс соответствует закону, то и проблем можно избежать, чтобы не возникало никаких препятствий по установлению всех обстоятельств по уголовному делу.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета, № 286, 20.12.2006.
4. Великий Д. П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 13–18.
5. Константинов П. В., Стуканов А. И. Принятие судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Законность. 2020. № 3. С. 41–45.
6. Осин В. В. Что мешает применению в России особого судебного разбирательства? // Адвокат. 2020. № 7. С. 16–21.
7. Петрухин И. Л. Особый порядок судебного разбирательства // Российская юстиция. 2022. № 7. С. 19–24.
8. Томин В. Т., Поляков М. П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 354 с.
9. Филиппова Е. А. Специфика участия прокурора в особом порядке судебного разбирательства // Вестник ОГУ. 2023. № 83. С. 34–38.

Актуальные проблемы совместного завещания супругов, приводящие к наследственным спорам в Российской Федерации

Могиленко Ирина Игоревна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Институт наследственного права в России расширяет свои границы. Введение понятия «совместное завещание супругов» является одним из таких проявлений. Однако из-за того что институт совместного завещания супругов является новеллой российского законодательства, практика использования совместных завещаний супругов в Российской Федерации еще не проработана. Наличие определенных пробелов и неточностей в данной теме является причиной появления наследственных споров. В настоящее время многочисленные авторы научных источников, рассматривающие данный институт, приводят возможные проблемы исполнения совместных завещаний супругов, а также стараются найти пути их решения для минимизации наследственных споров.

Ключевые слова: наследство, завещание, наследственные споры, совместное завещание супругов, новеллы, российское законодательство.

Current issues of joint will between spouses leading to inheritance disputes in the Russian Federation

Mogilenko Irina Igorevna, master's student
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The Institute of Inheritance Law in Russia is expanding its boundaries. The introduction of the concept of «joint will of spouses» is one such development. However, as the institution of joint wills is a novelty in Russian legislation, the practice of using joint wills among spouses in the Russian Federation has yet to be fully developed. Certain gaps and inaccuracies in this area have led to the emergence of inheritance disputes. Currently, numerous authors of scholarly sources examining this institution highlight potential issues in the execution of joint wills and seek to find solutions to minimise inheritance conflicts.

Keywords: inheritance, will, inheritance disputes, joint will of spouses, novelties, Russian legislation.

Наследование представляет собой значимый правовой механизм, направленный на обеспечение правомерного перехода права собственности на имущество после смерти собственника другому лицу. Анализируя очереди наследников по закону, можно сделать заключение о многочисленности потенциальных наследников в сравнении с тем числом, которое определялось ранее действовавшим законодательством о наследовании по закону. Так, до 2001 года в Гражданском кодексе были установлены две очереди наследников по закону — впоследствии их количество увеличилось до четырех, а с 1 марта 2002 года — до восьми [2]. В настоящий момент, законодатель максимально предусмотрел и зафиксировал в Гражданском кодексе РФ всех потенциальных родственников, которым может перейти имущество умершего человека. Целью данного положения является желание государства сохранить имущественную преемственность поколений, оставить собственность в частных руках. Имущественная преемственность поколений получила свое новое ответвление, в виде появления в наследственном праве совместного завещания супругов. Переход имущества хоть и не является прямым примером имущественной преемственности, однако позволяет материальным благам, приобретенным двумя людьми, остаться у лица, непосредственно принимавшее участие в их получение, а также принять участие в совместном решении об определении будущей судьбы совместно нажитого имуще-

ства. Так, составление совместного завещания супругов играет важную роль не только в правовом поле, но и в социальном аспекте. Можно говорить о том, что верным решением является совместное участие в решении юридической судьбы совместно нажитого имущества.

Институт совместного завещания супругов представляет собой расширение завещательных возможностей наследодателя по распоряжению имуществом после своей смерти. Новая редакция ст. 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит, что завещание может быть совершено двумя гражданами, состоящими между собой в момент совершения завещания в браке [1]. Данная правовая инновация «не была придумана с нуля», такие формы передачи наследства уже используются за рубежом. Данная форма завещания позволяет супругам на момент состояния в браке составлять одно общее завещание. Основными моментами, которые стоит учитывать супругам при составлении данной формы завещания, является соблюдение приоритетных норм гражданского законодательства, а именно: сохранение обязательной доли в наследстве для определенной категории лиц и запрет наследования недостойными наследниками.

По общему правилу, при смерти одного супруга, совместно нажитое имущество проходит процедуру раздела, после чего определяется наследственная масса и наследники. Составление совместного завещания супругов

упрощает процедуру, поскольку оно наравне с обычным завещанием устанавливает кому достанется имущество и в каких долях. Однако, в отличие от ситуаций, при которых завещание, составленное одним лицом, теряет свою юридическую силу, совместное завещание супругов дополняет данный ряд условий еще двумя случаями, а именно признание брака судом недействительным и отказ одного из супругов от завещания. Наличие нормы, согласно которой супруг, после смерти другого супруга, имеет право отменить совместное завещание, является проблемой, порождающей наследственные споры. Ведь в случае, если переживший супруг имеет право отменить совместное завещание, несмотря на ранее юридически оформленную общую волю супругов, то впоследствии наследники не смогут воспользоваться правовой защитой своих прав по получению наследства. Для решения будущих наследственных споров по данной теме, имеет место предложение о введении ограничения для изменения и отмене совместного завещания. Например, установить конкретный срок, в течение которого у супруга будет возможность изменить или отменить совместное завещание.

Следующая проблема, порождающая наследственные споры, заключается в отсутствии регулирования вопроса, касательно средств, находящихся на банковских счетах, при оформлении совместного завещания супругов. Для решения данной проблемы стоит утвердить возможность совершения завещательного распоряжения в письменной

форме непосредственно в банка, в котором открыт денежный счет, в порядке режима совместного завещания супругов.

В заключение стоит отметить, что институт совместного завещания супругов является относительной новеллой российского законодательства, в которой не до конца не сложилась стабильная судебная практика его применения. Помимо вышеуказанных решения конкретных проблем, стоит изучить зарубежный опыт правового регулирования совместного завещания супругов для устранения пробелов в российской законодательстве [6]. Стоит отметить, что недочеты, возникающие в процессе решения проблем, касательно совместного завещания супругов, неизбежны, поскольку в юриспруденции всегда можно наткнуться на «подводные камни» при трактовании закона.

Также можно сделать общий вывод о том, что и в Российской Федерации, и в ряде зарубежных стран имеется множество проблем, связанных с наследованием, однако динамично развивающееся законодательство отдельно каждой взятой страны направлено на минимизацию законодательных и практических проблем, связанных с наследуемым имуществом по завещанию. К реформированию наследственного права законодатель относится крайне осторожно, поскольку наследственное право регулирует наиболее чувствительную сферу человеческих отношений и любые законодательные новеллы могут быть очень болезненны для общества.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 53-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // «Собрание законодательства РФ» — 03.11.1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Проспект, 2006. Т. 3. 784 с.
3. Кыр А. А. Проблемы реализации совместного завещания супругов / А. А. Кыр, С. В. Савинов // International & Domestic Law: материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и международному праву, Екатеринбург, 17 декабря 2021 г. / 2022. С. 242–244.
4. Оганесян А. Г. Институт совместного завещания в России: проблемы и пути реформирования. — 2022. С. 42–43.
5. Бажин А. А. Актуальные проблемы совместных завещаний супругов // Пермский период: Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. В 3 т., Пермь, 16–20 мая 2022 г. / Сост. А. И. Согурина. Т. 2. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 249–250.
6. Блинков О. Е., Попова Т. А. Раздел наследства в российском и зарубежном гражданском праве: монография. М.: Юрист, 2013. 144 с.

Косвенные иски в корпоративных правоотношениях: проблемы квалификации и перспективы развития института

Мяжитова Гульнара Рифатовна, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Корпоративные споры занимают особое место в системе гражданско-правовых споров, поскольку су-

дебные решения по таким делам неизбежно затрагивают интересы не только самого юридического лица, но и его

участников. При этом во многих случаях интересы последних оказываются разнонаправленными, что обуславливает сложность выработки единых подходов к защите корпоративных прав. Одним из наиболее дискуссионных инструментов защиты является косвенный иск, правовая природа которого продолжает оставаться предметом активных научных споров.

Как верно отмечает А. А. Кузнецов, в отечественной юридической науке отсутствует устойчивая терминология для обозначения данной категории исков. Наиболее распространенными терминами являются понятия «косвенный (производный) иск» (что является заимствованием англо-американской конструкции *derivative action*) или «корпоративный иск» [1, с. 76].

К. О. Антонюк указывает, что косвенный иск может быть также назван комбинацией данных терминов [2, с. 143].

Сторонники использования термина «косвенный (производный) иск» исходят из того, что выгодоприобретателем по такому иску является юридическое лицо, в пользу которого взыскивается присужденное, тогда как участник (акционер) получает лишь косвенную выгоду, например через повышение стоимости корпоративных прав.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в литературе, подобное толкование не полностью отражает специфику косвенного иска [1, с. 76]. Во-первых, оно скорее объясняет цель предоставления такого права участнику, чем его юридическую природу. Во-вторых, не всегда корректно говорить о косвенной имущественной выгоде. В частности, в случае когда участник некоммерческой организации заявляет иск о взыскании убытков с ее руководителя, речь идет не об имущественной выгоде, а о восстановлении принципов надлежащего управления.

С. В. Моисеев указывает, что концепция косвенного иска в российском праве развивалась на основе положений п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3], закрепляющего обязанность лиц, действующих от имени юридического лица, возмещать убытки, причиненные их виновными действиями [4, с. 59].

При этом коррелирующие нормы содержатся в п. 3 ст. 105 ГК РФ, а также в специальном законодательстве, в частности в п. 3 ст. 6 и п. 5 ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» [5] и в п. 5 ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6]. Данные нормы предоставляют участникам (акционерам) право на предъявление иска о возмещении убытков, причиненных обществу, что фактически реализует модель косвенного иска.

Однако важно отметить, что подобные положения отсутствуют в законодательстве, регулирующем деятельность многих некоммерческих организаций, что, в свою очередь, порождает вопрос о границах применения конструкции косвенного иска и возможности ее распространения на некоммерческие корпоративные структуры. В научных кругах данная тема рассматривается главным образом на примерах хозяйственных обществ, тогда как

иные организационно-правовые формы остаются вне поля анализа.

Объектом косвенного иска, как справедливо указывают П. П. Ланг и А. И. Ширяева, является материально-правовое требование о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу действиями его органов управления, участников либо третьих лиц [7, с. 33].

Иными словами, суть производного иска заключается в том, что участник (акционер, учредитель) обращается в суд не для защиты собственных имущественных интересов, а в интересах самого юридического лица, понесшего убытки. При этом сам истец извлекает пользу лишь косвенно — через восстановление имущественной сферы общества, что опосредованно отражается на его правах как участника.

Производные иски необходимо четко отграничивать от прямых (классических) исков, а также от коллективных исков, получивших развитие в современной процессуальной практике.

В случае с прямыми исками лицо защищает собственные права и законные интересы, которые были непосредственно нарушены ответчиком. Здесь налицо прямая материально-правовая заинтересованность истца в исходе дела, например когда акционер требует признания недействительными решения общего собрания, нарушившие его права.

Во втором случае при подаче коллективного иска речь идет о процессуальной форме защиты, когда в суд обращается одно или несколько лиц в интересах неопределенного или широкого круга субъектов, объединенных общим нарушением.

Однако ключевое отличие коллективного иска от косвенного (производного) заключается в том, что у инициатора отсутствует материально-правовой интерес в отношении основного объекта спора. Его процессуальные действия направлены на защиту прав других лиц, а не на восстановление имущественного положения определенной организации.

Основным критерием, по которому отечественная доктрина квалифицирует иск как косвенный, является предъявление требования в защиту интересов другого лица.

При этом сущность данного института заключается в том, что участник получает право выступать в суде в интересах юридического лица, хотя формально не является его представителем.

С точки зрения теории гражданского процессуального права такое полномочие можно рассматривать как особую разновидность законного представительства. При этом важно подчеркнуть, что, в отличие от классического представительства, данное полномочие не вытекает из воли представляемого (юридического лица), а предоставляется законом в целях защиты корпоративных интересов от злоупотреблений со стороны органов управления.

А. А. Кузнецов подчеркивает, что исключительный характер косвенного иска заключается в том, что участник действует не по поручению общества, а вопреки его без-

действию [1, с. 77]. Следовательно, подобные иски представляют собой ограничение правоспособности юридического лица, поскольку лишают его возможности самостоятельно решать вопрос о защите своих прав.

Д. И. Ионов справедливо обращает внимание на необходимость уточнения процессуального статуса корпорации в производных исках. По ее мнению, дальнейшее развитие института должно идти не по пути признания участника законным представителем, а через нормативное закрепление статуса корпорации как самостоятельного участника процесса в делах данной категории [8, с. 18].

Подобный подход предполагает, что юридическое лицо должно рассматриваться как вынужденный истец или ответчик, обладающий собственными процессуальными правами и обязанностями, что позволит устранить противоречия между принципом автономии воли юридического лица и необходимостью обеспечения добросовестного корпоративного управления.

Таким образом, как видим, проблематика косвенного иска отражает глубокое противоречие между двумя фун-

даментальными началами корпоративного права — автономией юридического лица и защитой интересов участников от злоупотреблений органов управления.

Современное регулирование института производных исков в России остается фрагментарным и преимущественно ориентированным на хозяйственные общества, что создает пробелы в отношении иных корпоративных структур, включая некоммерческие организации.

Полагаем, что в настоящее время следует пересмотреть процессуальный статус юридического лица в производных исках, закрепив за ним самостоятельное положение в процессе как лица, интересы которого защищаются, но которое сохраняет автономию в принятии решений.

Полагаем, что для повышения эффективности данного института целесообразно внедрить обязательную процедуру досудебного уведомления юридического лица о намерении участника предъявить производный иск, что обеспечит баланс интересов и позволит избежать дублирования судебных инициатив.

Литература:

1. Кузнецов А. А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. — 2020. — № 11. — С. 76–86.
2. Антонюк К. О. Корпоративный косвенный иск в России: инструмент защиты корпорации от вреда менеджмента или способ вторжения в отношения корпорации с третьими лицами? // Закон. — 2022. — № 12. — С. 143–153.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Моисеев С. В. Косвенный иск... как много в этом звуке... // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 9. — С. 58–71.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
6. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
7. Ланг П. П., Ширяева А. И. Институт косвенных исков в корпоративных отношениях: теоретические и практические аспекты // Российская юстиция. — 2021. — № 3. — С. 32–35.
8. Ионов Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Российский судья. — 2018. — № 7. — С. 17–22.

Особенности отбора судей в различные судебные инстанции

Николаева Марина Валерьевна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье рассматриваются специфика и этапы отбора судей в различные судебные инстанции Российской Федерации. Проведен анализ нормативных основ процедуры, а также выделены основные требования к кандидатам на судебские должности различных уровней. Особое внимание уделено роли квалификационных коллегий судей в обеспечении независимости судебной власти и оценке профессиональных качеств претендентов. Отражены основные проблемы современного этапа — бюрократизация, неоднородность критериев оценки, недостаточная прозрачность конкурсных процедур. Автор обосновывает необходимость реформирования системы отбора судей посредством повышения информационной открытости, усиления роли профессиональных и этических критериев и оптимизации работы коллегий судей. Сделан вывод о направлениях совершенствования судебной реформы в части кадровой политики.

Ключевые слова: отбор судей, судебные инстанции, квалификационные коллегии, прозрачность, профессиональные критерии, судебная реформа, независимость судей.

Features of judicial selection for different courts in Russian Federation

The article examines the specifics and stages of judicial selection for various courts in the Russian Federation. The analysis of the regulatory framework of the procedure is carried out, as well as the main requirements for candidates for judicial positions at different levels are highlighted. Particular attention is paid to the role of qualification collegiums of judges in ensuring the independence of the judiciary and in assessing the professional qualities of applicants. The main problems of the modern stage are reflected — bureaucratization, inconsistency of evaluation criteria, insufficient transparency of competitive procedures. The author substantiates the need for reforming the judicial selection system by increasing informational transparency, strengthening the role of professional and ethical criteria, and optimizing the work of collegiums of judges. The conclusion is drawn regarding the directions of improving judicial reform in terms of personnel policy.

Keywords: judicial selection, courts, qualification collegiums, transparency, professional criteria, judicial reform, independence of judges.

В современной России процедура отбора кандидатов на судебные должности стала предметом пристального внимания правоведов и реформаторов, что отражается в постоянном совершенствовании механизмов формирования судейского корпуса и ужесточении требований к претендентам на ответственные посты. Обеспечение авторитета и доверия к судебной системе невозможно без детального соблюдения критериев профессионализма, а также без выстраивания эффективных гарантий независимости судей. Именно эти задачи лежат в основе действующей системы подбора судей для различных уровней судебных инстанций [6].

Правовое регулирование порядка назначения судей в Российской Федерации основано на ряде основополагающих нормативных документов. Центральную роль занимает Конституция РФ [1]. К числу ключевых актов относится Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 года № 3132-1 [2], устанавливающий базовые требования к лицам, претендующим на судебные должности, а также предоставляющий гарантии независимости для представителей судейского корпуса. Регламент назначения мировых судей, в том числе специфика их деятельности, содержится в Федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ [3]. Особое значение для процесса судебного назначения приобретает Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» от 14 марта 2002 года № 30-ФЗ, определяющий процедуру формирования квалификационных коллегий судей и круг их полномочий в структуре российского судостроительства [4]. Формы и порядок отбора, как подчёркивает Р. С. Палагин, отражают не только кадровые интересы государства, но и служат гарантией самостоятельности судебной власти от внешних воздействий [9]. Применение формальных критериев должно сочетаться с анализом профессиональной репутации кандидата, чтобы предотвратить формализм и обеспечить учёт личностных качеств.

Непременными условиями для допуска к судебной службе выступают возрастные и квалификационные требования, зависящие от уровня инстанции. Так, для Конституционного Суда устанавливается минимальный

возрастной барьер 40 лет при стаже 15 и более лет юридической деятельности. Верховному Суду требуются специалисты старше 35 лет со стажем не менее десятилетия, в других высших и региональных судах — от 30 лет и минимум семилетний опыт. В районные и мировые суды привлекаются юристы старше 25 лет при практике от пяти лет. Х. Х. Костоева указывает, что современное изменение судебной практики требует уже не только многолетнего стажа, но и значительной теоретической подготовки, включая наличие учёных степеней, что обосновывает необходимость привлечения судей, обладающих академической подготовкой и высоким уровнем профессиональной квалификации [8]. Этапы отбора судей включают публикацию информации о вакантной должности, прохождение квалификационного тестирования и специальных обследований по состоянию здоровья, экспертную оценку судейской коллегии и назначение соответствующим органом. И хотя подобные процедуры призваны укреплять институты профессионального отбора, К. Э. Серков в своих исследованиях фиксирует присутствие избыточных бюрократических процедур, что способствует тенденции к формализму в ущерб индивидуальным характеристикам кандидатов [11]. Тем не менее, Ю. Д. Жидова подчёркивает решающую роль коллегий судей как фильтра, препятствующего политизации судейских назначений и обеспечивающего защиту независимости [5]. Определённые различия в процедуре отбора связаны с иерархией судов: в высшие судебные органы поступают преимущественно признанные специалисты с обширным профессиональным опытом, а в судах нижнего звена востребованы кандидаты с меньшим, но достаточным квалификационным стажем, что обусловлено масштабом и объёмом рассматриваемых дел. При этом профессию судьи сопровождают как перспективы карьерного роста, отмеченные М. С. Саламатовой, так и высокие требования к соблюдению беспристрастности и самостоятельности судебных решений [10].

Квалификационные коллегии в процессе оценки кандидатов учитывают не только соответствие заявленным формальным требованиям, но и результаты предыдущей деятельности, наличие научных достижений, званий

и наград, что позволяет комплексно оценивать все стороны профессиональной пригодности. Р. С. Палагин подчёркивает, что деятельность коллегий способствует балансу между правовыми нормами и реальным опытом кандидатов [9]. Интеграция этих институтов минимизирует возможность субъективизма и повышает легитимность всей системы. Система отбора судейского корпуса России строится на сочетании жёсткой регламентации, конкурсных механизмов и институционального участия саморегулируемых сообществ юристов, что делает её относительно устойчивой к вызовам времени.

Современные аналитики (Ю. Д. Жидова, Р. С. Палагин, Х. Х. Костоева, К. Э. Серков, М. С. Саламатова) акцентируют внимание на проблемах административных издержек и недостаточной защищённости принципа независимости судей, решение которых представляется ключевым направлением дальнейшего развития всей судебной реформы в стране. Реформирование процедур привлечения новых судей в Российской Федерации демонстрирует выраженную сложность и многоступенчатость, интегрируя требования законодательства и непосредственную вовлечённость судейского сообщества. Проведённый анализ подтверждает наличие проработанной нормативной базы, однако выявляет определённые затруднения, связанные с избыточной формализацией процедур и разнородностью критериев, применяемых при оценке кандидатур.

Автор рассматривает ограниченность информационной открытости конкурсных этапов как один из наиболее острых вызовов современности. Несмотря на объявленное правило конкурсного отбора, значительная часть деталей остаётся недоступной для широкой обще-

ственности. Это обстоятельство оказывает сдерживающее влияние на уровень доверия общества к судебной системе.

В свете данного обстоятельства представляется целесообразным усилить прозрачность: регулярное размещение расширенных данных о кандидатах, результаты квалификационных испытаний, а также материалы обсуждений в рамках коллегий способны повысить общественное доверие и консолидировать независимость судебной власти. Важным направлением развития системы отбора, по мысли автора, является пересмотр соотношения стажа и фактической профессиональной состоятельности претендентов. Установленные по возрасту и опыту параметры, безусловно, необходимы, но не в полной мере отражают содержание профессиональных компетенций. Дополнительная акцентуация на оценке исследовательской и правоприменительной активности может дать возможность молодым, квалифицированным юристам заявить о себе при конкурсном отборе в судебную систему.

С учётом изложенного автор формулирует три ключевых приоритета дальнейшего развития: обеспечение большей публичности и доступа к информации на всех этапах процедуры; усиление влияния профессиональных и этических критериев в процессе оценки; совершенствование деятельности судейских коллегий, направленное на минимизацию регламентационных барьеров и повышение эффективности работы соответствующих институтов.

Реализация указанных направлений, на взгляд автора, способна не только повысить уровень профессионализма новых судей, но и укрепить доверие граждан к институту правосудия в целом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Российская газета. — 2020. — № 144.
2. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (в ред. от 10.07.2023)// Ведомости СНД и ВС РФ. 30.07.1992. № 30. Ст. 1792.
3. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (с изм. от 03.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 21.12.1998. № 51. Ст. 6270.
4. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации: Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 03.08.2025)// Собрании законодательства Российской Федерации от 18 марта 2002 г. N 11 ст. 1022
5. Жидова Ю. Д. К вопросу о гарантиях независимости судей // Студенческий вестник. 2021. № 1–2. С. 82–84.
6. Даминев И. И. Комплектование судейского корпуса в России // Вопросы науки и образования. — 2021. — № 9 (134). — С. 18–23.
7. Судебная реформа -2025 | Отбор кандидатов в судьи [Электронный ресурс]: <https://ic-iskra.ru/news/1696-kak-stat-sudey-instruktsiya-po-primeneniyu> Дата обращения 19.08.2025
8. Костоева Х. Х. Гарантии независимости судьи как основной элемент правового статуса судьи Конституционного суда Российской Федерации // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. 2022. № 9. С. 9–12.
9. Палагин Р. С. Система отбора и назначения на должность судей как гарантия их независимости // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1. С. 149–155.
10. Саламатова М. С. Судейский корпус в России: выбор профессии, карьерные возможности и ограничения/ М. С. Саламатова// Идеи и идеалы 2023 • Том 15. № 4, часть 2. 336–358 с.
11. Серков К. Э. Проблема бюрократизации профессионального отбора в судьи // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2021. 10(85).

Производство по делам об административных правонарушениях в области связи и информации

Овчинникова Валерия Валерьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассмотрены этапы процесса производства по делам об административных правонарушениях в области связи и информации, обобщены случаи, при наличии которых производство по таким делам может быть прекращено, раскрыты особенности рассмотрения и пересмотра дел в данной области, изучены важнейшие аспекты составления постановления по делу об административных правонарушениях как завершающего этапа административного производства, а также обобщены меры административной ответственности, назначаемые нарушителям.

Ключевые слова: связь, информация, административное правонарушение, административное производство, административная ответственность.

В настоящее время сфера связи и информации является широко распространенным объектом посягательства, и с каждым годом умения и навыки правонарушителей совершенствуются, а киберугрозы растут. В условиях цифровизации использование виртуального пространства и деятельность, связанная с применением средств связи, несут с собой множество рисков, связанных с хищением важной информации, использованием ее в противозаконных целях, разглашением данных, относящихся к сведениям с ограниченным доступом и т. д. Понимание современных тенденций в области киберугроз позволяет выявлять потенциальные риски и разрабатывать эффективные способы защиты. При этом важно учитывать, что профессионализм правонарушителей нередко опережает процесс совершенствования правовых механизмов, связанных с рассмотрением административных правонарушений в области связи и информации, поэтому знание порядка производства по делам о таких нарушениях и его проблем необходимо для понимания особенностей назначения мер уголовной ответственности для правонарушителей и разработки направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Процесс производства по делам об административных правонарушениях в области связи и информации реализуется в разрезе трех следующих этапов:

- 1) возбуждение дела об административном правонарушении;
- 2) рассмотрение дела;
- 3) вынесение постановления по делу, содержащее в обязательном порядке меры административной ответственности, либо его прекращение.

Процедура возбуждения дела об административном правонарушении в области связи и информации регламентирована ст. 28.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. В ней рассмотрены основания (поводы) для возбуждения такого дела, полномочия лиц, которые могут возбуждать данные дела (в частности, указано, что их могут возбуждать должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях, и применительно в рассматриваемой сфере отметим, что такие дела воз-

буждают преимущественно должностные лица Роскомнадзора и его территориальных подразделений, так как он является органом исполнительной власти, осуществляющим деятельность по контролю и надзору в области связи, информационных технологий и массовых коммуникаций). В п. 3.5 представлено, в каких случаях Роскомнадзор может возбуждать дела об административных правонарушениях в данной сфере без проведения контрольных (надзорных) мероприятий во взаимодействии с контролируемым лицом. В п. 4 данной статьи четко представлены условия, которые являются обязательными для возбуждения дела о административном правонарушении. Они характерны и для исследуемой сферы [2, с. 28].

Прекращение производства по делам об административных правонарушениях в области связи и информации может произойти в следующих случаях: выявлено отсутствие события правонарушения и (или) его состав, доказано, что действия нарушителя связаны с крайней необходимостью, имеется акт амнистии, утратил силу закон или положение закона о том, что данное правонарушение подлежит административному наказанию, истек срок давности либо физическое лицо признано умершим.

Раскроем особенности рассмотрения дел в данной области. После возбуждения дела осуществляется подготовка к его рассмотрению, в процессе которой должностным лицом анализируются материалы дела. Далее принимается решение о назначении даты и места его рассмотрения, и после этого дело рассматривается по существу. По итогам рассмотрения дела выносится постановление о назначении мер административной ответственности либо о прекращении производства по данному делу. Структура такого постановления представлена вводной, мотивировочной и резолютивной частью и регламентирована статьей 29.10 КоАП РФ [3, с. 623].

Пересмотр дела об административном правонарушении в области связи и информации может быть назначен после обжалования результатов его рассмотрения со стороны участников процесса административного производства. Обжалование постановления может быть сделано высшим должностным лицом Роскомнадзора либо вышестоящим судом. Согласно положениям ст.

30.10 КоАП прокурор может вынести протест на данное постановление в случаях, указанных в тексте данной статьи [1].

Административными наказаниями для нарушителей, совершивших противоправные деяния в области связи и информации, являются, в основном, предупреждение и административный штраф. Реже назначается конфискация орудия предмета совершения правонарушения (например, при использовании средств, влияющих на радиочастотный спектр). Крайне редко применяется такая мера, как административное приостановление деятельности. Это касается юридических лиц и предпринимателей, с противоправными действиями которых связано конкретное административное правонарушение. Данную меру ответственности назначает судья [3, с. 624].

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (часть I), ст.1.
2. Бобырь, В. А. Особенности производства по административным делам о правонарушениях в области связи и информации / В. А. Бобырь, А. В. Минаев // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Калининград, 30 марта 2024 г.). — Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. — С. 28–29.
3. Коннова, Д. В. Возбуждение дела об административном правонарушении. Протокол об административном правонарушении как основной документ при возбуждении дела об административном правонарушении / Д. В. Коннова // Экономика и социум. — 2020. — № 5–2(72). — С. 622–626.

Особенности и значение первоначального этапа расследования изнасилований

Орлова Екатерина Александровна, студент
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В этой статье рассматриваются особенности и значение первоначального этапа расследования изнасилований. Основная проблема — в недостаточной эффективности борьбы с этими преступлениями, что связано с недостаточно эффективным развитием криминалистики, особенно в части установления подозреваемых.

Ключевые слова: изнасилование, потерпевшая, насильник, половая неприкосновенность, расследование, первоначальный этап.

Features and significance of the initial stage of rape investigation

This article discusses the features and significance of the initial stage of rape investigations. The main problem is the lack of effectiveness in combating these crimes, which is due to the insufficient development of forensic science, especially in terms of identifying suspects.

Keywords: rape, victim, perpetrator, sexual integrity, investigation, initial stage.

Сексуальное насилие способно не просто оставить глубокие раны, но и серьезно подорвать психическое и физическое здоровье пострадавшего. К сожалению, дело не только в этом: подобные случаи нередко приводят

к разводам, толкают к распушенности и в целом негативно сказываются на культуре общества.

Чтобы результативно расследовать изнасилования, важно учитывать несколько моментов, в том числе осо-

бенности этого преступления. Например, способ совершения, типичные улики, место происшествия, данные о преступнике и жертве.

Виды сексуального насилия можно условно разделить на две группы:

- Первая — когда преступник действует жестко и напористо, силой вторгаясь в жизнь жертвы. Он выслеживает, нападает, выбирает укромные места и использует физическое или психологическое давление, чтобы сломить сопротивление. Некоторые прибегают к алкоголю, наркотикам или другим веществам, чтобы обездвигнуть жертву.

- Вторая — когда изнасилование совершается, когда жертву уже привели в беспомощное состояние или она сама оказалась в таком положении. Преступник может воспользоваться ситуацией, неосторожным поведением жертвы или ее уязвимостью, что создает благоприятную почву для преступления.

В соответствии со статьей 131 Уголовного Кодекса Российской Федерации: «изнасилование определяется как половые сношения, которые сопровождаются применением насилия к потерпевшей или третьим лицам, угрозой применения насилия (когда воля потерпевшей подавлена) или с использованием беспомощного состояния потерпевшей (когда ее воля игнорируется)» (ч. 1 ст. 131 УК РФ) [1].

В делах о сексуальном насилии важно понимать, что жертва и нападавший могут быть знакомы или не знакомы друг с другом. Однако, утверждение, что женщины, ведущие себя распушенно, чаще становятся жертвами, является опасным стереотипом. Жертвой может стать любой человек, независимо от его поведения или знакомств.

Особую категорию составляют молодые девушки, включая несовершеннолетних. В силу возраста и недостатка жизненного опыта им сложнее распознать угрозу и оказать сопротивление.

При поступлении заявления об изнасиловании следователю необходимо тщательно изучить все обстоятельства. Бывают случаи, когда женщина заявляет об изнасиловании, хотя произошел, например, хулиганский поступок, или наоборот, называет изнасилованием простое хулиганство, пытаясь приуменьшить произошедшее.

Иногда встречаются ложные обвинения, когда женщина оговаривает мужчину из мести или чтобы оправдаться перед окружающими. Если у следователя есть сомнения, он должен провести предварительную проверку.

В ходе проверки потерпевшая подробно описывает произошедшее. Затем её направляют на медицинское освидетельствование, которое может включать экспертизу. Задача врачей — установить наличие повреждений и следов, характерных для изнасилования, и определить время их нанесения. Во влагалище могут быть обнаружены следы спермы преступника. Также изымается одежда, в которой потерпевшая была в момент нападения.

После изучения всех материалов следователь решает, возбуждать уголовное дело или нет. Важно действовать быстро, чтобы не упустить улики, такие как сперма или повреждения девственной плевы.

Расследование дел о сексуальном насилии состоит из двух этапов: проверка правдивости заявления жертвы и доказывание вины нападавшего.

Первым шагом всегда является тщательное расследование обстоятельств дела, чтобы убедиться, что преступление действительно произошло.

В таких случаях важно осмотреть место происшествия, собрать улики, установить личность нападавшего и задержать его.

Если преступник не знаком жертве, расследование строится на информации, полученной при осмотре места преступления и во время допроса потерпевшей.

При осмотре места происшествия нужно обратить внимание на любые следы, которые могут помочь установить личность преступника: следы крови или спермы, волосы, волокна одежды, предметы, оставленные на месте преступления, следы обуви или транспортных средств.

Получив сообщение об изнасиловании, полицейские немедленно начинают поиск преступника.

Если преступник скрылся, важно тщательно осмотреть место преступления, чтобы найти улики и зацепки, которые помогут установить его личность. В такой ситуации полиция преследует преступника по горячим следам и собирает о нем информацию.

Основным способом установления личности, если преступник неизвестен, является ДНК-экспертиза. Даже если личность самого преступника установить не удастся, анализ ДНК его родственника по мужской линии может навести на след.

Показания потерпевшей очень важны для раскрытия дел о сексуальном насилии, так как она является единственным источником информации о деталях произошедшего и приметах нападавшего.

Во время дачи показаний жертва может быть очень эмоциональной. Следователю важно учитывать, что пережитый страх, боль, страдания, возбуждение и напряжение могут повлиять на объективность показаний.

Чтобы сохранить важные детали преступления и характеристики подозреваемого, допрос потерпевшей лучше проводить как можно скорее.

Для эффективного расследования допрос потерпевшей проводится в несколько этапов:

- На первом этапе выясняются основные обстоятельства преступления и собирается информация, необходимая для дальнейших оперативно-розыскных мероприятий.

- На последующих этапах информация детализируется с учетом уже полученных данных.

Во время допроса следователь должен избегать долгих пауз, чтобы не подавить дух потерпевшей. Ему нужно быть внимательным, проявлять заботу и сочувствие [2, с. 348].

Если человек, пострадавший от насилия, не сразу обращается в полицию, важно аккуратно выяснить, почему он или она тянет с заявлением. Тут нужно проявить чуткость и понимание, ведь причин может быть много.

Первым делом стоит осторожно спросить, что мешает или мешало обратиться в органы правопорядка сразу после случившегося. Возможно, человек боится, чувствует стыд, не уверен в своей правоте или опасается последствий для себя или близких. Важно дать понять, что его слушают и готовы поддержать.

Также важно узнать, обращался ли пострадавший за медицинской помощью. Если да, то в какое именно учреждение и какую именно помощь ему оказали. Эта информация важна для фиксации факта насилия и сбора доказательств. Медицинские документы могут стать важным подспорьем в дальнейшем расследовании.

Детали одежды и обуви, в которой находился жертва в момент происшествия, могут помочь восстановить кар-

тину произошедшего. Описание внешнего вида может содержать следы насилия, которые важны для следствия. Важно помнить, что даже незначительные детали могут иметь значение [3, с. 198].

И, наконец, следует выяснить, мылась ли жертва после случившегося в ванной или бане.

Сущность криминалистической характеристики заключается в рассмотрении способа, которым преступник осуществляет серию взаимосвязанных действий — подготовку, совершение и замаскировку преступления. В рамках этого контекста действия преступника могут быть различными, но всегда связаны с применением физического или психологического насилия, а также использованием уязвимого состояния жертвы.

Литература:

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Мичурина И. А. К вопросу об особенностях методики расследования изнасилований // Молодой ученый. 2022. № 22(417). С. 348.
3. Шувалова Т. Г. К вопросу о понятии изнасилования // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 189.

Роль генетических исследований при расследовании изнасилований

Орлова Екатерина Александровна, студент
Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

В этой статье исследовано, как генетика помогает в расследовании изнасилований. Генетический анализ может пролить свет на разные детали дела. Например, австралийские ученые изучали, как передается микробиом при сексе. Анализ секса может помочь установить, был ли вообще половой акт.

Ключевые слова: изнасилование, расследование изнасилований, биологические следы, ДНК, диагностические задачи, идентификация личности.

The role of genetic research in investigating rape

This article explores how genetics can help in the investigation of rape cases. Genetic analysis can shed light on various details of the case. For example, Australian scientists have studied how the microbiome is transmitted during sexual intercourse. Analyzing the sexome can help determine whether sexual intercourse occurred at all.

Keywords: rape, rape investigation, biological traces, DNA, diagnostic tasks, identity identification.

Суть преступления, такого как изнасилование, заключается во взаимодействии преступника и жертвы, в половом акте. В итоге остаётся много биологических следов, которые потом могут помочь установить личность преступника. Это могут быть кровь, слюна, сперма, волосы, частицы кожи. Их можно найти на одежде и теле жертвы, а ещё вокруг. В этих следах есть ДНК преступника, которая очень важна для следствия, чтобы решать разные вопросы при расследовании изнасилований.

ДНК-дактилоскопия важна при расследовании изнасилований и других преступлений против половой свободы из-за нескольких вещей. Во-первых, ДНК каждого человека уникальна (кроме близнецов). Во-вторых, генотип человека не меняется, поэтому период идентификации увеличивается. В-третьих, сейчас можно найти крошечные фрагменты ДНК в биоматериале. В-четвёртых, ДНК, в отличие от белков, меньше меняется из-за внешних факторов, поэтому её можно изучать даже спустя долгое время [1].

Успешность ДНК-дактилоскопии связана с наличием баз данных геномной информации. В России учет ДНК ведется с 2006 года, который был нормативно закреплён в Приказе МВД РФ № 70 от 10.02.2006 г. «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации». В то время, в учет включались данные ДНК с нераскрытых мест преступления и ДНК неопознанных трупов, которые не могли быть идентифицированы иными способами. В 2008 году в России был принят Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который нормативно закреплён порядок получения и использования информации о ДНК человека.

В наше время анализ ДНК стал мощным инструментом в решении множества задач, от диагностики до идентификации личности. В медицинской практике, ДНК-анализ помогает определить происхождение образца, его видовую и половую принадлежность. Это крайне важно, например, для установления отцовства или в криминалистике.

В контексте расследований анализ ДНК позволяет установить, сколько человек принимали участие в преступлении, например, в изнасиловании. Уникальность ДНК каждого человека делает этот метод очень точным. Также, ДНК-анализ позволяет установить, принадлежат ли биологические следы, найденные на месте преступления, конкретному человеку. Это помогает установить, совершались ли разные преступления одним и тем же человеком или разными лицами. Важным аспектом является возможность установления беременности от конкретного человека. Это имеет значение в случаях, когда беременность после изнасилования является квалифицирующим признаком, влекущим более строгую ответственность. Кроме того, если у женщины было несколько половых контактов, ДНК-анализ позволяет точно определить, в результате какого именно контакта наступила беременность, что может оказаться крайне сложной задачей без использования этого метода.

Несмотря на все преимущества, использование ДНК-анализа в расследовании изнасилований может столкнуться с определёнными сложностями. Важно учитывать, что женщины, подвергшиеся насилию, не всегда сразу обращаются в правоохранительные органы. За это время следы ДНК, такие как сперма, кровь или слюна подозреваемого, могут быть удалены с тела.

Кроме того, сперма может сохраняться в репродуктивном тракте женщины в течение нескольких дней (обычно 5–7 дней), но для получения наиболее точных результатов специалисты рекомендуют брать мазок не позднее чем через 72 часа после происшествия. Также, небольшое количество биологического материала может быть просто не замечено на месте преступления.

Использование презервативов или ситуации, когда жертва не оказывает сопротивления из-за подавления воли, значительно снижает вероятность обнару-

жения биологических следов. Часто преступники пытаются скрыть следы, уничтожая одежду или убирая следы крови и спермы с места преступления. Важно помнить, что идентификация неизвестного лица возможна только в том случае, если его ДНК уже есть в базах данных. Отдельные трудности возникают при идентификации однояйцевых близнецов, так как они имеют идентичный генетический материал.

В свете этих ограничений, важно применять другие, более современные методы для получения информации о личности преступника. Один из таких методов — ДНК-фенотипирование. Это метод, который позволяет прогнозировать внешние признаки человека на основе анализа его ДНК. Благодаря прогрессу в геномике, физической антропологии, методах магнитно-резонансной и компьютерной томографии, 3D-моделирования и нейросетевых алгоритмов, сегодня возможно воссоздать облик человека на основе его биологического материала. Это открывает новые горизонты в криминалистике и позволяет более эффективно раскрывать преступления [2]. Посредством ДНК-фенотипирования возможно определить пола человека, установить признаки, связанные с пигментацией (цвет волос, кожи, радужной оболочки глаз), определить роста человека, форму волос, морфологию лица (овал лица и форма носа), установить примерный возраст человека, определить географическое и этническое происхождения человека [3, с. 117]. Использование нейросетей и специализированного софта позволяет следствию получать гораздо больше информации о возможном преступнике, что помогает в розыске.

Но если преступник при половом акте использует презерватив, шанс найти его ДНК сильно падает. Учёные из австралийского университета Мердок, зная об этом, изучили, как передаётся микробиом от одного человека другому. Они опирались на то, что у разных людей и на разных участках тела разный состав бактерий. Микробиоту половых органов они называли сексом.

В эксперименте участвовали 12 гетеросексуальных пар в возрасте от 20 до 30 лет. Сначала у всех взяли пробы микробиома, чтобы определить уникальные микробные подписи каждого. Затем пары в рамках работы занимались сексом, и после этого пробы брали снова.

Выяснилось, что микробное разнообразие заметно менялось у обоих партнёров. Уникальные бактериальные признаки одного человека обнаруживались у другого. Бактерии передавались вне зависимости от того, использовали ли презерватив. Но при использовании презерватива большая часть бактерий передавалась от женщины к мужчине. По итогам исследования, ученые сделали вывод о том, что возможно установить личность преступника, основываясь на микробиоме.

Для этого необходимо выделить ДНК человека, который контактировал с потерпевшим, затем необходимо выделить микробные маркеры для установления пола, расы, возраста. После чего, необходимо проверить, были ли контакты с другими людьми.

Необходимо стандартизировать методы анализа, стоит уделить внимание различным регионам, так как микробиом может отличаться в зависимости от проживаемого региона. Стоит учитывать, что если потерпевший принимал антибиотики, то микробиом может быть изменен, в связи с чем, выводы могут быть некорректными.

Для внедрения данной технологии в судебную экспертизу, необходимо учесть и проанализировать все факторы, которые могут оказать влияние [3].

Это исследование предполагает, что анализ сексомы может помочь в расследовании дел об изнасиловании. Даже если использовались средства контрацепции, после полового акта остаются микробиологические следы, которые подтверждают факт сексуального контакта. Эти ре-

зультаты могут быть полезны, когда нет ДНК преступника или она непригодна для анализа.

Сейчас у нас есть довольно точные способы анализа биологических материалов. Главный из них — исследование ДНК, в частности, ДНК-дактилоскопия и ДНК-фенотипирование. Эти методы дают возможность узнать примерную внешность преступника и установить его личность. Благодаря активным научным разработкам появляются новые способы изучения биологических следов человека. Это делает расследование изнасилований более надежным и эффективным с точки зрения доказательств. Новые методы позволяют с большей уверенностью выявлять и доказывать обстоятельства преступления.

Литература:

1. Алешкина Т. Н. К истории создания и использования геномной информации при раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-sozdaniya-i-ispolzovaniya-genomnoy-informatsii-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy>. (дата обращения: 29.10.2025).
2. Криминалистика. Молекулярно-генетическая экспертиза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biomolecula.ru/articles/kriminalistika-molekuliarno-geneticheskaya-ekspertiza>. (дата обращения: 29.10.2025).
3. Ивашова К. С. ДНК-фенотипирование /К. С. Ивашова, А. А. Максяшев // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 февраля 2020 года. 2020. С. 116–118.
4. Dixon R., Egan S., Payne M., Mullally C., Chapman B. Bacterial transfer during sexual intercourse as a tool for forensic detection [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL:[https://www.cell.com/iscience/fulltext/S2589-0042\(25\)00121-X](https://www.cell.com/iscience/fulltext/S2589-0042(25)00121-X). (дата обращения: 29.10.2025).

Уголовная ответственность за мошенничество, совершенное с использованием компьютерных технологий

Петров Леонид Леонидович, студент магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены особенности квалификации хищений, совершенных путем обмана с использованием компьютерных технологий. Проведен анализ объективных признаков преступлений, предусмотренных ст. 159.3 и 159.6 УК РФ. Выделены особенности составов преступлений, позволяющих отличить их от смежных преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерные технологии, безналичные денежные средства, обман.

Актуальность темы исследования обусловлена высоким уровнем хищений, совершаемых с использованием информационных технологий. Ввиду больших возможностей информационно-компьютерных сетей преступники активизируются и используют технологии, лежащие в основе движения денежных средств и товаров. Наиболее часто встречающимся преступлением, совершаемым с использованием телекоммуникаций, является мошенничество. Ежегодно растет охват аудитории информационно-телекоммуникационных сетей. [1] Вместе с ними растет и число преступлений, совершаемых с их

использованием. В 2024 г. было зарегистрировано 765,4 тысячи фактов мошенничества, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период 2023 года. В 2022 году доля IT-преступлений составляла 26,5 % от общего количества преступлений в стране, в 2021 году — 25,8 %, а в 2020–25 % [2].

Общественная опасность мошенничества, совершаемого с использованием компьютерных технологий, состоит в потенциальных возможностях лишения доходов граждан дистанционно. Благодаря противоправным действиям преступников потерпевшие даже не осознают, что

преступники, используя компьютерные технологии, лишают их значительных денежных сумм.

Среди хищений следует особо выделить совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ. Состав преступления включает в себя действия, напрямую нацеленные на неправомерное завладение денежными средствами с применением электронных средств платежа. Данное преступление посягает на общественные отношения, обеспечивающие стабильное функционирование экономики и оборот как физических, так и безналичных денежных средств. Особое значение имеет анализ предмета такого преступления. В качестве такового могут выступать денежные средства в безналичной форме. Их правовой статус раскрыт в решении Конституционного суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П, согласно которому электронные деньги признаются не материальной вещью, а обязательством. Находясь на банковском счете, денежные средства имеют собственника (потерпевшего). У собственника есть право потребовать эти деньги у банка, а последний обязан удовлетворить это требование. Фактически преступник путем применения электронных средств платежа воздействует не на сами деньги, а на информацию о них, содержащуюся в банке.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ предполагает, совершение обманных действий, направленных против владельца денежных средств, уполномоченного сотрудника финансового учреждения, торговой компании или платежного оператора. Специфика совершения преступления заключается в характеристиках преступника и жертвы. Отличительной чертой субъекта мошенничества с использованием электронных платежных инструментов является то, что он, в отличие от обманутого, может не быть правомерным владельцем электронного средства платежа, включая банковские карты. Обязательным условием является то, что жертва, то есть сотрудник торговой, финансовой или иной организации, или оператор платежной системы, принимает электронное средство платежа, включая поддельные или чужие карты, за подлинные.

В процессе обмана преступник совершает ряд действий, составляющих объективную сторону состава преступления, а именно:

- 1) предоставляет заведомо ложные сведения для получения доступа к личной информации, открывающей доступ к банковскому счету;
- 2) скрывает данные об истинном владельце электронного платежного средства;
- 3) предлагает совершить действие (получить услугу, приобрести товар, оплатить покупку и др.);
- 4) присваивает денежные средства с банковского счета или электронные деньги, поступившие в результате противоправных предложений преступника.

Определенные особенности имеет момент окончания мошенничества с использованием электронных средств платежа. Данное преступление считается оконченным

в тот момент, когда злоумышленник, получивший доступ к средству платежа, получает фактическую возможность использовать ее для оплаты или обналичивания денежных средств жертвы.

Статья 159.6 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, под которым понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. [3].

Данное преступление совершается с использованием особых компьютерных технологий, которые позволяют похитить денежные средства путем вмешательства в функционирование информационно-телекоммуникационных сетей. Для совершения данного преступления могут быть использованы следующие способы:

1) Использование различного рода вирусов. Они представляют собой программы, которые действуя в программах компьютера потерпевшего, позволяют похищать личную и финансовую информацию. Для применения на практике вирус попадает в компьютер через любое сообщение, которое пользователь открывает. Например, это может быть письмо, полученное по электронной почте или смс-сообщение, которое приходит по телефону. Благодаря информации в письме вирусная информация проникает в компьютер и начинает считывать информацию, на получение которой она ориентирована. Так могут быть скачаны данные банкинга или личные данные пользователя.

2) Использование технических приспособлений, позволяющих получить информацию о счетах потерпевшего (скимминг). Как правило, такие хищения совершаются в банкоматах. На клавиатуру банкомата или кассы в магазине устанавливаются специальные устройства, которые могут считывать данные банковских карт в момент введения пин-кода. Например, Г. был осужден по ч. 3 ст. 159.6 УК РФ, то есть за мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное в крупном размере. Г., имея умысел на хищение чужого имущества, находясь в помещении торговой точки ЗАО «СЛ», будучи одетым в форму сотрудника данной организации, и представившись новым сотрудником ЗАО «СЛ», введя, таким образом, в заблуждение находящегося на рабочем месте менеджера Н., путем обмана получил неправомерный доступ к моноблочному персональному компьютеру «Kraftwey Studio KM 24» и путем ввода компьютерной информации в программу «Рарус 1С Продавец», осуществил три перевода денежных средств, принадлежащих ЗАО «СЛ», на счет принадлежащей ему банковской карты, получив реальную возможность распорядиться похищенными денежными средствами [4].

3) Еще одним видом программного обеспечения, которое используется для совершения мошенничества, яв-

ляются вредоносные программы, которые способны шифровать файлы на персональном компьютере и блокировать доступ к системе. Для разблокировки мошенники требуют передачи им денежных средств. После этого происходит разблокирование информационных каналов. Примером такого вирусного программного обеспечения является Trolldesh.

4) Также способом совершения кибермошенничества является фишинг, заключающийся в получении конфиденциальной информации от владельцев. Злоумышленником могут интересоваться персональные данные пользователей, пароли, данные кредитных и дебетовых карт и т. д. Для внедрения в компьютер используются поддельные сайты, которые копируют данные Интернет-магазинов и различных торговых площадок. Покупатели для осуществления покупок вводят личные данные, данные банковских карт. Мошенники обманным путем получают денежные средства, переведенные с банковских карт обманутых покупателей. Кроме того, проникнув в компьютер, мошенник получает возможность пользоваться информацией личного компьютера, в том числе получать информацию для последующего хищения.

5) Кроме того, мошенничество с использованием компьютерных технологий может состоять в привлечении денежных средств с помощью различных видов обманных схем. Это могут быть финансовые пирамиды, организация курсов, продажа БАДов и др. Например, компания «Gafarov and Partners Fund», инвестирующий, согласно официальному сайту, в ставки на спорт с невероятной прибылью. Однако достижение такого дохода с помощью спортивных игр не возможна, ведь результаты спортивных игр непредсказуемы и стабильного дохода быть не может.

6) К способам совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 159.6 УК РФ, законодатель также отнес иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Так, например, Б. и К.

были осуждены за мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 159.6 УК РФ). Б., являясь бухгалтером у индивидуального предпринимателя, из корыстной заинтересованности, с целью хищения денежных средств, находящихся на расчетном счете индивидуального предпринимателя, вступила в преступный сговор с К., работающей главным бухгалтером. Б. и К. похитили денежные средства, принадлежащие индивидуальному предпринимателю, путем удаления значения начисленной им заработной платы и ввода незаконно нового значения заработной платы в повышенном размере в выгружаемые файлы автоматизированной системы «Клиент» [5].

Реализация на практике данной уголовно-правовой нормы сталкивается с рядом проблем. Дискуссионным остается вопрос квалификации содеянного в случае, если мошенник расплачивается украденной банковской картой в магазине посредством бесконтактного способа оплаты, при котором не требуется введение ПИН-кода (покупки до 1000 рублей) [6]. Выход из сложившейся ситуации квалификации мошеннических действий видится в изменении уголовного законодательства путем создания общего состава, предусматривающего хищение посредством использования информационных технологий либо введения новых квалифицирующих признаков, как, например, «мошенничество, совершенное с использованием сети Интернет».

Таким образом, в российском законодательстве предусмотрена ответственность за совершения хищений с использованием компьютерных технологий. Они представляют собой противоправные действия с личными данными, финансами и документами, которые совершаются с помощью компьютерных технологий. Совершение данных составов преступлений позволяет вести борьбу с этими деяниями, негативно влияющими на финансово-экономическую сферу жизни и благосостояние граждан.

Литература:

1. Сколько людей в России пользуются интернетом: статистика и факты [Электронный ресурс] <https://sky.pro/wiki/analytics/skolko-lyudej-v-rossii-polzuyutsya-internetom-statistika-i-fakty/> (дата обращения: 22.09.2025)
2. В России в 2024 году IT-преступления достигли пика за последние пять лет [Электронный ресурс] <https://habr.com/ru/news/877022/> (дата обращения: 22.09.2025)
3. Семенов А. В. Ст. 159.3 УК РФ «Квалификация мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа» // Вестник науки. 2025. № 3 (84).
4. Приговор Симоновского районного суда г.Москвы от 14 февраля 2019 г. по делу № 1–79/2019
5. Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 01 августа 2018 года в отношении Б. и Л. // Консультант-плюс
6. Попова П. Е. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы разграничения с иными видами преступлений // Право и общество. 2022. № 2 (7). С. 48–51.

Надзорные полномочия прокурора на этапе предварительного расследования

Подлепина Арина Олеговна, студент магистратуры

Тулский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуется роль прокурорского надзора на этапе предварительного расследования, процессуальный статус прокурора и перспективы расширения его полномочий.

Ключевые слова: надзор, прокуратура, уголовный процесс, предварительное расследование.

Прокуратура Российской Федерации является уникальным правоохранительным органом, который в соответствии с ч.1 ст.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» [1] реализует функцию надзора за соблюдением прав и свобод граждан, норм действующего законодательства, и одновременно с этим поддерживает государственное обвинение в суде в рамках уголовного судопроизводства.

Прокурорский надзор имеет многогранный характер, так объектом его осуществления выступают самые разнообразные группы общественных отношений, урегулированные действующим законодательством. При этом он разнообразен в своем внутреннем выражении в виду дифференциации объекта воздействия и как следствие полномочия работников прокуратуры, несмотря на их общий правовой статус, также отличимы друг от друга [5, с. 34]. Прокурорский надзор выполняет две функции: во-первых, обеспечивает профилактику правонарушений (преступлений), а, во-вторых, восстановление нарушенного закона, а также привлечение виновного к ответственности.

Полномочия прокурора, реализуемые им в рамках надзорной деятельности, можно разделить на три группы:

- профилактические, посредством которых прокурор осуществляет превентивную функцию;
- проверочные, которые реализуются прокурором посредством проведения проверок, в результате которых выявляются уже имеющиеся нарушения закона;
- реакционные, которые направлены на пресечение неправомерных действий, восстановление нарушенного закона и прав граждан.

В научном сообществе [2, с. 155] высказывается позиция, в соответствии с которой, каждое полномочие прокурора можно отнести к категории профилактического и поэтому при общей классификации нет необходимости выделять профилактические полномочия прокурора в отдельную группу. В обоснование данной позиции приводится аргументация в пользу того, что любое процессуальное действие прокурора, например, представление, необратимым образом влечет за собой устранение нарушения закона и в дальнейшем, нарушитель не будет допускать совершение аналогичного нарушения, по крайней мере, он будет понимать, что за подобного рода неправомерные действия последует реакция со стороны государственных органов (в том числе в лице прокурора), лицо будет привлечено к ответственности. По сути это и есть профилактика и предупреждение нарушения закона, которая, как мы видим,

выступает вторичным действующим эффектом, инициированным вследствие внесения представления прокурора.

В данной статье мы ограничим коридор нашего теоретического осмысления исключительно вопросами надзорной деятельностью прокуратуры за органами предварительного расследования.

Актуальный вопрос — *процессуальный статус прокурора* на этапе предварительного расследования. Прокурор в рамках досудебного производства осуществляет *прокурорский надзор* за законностью деятельности органов предварительного расследования на всем протяжении их процессуальной деятельности, начиная с момента возбуждения уголовного дела и заканчивая утверждением обвинительного заключения. С одной стороны, надзорная деятельность прокурора является гарантом соблюдения прав всех участников процесса, а с другой — ограничивает процессуальную самостоятельность следователя в своих процессуальных действиях.

Важно отметить, что после утраты прокурором значительного числа полномочий, которыми он был наделен до внесения изменений в УПК РФ 5 июня 2007 г. (например, право на возбуждение уголовного дела), его роль приобрела исключительно надзорный характер. И несмотря на ограниченность участия прокурора в предварительном расследовании, его роль сохраняет свою важность и необходимость ввиду возможности своевременного устранения нарушений закона на этапе возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения, а также окончания предварительного расследования.

Среди процессуалистов дискутируется вопрос о необходимости *возврата прокурору его первоначального уголовно-процессуального статуса*, которым он обладал с момента вступления в силу в 2002 г. УПК РФ [6, с. 32]. По мнению ученых, утрата прокурором права *самостоятельного возбуждения уголовного дела* снизила качество уголовного судопроизводства, так надзорная специфика данного органа предопределяет полноту выявления признаков преступлений. Это, в свою очередь, диктует необходимость незамедлительного возбуждения уголовных дел «первой инстанцией» (прокурорами). В настоящее время прокурор может лишь опосредованно влиять на возбуждение уголовного дела в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37, п. 4 ч. 1 ст. 140, ч. 6 ст. 148 УПК РФ, т. е. добиваться от органов предварительного расследования (следователя) замены «отказных» на постановления о возбуждении уголовного дела.

Далее мнения экспертов также разнятся: часть из них считает, что прокурору следует восстановить право на возбуждение *любого* уголовного дела (независимо от того,

кем оно выявлено и выносилось ли по нему постановление об отказе в возбуждении уголовного дела) [4, с. 22], другие полагают, что такое право должно быть отнесено исключительно к делам, которые проходят у прокурора проверку на *законность отказа* в возбуждении уголовного дела, вынесенного должностным лицом органа предварительного расследования [3, с. 3].

Вопрос остается актуальным. На данный момент прокурор не имеет возможности самостоятельно возбуждать уголовное дело, а на этапе предварительного расследования выполняет исключительно надзорные функции.

Принципиальный вопрос — *обжалование следователем процессуальных действий прокурора*. Самым важным этапом участия прокурора в предварительном расследовании является его *ознакомление с материалами уголовного дела* в порядке ст. 221 УПК РФ. Прокурор принимает решение об утверждении обвинительного заключения или о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования. В случае возвращения он указывает конкретные замечания, которые, как правило, связаны с неполнотой расследования, необходимостью производства переквалификации, получения и исследования дополнительных доказательств.

Однако если следователь не согласен с решением прокурора и с указанными им замечаниями, он вправе *обжаловать* его решение вышестоящему прокурору при согласии руководителя следственного органа.

Бесспорно, между следователем и прокурором отсутствует полная зависимость (которая, например, наблюдается между следователем и руководителем следственного органа). При несогласии следователя с решением прокурора по уголовному делу он может его обжаловать вышестоящему прокурору в порядке ч. 4 ст. 124 УПК РФ. Однако на сегодняшний день подобных фактов не случается в принципе, так как в противном случае для следователя поданная жалоба не приведет к положительному результату, напротив, негативным образом отразится на его дальнейшей служебной деятельности, так как прокуратура и органы предварительного расследования в механизме уголовного преследования взаимно дополняют друг друга и *проводят расследование сообща, заранее согласуя* принятие ключевых процессуальных решений по конкретному уголовному делу.

В этой ситуации мы считаем, что наиболее эффективным способом сделать механизм обжалования действий прокурора более действенным будет введение судебного порядка обжалования. Это необходимо закрепить в ст. 38 УПК РФ, предоставив следователю право обращаться в суд для обжалования действий прокурора. При этом данное право должно касаться значимых вопросов расследования, к числу которых необходимо отнести: привлечение лица в качестве обвиняемого; объем обвинения; квалификация преступления; производство следственных действий, допускаемых по судебному решению; избрание меры пресечения.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
2. Прокурорский надзор (общ. часть): курс лекций для студентов юридического факультета; сост. С. Л. Емельянов. — Гомель, 2015. С. 34.
3. Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2014. С. 155.
4. Спирин А. В. О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 32.
5. Попов И. А. Актуальные проблемы прокурорского надзора за предварительным следствием и меры по их решению // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. С. 22.
6. Зайцев С. П. Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // Законность. 2012. № 8. С. 3–5.

Средства реализации идеологической функции государства

Путренкова Карина Александровна, студент магистратуры
Научный руководитель: Симонова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье автором проводится анализ содержания идеологической функции государства, а также проводится исследование средств ее обеспечения на предмет их применимости и действенности в реалиях развития Российской Федерации.

Ключевые слова: функции государства, идеологическая функция государства, цензура, пропаганда.

В настоящее время в научном мире наиболее распространена классификация средств реализаций идео-

логических функций государства, состоящая из двух категорий:

1. Собственные специальные средства. К данной категории средств ученые исследователи относят целевые и общие концептуальные программы, мнения и прогнозы аналитиков и специалистов в определенных сферах деятельности, аналитические обзоры и труды ученых исследователей;

2. Юридические и неюридические средства. Как видно из названия рассматриваемой группы она включает в себя сразу два полноценных набора средств, а именно: юридические и неюридические.

Если говорить о юридических средствах реализации функций государства, то в данном случае речь идет о различного рода закрепленных в законодательных актах инструментах, которые могут применяться к субъектам общественных правоотношений, к примеру:

- привлечение к ответственности;
- стимулирование и поощрение граждан;
- и прочие.

В свою очередь к неюридическим средствам реализации государственных функций относятся различные идеологические, информационные и материальные инструменты, воздействие которых может осуществляться напрямую или косвенно.

Отметим, что приведенная классификация средств реализации функций государства применима не только к идеологической функции, но и к другим.

Стоит разделить средства по методу их использования (применения), а именно:

- средства принуждения;
- средства морального воздействия и принуждения;

Возвращаясь к исследованию вопросов, связанных с применением средств реализации идеологической функции государства стоит заметить, что исходя из содержания рассматриваемой функции наиболее характерным средством выступает именно метод убеждения. Примечательно, что наряду с методом убеждения также может применяться метод принуждения, но указанное встречается достаточно редко и только в отношении определенной категории лиц, к примеру, осужденных к лишению свободы.

Указанные средства обеспечения идеологической функции имеют разные способы и формы проявления, однако именно посредством них ведется прямое воздействие на поведение людей [1, с. 215].

Если рассматривать в качестве средства реализации идеологической функции государства как убеждение, то помимо, уже привычных средств, появляются более новые, притом некоторые из них представлены как проекты отдельных независимых людей, несущих информацию в массы.

Так, к «стандартным» средствам убеждения населения можно отнести:

— Средства массовой информации, деятельность которых регламентирована Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [2];

— Различного рода теле- и радиопередачи, в которых эксперты (аналитики) и приглашенные гости анализируют происходящие события с выгодной для государства точкой зрения;

— Проведение каких-либо массовых мероприятий, фестивалей или конференций на которых продвигается определенная идеология;

— Религия и работа религиозных конфессий с населением;

— Прочие аспекты [3, с. 204].

Как видно из представленного перечня, каждый из представленных инструментов несет какую-либо информационную повестку (идеологическую установку) которая все чаще и чаще в обществе именуется как пропаганда.

Кроме того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1963 «Об отдельных вопросах распространения информации в социальных сетях» [4] предусмотрены ряд правил для пользователей сети интернет, у которых более 10 000 подписчиков, а именно:

— Правила предоставления сведений о пользователе социальной сети в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций;

— Правила размещения на персональной странице, объем аудитории которой составляет более 10 тысяч пользователей социальной сети, информации о включении в перечень персональных страниц, объем аудитории каждой из которых составляет более 10 тысяч пользователей социальной сети;

— Правила предоставления пользователем социальной сети, объем аудитории персональной страницы которого составляет более 10 тысяч пользователей социальной сети, сведений, позволяющих его идентифицировать.

Указанные меры оправданы и в условиях существующих внешнеполитических отношений — это важный шаг для реализации идеологической функции государства.

В качестве следующей группы средств в части выполнения идеологической функции государства выступает организация постоянного взаимодействия с обществом посредством получения обратной связи.

Указанное может реализовываться различными способами, такими как: проведением гласных и анонимных опросов; мониторинг просмотра определенной информации на информационных порталах; анализ количества лиц, посетивших то или иное мероприятие; иные инструменты.

Аккумулирует и обобщает информацию, поступившую в результате опроса граждан — Всероссийский центр изучения общественного мнения [5].

Кроме того, помимо осуществления различного рода опросов, в качестве достаточно объективного индикатора общественного мнения выступают результаты монито-

ринга поступивших в государственные учреждения обращений, заявлений и жалоб от юридических и физических лиц. Посредством анализа поступающих от граждан обращений возможно сделать вывод об эффективности реализации государством того или иного института правоотношений, применимости нормативных актов, а также об отношении общества к действующему правительству (органам местного самоуправления) [6, с. 64].

В качестве следующего аспекта, которому будет уделено, внимания в рамках проводимого исследования, выступают средства принуждения, которые также не обходимы для реализации идеологической функции государства.

Здесь важно отметить, что применение средств принуждения при реализации рассматриваемой функции — это достаточно сложный процесс, граничащий с навязыванием определенных жизненных установок, взглядов и отношения к тем или иным событиям. Применять средства принуждения нужно лимитировано, так как их нерациональное использование может привести к обратному результату и отторжению.

В качестве исключения из общего правила применения принуждения при реализации идеологической функции выступает работа с осужденными, отбывающими уголовные наказания и в особенности в виде лишения свободы. В данном случае элементы принуждения осужденных к законопослушному поведению, отказу от какой-либо «негативной» идеологии и анти общественного мышления — это часть процесса исправления.

Наиболее распространенным видом принуждения является цензура, выраженная посредством различных средств и методов. При этом важно отметить, что при-

менение цензуры как государственного средства реализации функций, прослеживается на разных исторических этапах не только на территории современной России, но и в других странах.

В век активного внедрения технологий в жизнь человека и общества, сюда также следует добавить контроль над содержанием информации на интернет-сайтах, страницах в соцсетях, мессенджерах.

Сравнительно новым средством реализации идеологической функции, применяемым к страницам в сети Интернет, является их блокировка. Данный функционал вменен Роскомнадзору. Для осуществления блокировки ресурса, необходимым условием является наличие соответствующих оснований, таких как, например, распространение материалов по тематике «экстремизм». Деятельность Роскомнадзора часто подвергается критике, ведь грань, между свободой слова и экстремизмом в форме распространения некорректной информации, очень тонка. Но обратим внимание на то, что для устранения недочетов работы данной службы и обеспечения более объективного рассмотрения каждого конкретного случая, существует механизм обжалования выносимых ею решений.

Таким образом, средствами осуществления государством идеологической функции следует называть те способы и приемы, которые реализуются государством в рамках методов убеждения и принуждения. Данные средства имеют свойство видоизменяться, как с течением времени, так и в каждой конкретной ситуации: одни, такие как блокировка нежелательных интернет-ресурсов, приобретает большую актуальность, а другие, такие как религиозная инквизиция, изживают себя и уходят в прошлое.

Литература:

1. Теория функций социалистического государства Теория функций социалистического государства / Н. В. Черноголовкин — Москва: Юрид. лит., 1970. — 215 с
2. О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 13 февраля 1992 г. № 7 ст. 300
3. Кочесоков Р. Х. Идеология и пропаганда: проблемы соотношения / Р. Х. Кочесоков, Л. М. Культурбаева // Гуманитарный научный вестник. — 2025. — № 1. — С. 204–209.
4. Об отдельных вопросах распространения информации в социальных сетях: постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1963 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411138131/?ysclid=mgahjdqfm096937571>
5. Всероссийский центр изучения общественного мнения // URL: <https://bigenc.ru/c/vserossiiskii-tsentr-izucheniia-obshchestvennogo-mneniia-66a125?ysclid=mgahtd4cuk434626788>
6. Колоткина О. А. Экспертный потенциал граждан РФ и институтов гражданского общества в сфере правотворчества: теоретико-правовой анализ / О. А. Колоткина, И. Д. Ягофарова, В. Р. Ражапов // Вестник Гуманитарного университета. — 2025. — Т. 13, № 2. — С. 64–72.

Профилактика административных нарушений среди несовершеннолетних

Рябушкина Оксана Сергеевна, студент магистратуры
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

Административные правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, — это серьезная проблема, не теряющая своей актуальности на сегодняшний день и требующая комплексного подхода. Подростки не только нарушают общественный порядок, совершая тем самым административные правонарушения. Совершение административных правонарушений может стать первым шагом на пути к совершению деяний, за совершение которых следует уголовная ответственность. Поэтому профилактика административных правонарушений среди подростков является важной задачей, требующей совместных усилий семьи, школы, правоохранительных органов и общества в целом.

В чем же причина? Почему несовершеннолетние совершают административные правонарушения?

Среди причин, толкающих несовершеннолетних на совершение административных правонарушений, можно выделить следующие:

1. Недостаток внимания со стороны родителей, отсутствие контроля: чаще всего недостаток внимания и контроля со стороны родителей выражается в отсутствии установленных правил и границ в семье; недостаточное количество, качество общения часто приводят к тому, что несовершеннолетние начинают искать внимание и общение за пределами дома, а чтобы утвердить свои позиции в новом кругу общения — совершают административные правонарушения.

2. Влияние компании, в которой находится несовершеннолетний. Подростки, которые состоят в компании со сверстниками, совершающими асоциальные поступки и имеющими асоциальное поведение, попадают под негативное влияние. Чтобы утвердиться, «влииться в компанию», зачастую подобный круг общения проводит проверку «новичков», принуждая к совершению тех или иных поступков, нарушающих закон. Чтобы остаться в компании и быть принятым сверстниками, несовершеннолетние идут на совершение административных правонарушений.

3. Недостаточная осведомленность о законах и последствиях. Большая часть несовершеннолетних не знают, что совершение тех или иных поступков является совершением административного правонарушения. А также не знают, что за этим следует наказание. Однако, следует помнить, что незнание закона не освобождает от ответственности.

4. Проблемы в социуме (в классе, в школе). Низкая успеваемость, плохие отношения с учителем, с одноклассниками зачастую приводят к тому, что подросток остается наедине со своими проблемами, становится «чужаком» в коллективе. Потребность самовыражения в подростковом возрасте особенно значима, и даже ре-

бенок, являющийся «белой вороной» в коллективе, имеет такую потребность. Не имея возможности проявить себя в школьном коллективе, несовершеннолетний идет на совершение административного правонарушения.

5. Социально-экономические факторы. Низкий доход в семье, отсутствие досуга, внеурочной деятельности создают условия для совершения имущественных правонарушений, например, совершение мелких хищений. Особенно часто это происходит в семьях, где подростки ограничивают в средствах и не выделяют денег на карманные расходы. Когда компания находится в магазине, ощущение «не такой как все», «я не могу себе это купить» толкает на мысли «украсть», чтобы не выделяться и чтобы никто не подумал, что у подростка имеются финансовые проблемы в семье.

Для избежания совершения административных правонарушений необходимо заниматься профилактической работой в нескольких направлениях, комплексно (профилактика со стороны семьи, образовательного учреждения, инспекции по делам несовершеннолетних).

Своевременное выявление и пресечение девиантного поведения школьников — это приоритетное направление ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних. С указанной категорией подростков обязательной является индивидуальная работа с педагогами, психологами, КДН.

Проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних связаны также с несовершенством законодательства, регулирующего деятельность субъектов профилактики, т. к. не всегда четко определены их превентивные функции. Представляется целесообразным активное участие всех субъектов профилактики под координацией ПДН органов внутренних дел.

Выявление отклонений в поведении на ранней стадии должны осуществлять, прежде всего, общеобразовательные учреждения. Основная ответственность за воспитание детей лежит на родителях. Однако из-за своей занятости они не всегда могут проконтролировать поведение своих детей в течение рабочего дня. Поэтому большое внимание уделяется работе образовательных учреждений, которые должны проводить воспитательную работу и нести ответственность за учащихся. Именно школы призваны реализовывать воспитательный потенциал и предотвращать девиантное поведение на ранней стадии.

В целях ранней профилактики образовательные учреждения должны организовывать досуговую, творческую, воспитательную и образовательную деятельность учащихся в течение всего дня, создавать условия для вовлечения детей в разнообразные полезные занятия, пока их родители находятся на работе.

Серьезной проблемой остается неэффективность работы с подростками, совершившими правонарушения. Чтобы обеспечить эффективность ранней профилактики, предлагается принять следующие меры:

- реализовать программы, которые направлены на поддержку родителей подростков с девиантным поведением, состоящих на учете в ПДН в связи с употреблением алкоголя или запрещенных веществ;
- реализовывать мероприятия для подростков, состоящих на учете в ПДН;
- организовывать мероприятия для несовершеннолетних, склонных к прогулам уроков, уходу из дома, появлению в общественных местах в состоянии опьянения, совершению правонарушений;
- создавать индивидуальные программы адаптации несовершеннолетних, освободившихся из мест лишения свободы или состоящих на учете в ПДН. Чтобы предупре-

дить нарушения закона, необходимо применять разнообразные меры, которые помогают подросткам понять причины своего поведения.

Такие меры способствуют предотвращению правонарушений и формированию позитивных моделей поведения. Нужно помнить, что реабилитация трудных подростков может быть длительным процессом, поскольку социальная среда постоянно меняется и требует от человека развития навыков адаптации. В работе с трудными подростками важно использовать различные методы индивидуального подхода.

Таким образом, эффективность профилактики зависит от соблюдения сроков ее проведения, предупреждения отрицательных поступков, активизации индивидуальной работы с учетом личностных особенностей подростка, а также тесного взаимодействия общественных и государственных структур.

Литература:

1. Редькин, С. Ю. Классификация причин (условий) преступности / С. Ю. Редькин // Вестник магистратуры. — 2020. — № 2–3. — С. 111.
2. Ильина, О. В. Причины совершения несовершеннолетними правонарушений / О. В. Ильина // Наука. Общество. Государство. — 2020. — № 1. — С. 29
3. Дерюга, А. Н. Правовое положение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав при государственных органах исполнительной власти Российской Федерации / А. Н. Дерюга // Вопросы ювенальной юстиции. — 2018. — № 3. — С. 46–48.

Психологическая работа с резервом кадров для выдвижения на вышестоящие должности в органах внутренних дел

Сергеев Никита Андреевич, студент магистратуры

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуются психологические особенности работы с резервом кадров для замещения должностей государственных служащих в органах внутренних дел.

Ключевые слова: государственная служба, резерв кадров, сотрудник, органы внутренних дел.

Психологическая составляющая в работе с кадровым резервом выступает важнейшим элементом в механизме формирования будущего руководителя органа внутренних дел. Данную деятельность можно условно разделить на две составляющие: психоэмоциональная диагностика кандидата перед его зачислением в резерв кадров, которая предусмотрена п. 8.2. Приказа МВД России от 12.01.2021 № 5 «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений» [1] (далее — Приказ № 5), а также психологическая подготовка резервиста уже в рамках реализации программы дополнительного профессионального обучения, о чем в приказе не говорится.

Начнем по порядку, с проверки уровня психологической устойчивости кандидата перед его зачислением в резерв кадров, которая проводится для выявления психологического состояния сотрудника, возможных факторов риска и девиантных расстройств, препятствующих его назначению на руководящую должность.

Обязанность по проведению психологических исследований, тестирований возложена на штатного психолога, который регулярно проводит необходимые занятия с личным составом, беседует с каждым сотрудником индивидуально, организует тренинги, психологические разгрузки и пр. Все это требуется для того, чтобы изучить как общий психологический климат в конкретной социальной группе (органе, подразделении, отделе ор-

ганов внутренних дел), так и индивидуальный уровень психологического состояния сотрудника. Следует отметить, что психологом регулярно выявляются негативные психологические факторы, такие как, склонность к суициду, неконтролируемая агрессия, депрессия, профессиональное выгорание, игромания и др. Своевременная информация о таких отклонениях от нормы психологического состояния дает возможность принять должные меры для ограничения сотрудника от выполнения им служебных обязанностей, связанных с возможным применением физической силы и огнестрельного оружия, а также позволяет скорректировать психоэмоциональный фон посредством применения соответствующих методик.

Касаемо вопроса об обязательном психологическом освидетельствовании кандидата в резерв кадров (п. 8.2. Приказа № 5) укажем на обоснованность данного мероприятия, так как оно позволяет с высокой долей вероятности исключить возможные психологические стоп-факторы, препятствующие назначению конкретного сотрудника на вышестоящую должность.

Также в ходе психологического тестирования кандидата выявляются его личностные качества, которые также учитываются при его включении в резерв и последующем назначении на вышестоящую должность. К ним можно отнести следующие особенности личности: лидерство,

уверенность, принципиальность, коммуникабельность, самокритика и пр.

Кроме того, в рамках психологического тестирования можно узнать мотивацию кандидата к его включению в резерв кадров: какие цели он видит перед собой, какие расставил ценностные приоритеты, чем готов пожертвовать, является его желание быть зачисленным в резерв кадров добровольным или же это псевдосогласие, выраженное в соответствующем рапорте по просьбе вышестоящего руководства по принципу «заткнуть дыры».

Психолог также может присутствовать при собеседовании кандидата с сотрудником кадрового подразделения или с руководителем. Главная задача такого совместного участия в работе с кандидатом — выявление у него общих характеристик личности и их совместная оценка для определения его степени готовности и соответствия для последующего назначения на вышестоящую должность государственного служащего — руководителя органа (отдела, подразделения) внутренних дел [3, с. 88–90].

Для того, чтобы наглядно было понятно, какие психологические особенности личности кандидата были исследованы и как они были оценены психологом по степени их соответствия, предлагаем в работе психолога ОВД использовать специальную табличную форму, в которой будут сосредоточены все критерии для психологической оценки (табл. 1).

Таблица 1. Рекомендуемые критерии оценки кандидата на зачисление в кадровый резерв

№	Критерий оценивания	Элемент	Степень соответствия				
			1	2	3	4	5
1.	Уровень подготовки	образовательный уровень					
		знание НПА					
		навыки решения типовых служебных задач					
2.	Мышление	способность к анализу					
		Адекватность					
		Нестандартность					
3.	Принятие решений	быстрота, оперативность					
		Самостоятельность					
		Обоснованность					
4.	Профессионально значимые качества личности	Коммуникабельность					
		Целеустремленность					
		соблюдение этических правил общения					
		Ответственность					
		Авторитет					

Графа «Степень соответствия» должна заполняться по пятибалльной системе оценивания исходя из следующих критериев:

1 степень — отсутствие должных навыков, психологических особенностей личности;

2 степень — слабый уровень должных навыков, психологических особенностей личности;

3 степень — удовлетворительный уровень должных навыков, психологических особенностей личности;

4 степень — достаточный уровень должных навыков, психологических особенностей личности;

5 степень — повышенный уровень должных навыков, психологических особенностей личности.

Об актуальности вопроса, связанного с психологическим сопровождением формирования резерва кадров для выдвижения на вышестоящую должность и подготовки кадров в рамках образовательной программы, свидетельствует тот факт, что в последние годы снизилось

число сотрудников, назначенных на руководящие должности из числа резервистов, полностью прошедших обучение по соответствующей программе дополнительного образования. Кроме того, резко увеличилось число руководителей, уволенных на первом году службы с руководящих должностей (в том числе и по отрицательным основаниям).

Данные обстоятельства прямым образом соприкасаются с вопросами психологического сопровождения формирования и подготовки резерва кадров в ОВД. Об этом свидетельствуют эмпирические данные, которые в своем исследовании приводит Е. М. Гончарова [2]. Так, в ходе анкетирования сотрудников ГУВД Москвы, состоящих в резерве кадров, ей были получены ответы на вопросы от 120 респондентов, четверть из которых (23 %) указывала на то, что в рамках обучения они изучали психологическую подготовку. Однако данные занятия имели исключительно теоретическую форму, занятия практического характера с ними не проводились. Более того, их психо-

логическое состояние и индивидуальные особенности личности также не исследовались, что исключало возможность определения дальнейшей перспективы их служебной деятельности в качестве руководителя, а также препятствовало реализации индивидуального подхода.

Из данного анкетирования также следовал вывод о том, что основная проблема резервистов первого и второго возрастного уровня (от 20 до 40 лет) заключается в отсутствии у них опыта управления и психоэмоциональной устойчивости, которые являются необходимыми критериями для пристраивания служебных отношений в формат «начальник-подчиненный».

Все эти факторы будут негативно отражаться на дальнейшей служебной деятельности будущего руководителя, так как он не сможет с уверенностью принимать соответствующие решения, брать ответственность на себя, выстраивать должностной барьер между своими в прошлом равными по статусу коллегами, а в нынешней ситуации — подчиненными.

Литература:

1. Приказ МВД России от 12.01.2021 № 5 (ред. от 15.06.2023) «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений» // СПС КонсультантПлюс.
2. Гончарова Е. М. Психологические аспекты формирования кадрового резерва в органах внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 279–281.
3. Утенков Г. Н. Психология управления в деятельности правоохранительных органов / Г. Н. Утенков, Г. Г. Утенков, В. В. Кухарук. — Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2024. — 225 с.

Развитие правового регулирования государственной службы в Российской Федерации

Сергеев Никита Андреевич, студент магистратуры

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной публикации исследуются ключевые этапы развития государственной службы в Российской Федерации и ее современные правовые постулаты.

Ключевые слова: государственная служба, власть, служащий, сотрудник.

Постсоветский период ознаменовался принятием 22 декабря 1993 года Положения о федеральной государственной службе [4], которое регламентировало вопросы поступления и прохождения государственной службы.

В 1995 году принимается Федеральный закон от № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [3], который содержал в себе все необходимые положения, связанные государственной службой: правовой статус госслужащих, процедуру их назначений, прохождения службы, увольнения, перечень льгот, обязанностей и прав и другие нормы. По сути, данный нормативный правовой акт являлся на тот момент унифициро-

ванным источником права по вопросам государственной службы. Данный правовой акт особо подчеркивал профессиональный характер государственной службы, выгодно выделял ее из числа иных сфер трудовой занятости граждан, так как содержал в себе достаточно широкий спектр социальных льгот для госслужащих, одновременно с этим в нем были четко очерчены границы дозволенного поведения, сохранялись ограничения по дополнительному заработку, запрещались любые формы коррупционного поведения.

На этапе современного правового регулирования государственной службы следует отметить следующую законодательную базу.

Во-первых, это Конституция РФ, в ч. 4 ст. 31 которой содержится норма, предоставляющая для каждого гражданина Российской Федерации равный доступ к государственной службе; далее, в ст. 97 содержится запрет для депутатов Государственной Думы РФ на прохождение государственной службы.

Во-вторых, на федеральном уровне действуют соответствующие федеральные законы, которые имеют целевую направленность на регулирование, как отдельных видов государственной службы, так и всей ее системы.

В-третьих, на уровне субъектов РФ также принимаются соответствующие законодательные акты, которые находятся в прямой зависимости от федеральных нормативных правовых актов, и детализируют отдельные вопросы, связанные с прохождением государственной службе на уровне конкретного региона.

Дадим краткую характеристику правовым источникам из второй группы.

В настоящее время действует Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [1] (далее — ФЗ № 58). Данный нормативно-правовой акт является основополагающим (системным) источником правового регулирования в рамках федеральной программы «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» [5].

ФЗ № 58 носит рамочный характер, то есть в нем определены общие условия и порядок прохождения государственной службы в Российской Федерации, а также допускается возможность расширения данных положений за счет законодательной регламентации в иных нормативно-правовых актах. В данном законе установлено четкое разграничение государственной службы на три вида:

- государственная гражданская служба, которая в свою очередь разделяется на федеральную государственную гражданскую службу и государственную гражданскую службу субъектов РФ;

- военная служба;

- правоохранительная служба.

Кроме того, законодатель умело использовал прием юридической техники и во избежание разночтений и ошибочных толкований ключевого определения, в п. 1 ст. 1 ФЗ № 58 закрепил дефиницию понятия «государственная служба» в следующем виде: «профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий...» и далее представил перечень государственных субъектов и должностных лиц, начиная с Российской Федерации и заканчивая лицами, замещающими в федеральной территории должности, устанавливаемые федеральными законами и указами Президента Российской Федерации.

Спустя два года, в 2005 году последовало принятие Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — ФЗ № 79) [2]. В данном нормативном правовом акте реализовано конституционное право каждого гражданина на граждан-

скую службу по обеспечению функций и полномочий государства.

ФЗ № 79 впервые использует понятие «контракт (служебный контракт)», как некое соглашение (договор), заключаемое вновь принятым государственным гражданским служащим с государством, что автоматически исключает коммерческо-трудовой характер правоотношений и переводит их в административно-управленческую плоскость.

Что касается регионального законодательства о государственной службе, то справедливости ради следует отметить, что на первом этапе реформирования наблюдались достаточно серьезные несоответствия и противоречия между нормативной базой субъектов РФ и федеральным законодательством, что было обусловлено, во-первых, наличием большого массива нормативной информации, содержащейся в разных правовых источниках, и, во-вторых, отсутствием должного законодательного контроля. Однако по прошествии некоторого времени законодательная дифференциация была устранена, и правовые акты всех уровней были приведены в должное соответствие.

Институт государственной службы является пристальным объектом внимания в научной среде. Так, в доктрине административного права сформировались несколько научных подходов к пониманию государственной службы.

Так, например, А. С. Адамович рассматривает ее как обязанность должностных лиц к выполнению государственных задач в соответствующих организациях [6, с. 65].

В. И. Анненков в данном понятии выделяет профессиональную направленность государственных служащих, которая выступает неотъемлемым элементом их должностных полномочий (компетенций) [7, с. 32].

По мнению Г. В. Атаманчука, государственная служба — функция особого слоя граждан, занятых в аппарате органов государственной власти [8, с. 31]. При этом автор, характеризуя саму процедуру прохождения государственной службы выделяет такие ее принципы, как «профессионализм, организованность, стабильность, равноправие, квалифицированность».

Обобщая данные суждения, можно сделать вывод о том, что современная государственная служба направлена на реализацию государственных задач посредством деятельности государственных учреждений и профессиональных работников — государственных служащих, которые реализуют свои полномочия в соответствии с действующим законодательством, имеет специальные звания, ранги, чины и выступают представителями власти на конкретном уровне, наделены разграниченной между собой компетенцией.

Исторические аспекты формирования государственной службы свидетельствуют о наличии последовательности и преемственности законодательных решений, что положительно отразилось на развитии данного государственного института.

Современная государственная служба направлена на реализацию государственных задач посредством деятельности государственных учреждений и профессиональных работников — государственных служащих, которые реализуют свои полномочия в соответствии с действующим законодательством, имеет специальные звания, ранги, чины и выступают представителями власти на конкретном уровне, наделены разграниченной между собой компетенцией.

Государственная гражданская служба — это профессиональная деятельность граждан Российской Федерации в органах исполнительной и судебной власти на должностях, не требующих, которые не предполагают присвоение специальных званий и дополнительных требований, которые предъявляются к государственным служащим иных видов.

Военная служба в структуре государственной службы обладает своей спецификой — вооруженный характер ее деятельности, который в случаях необходимости может

перерасти боевые действия, направленные на защиту государственного суверенитета и территориальной целостности нашей страны. Особенность военной службы также заключается в ее обязательном характере для лиц мужского пола призывного возраста — граждан РФ. Кроме того, данный вид государственной службы отличает строгая внутренняя субординация, нивелирование норм трудового законодательства и повышенная ответственность военнослужащих за невыполнение своих военных обязанностей и приказов командиров.

Государственная служба иных видов предполагает решение правоохранительных задач в самых разнообразных сферах жизнедеятельности человека. Государственная служба иных видов объединяет в себе специфичные по своему функционалу органы государственной власти, которые реализуют правоохранительные функции внутри государства, что непременно образом отражается на правовом статусе их сотрудников.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.06.2003, № 22, ст. 2063.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, № 31, ст. 3215.
3. Федеральный закон от 31.07.1995 № 119-ФЗ (ред. от 27.05.2003) «Об основах государственной службы Российской Федерации» (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.
4. Указ Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г. № 2267 «Об утверждении Положения о федеральной государственной службе» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 52. Ст. 5073.
5. Указ Президента РФ от 19.11.2002 № 1336 (ред. от 15.11.2004, с изм. от 12.12.2005) «О Федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ, 25.11.2002, № 47, ст. 4664.
6. Адамович А. С. Правовое обеспечение государственной службы Российской Федерации. — М.: РАГС, 2012. — 188 с.
7. Анненков В. И. Государственная служба. — М., 2014. — 144 с.
8. Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы. — М.: РАГС, 2013. — 99 с.

Нужны ли правосудию «свои» истина и правда?

Скобликова Александра Павловна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Ключевые слова: *правда, истина, правосудие, судопроизводство, юриспруденция.*

Российское право входит в семью романо-германских правовых систем, а значит характеризуется тем, что процесс судопроизводства должен, так же как процедуры квалификации и правового толкования отвечать требованиям единообразия. Но, о каком единообразии может идти речь, если в правовой области до сих пор используется часть терминов, которые введены в обиход другой наукой — философией, а часть понятий и вовсе пони-

маются интуитивно. Возможно, это было бы приемлемо в англо-саксонской правовой системе, где прецедент наделен значительно большей законодательной властью, чем в России, и где толковательная инициатива судов предполагает личную интерпретацию судей, но для нашего национального права подобное положение не допустимо.

Давно созрела необходимость в проведении системного исследования, которое бы изучило исторические

корни и эволюцию таких понятий как «правда», «истина» и «правосудие», чтобы установить устойчивые связи между данными терминами. Идеальным результатом явилось бы формулирование вышеназванных понятий, которое бы отвечало потребностям правовой сферы.

На сегодняшний день вопрос истины и правды при осуществлении правосудия занимает важнейшее место в области гражданского права и процесса. Наибольший интерес к данному аспекту появился в последние сто лет. Возникло огромное количество мнений, отражающих роль истины и правды, как категорий в гражданском судопроизводстве, было сформулировано множество теоретических неоднозначных концепций. Однако, и по сей день, единое мнение по этому поводу отсутствует.

В последние годы активизировалась дискуссия по поводу установления правды и истины в процессе ведения гражданских дел, что, предположительно, связано с постоянными преобразованиями в судебной системе Российской Федерации, официально провозгласившей доминирование общечеловеческих ценностей над государственными, что отдает приоритет интересам гражданина, человека.

Юридическая литература последних лет содержит верную мысль, состоящую в том, что охранять права и интересы индивидуумов невозможно, если нет эффективной функционирующей судебной системы. Но, и теории, и практики понимают механизмы действия судебных органов, а также объем полномочий их в областях гражданского процесса очень по-разному. На текущем этапе можно выделить две основные позиции. Сторонники первой настаивают, что у государства нет права на вмешательство в частную (личную) жизнь граждан, а значит, необходимо сократить активность правоприменительных органов в гражданском судопроизводстве. Последователи второй позиции, соглашаясь, что процессуальное законодательство должно применяться в полной мере, не взирая на сокращение личных прав граждан, если это позволит установить истину.

Сейчас, можно сказать, что судебная система находится в сложном положении. Невозможно реализовать практически многие процессуальные принципы, так же, как и права сторон на доказательства в процессе. Поэтому, верная мысль об ограничении суда при сборе доказательной базы, и предоставлении возможности доказательства сторонам, к которой склоняется законодатель фактически приводит подчас к затруднениям и противоречиям.

Вероятно, дело в том, что законодатель проигнорировал основу правосудия (неважно, гражданский ли, или уголовный процесс), а ведь основой является вынесение справедливого решения, соответствующего реальности, действительности; вне зависимости от нарушения интересов, как частных, так и публичных. Иначе правосудие не является таковым.

Следовательно, опираясь на изложенные факты, можно считать актуальным в области гражданского процесса РФ проведение исследований в аспектах гармоничного соче-

тания категорий правды и истинности в частных и публичных началах, в праве судебных органов изыскивать доказательственный материал, в реализации принципов процесса, и, что особенно важно, в установлении достоверных фактов судом.

Из этого следует необходимость в полном и исчерпывающем изучении проблемы истины и правды в процессе осуществления правосудия, и понимание исторического и текущего положения этих категорий.

Полный комплексный анализ вопроса соотношения понятий правды, истины, правосудия в современном судопроизводстве является хорошей целью для глубокого исследования. Это приведет к раскрытию исторических корней данных категорий, и выяснению юридической значимости данных понятий в области решения правового конфликта в процессе.

Добиться подобного результата возможно только тщательно изучив историю развития основных взглядов на истину, правду, правосудие и их соотношение в судебном процессе; проведя анализ форм идеальных философских категорий терминов (правды, истины, правосудия); выделив характерные основные признаки для правдивости, истинности и правосудия в современном судопроизводстве; установив сущность познания в процессе судебного доказывания; выявив роли для отдельных процессуальных институтов в процессе достижения истины, правды и реализации правосудия в судопроизводстве; описав основные проблемы соотношения изучаемых категорий в современном судопроизводстве и наметить пути их решения.

В качестве методологической основы можно взять диалектико-материалистический подход к познанию юридической действительности, а также ряд частных методов: исторический, логический, сравнительно-правовой, метод анализа научных концепций, действующего законодательства и практики его применения.

Как теоретическая основа для работы подойдут труды русских процессуалистов и выводы некоторых зарубежных ученых.

На фундаментальность исследование не претендует, но прикладное значение очевидно, ведь без четких смысловых границ для терминов, в области юриспруденции, невозможно вести процесс судопроизводства таким образом, чтобы он отвечал критериям справедливости и единообразию и соответствовал романо-германской системе права, к которой принадлежит и законодательство РФ.

Современная юридическая литература содержит несколько попыток ученых-теоретиков в области изучения проблем истинности и правдивости.

Предположительно, толчком к подобным попыткам послужили многочисленные государственные реформы правового характера. К сожалению, нельзя сказать, что анализ темы был всесторонним, полным и развернутым.

Отсутствие четкого определения правды и злоупотребление идеями «правдоискательства» создают питательную

среду для манипуляций и субъективных интерпретаций, что в конечном итоге подрывает правовую систему, стремящуюся к объективности и справедливости. Поэтому, необходимо критически переосмыслить понятие правды и выработать более чёткие критерии для его определения и применения в правовой сфере [5, с.14].

Термин «правда» неоднократно используется в исследованиях российских юристов и правоведов. Особенно часто в постсоветский период выходят публикации, касающиеся данного вопроса, охватывающие различные области — от экономики и политики до философии, права, повседневной жизни и искусства. Интересная тенденция наметилась в последние годы. «Правда» наряду с правом внезапно стала выступать как основное определение подавляющего большинства работ правового и политического направления. Почему-то, абсолютное множество авторов, обращающихся к этому понятию, решают, что оно понятно всем интуитивно, и не утруждают себя пояснением, или вкладывают в «правду» смысл, тождественный «истине». Хотя смысловая нагрузка, заключенная в этих работах, часто опровергает совпадение в содержании, данных понятий, хотя связь между ними нельзя отрицать [3, с.219].

Опираясь на последние данные сходных с нашим исследований, можно предположить большую изученность истины в сравнении с правдой. Анализировались в первую очередь работы Д. И. Дубровского, касающиеся в том числе и нашей проблематики.

Знакомясь с его трудами, можно сразу отметить, что в современном научном сообществе существует ряд неопределённых, но реально существующих понятий. Например, это относится к выделению юридической правды в отдельную категорию. Ведь данный феномен присутствует, хотя понятие «юридическая правда» не относится

к закреплённым в праве, и не был в достаточной степени осмыслен теоретически [1, с.27].

Интересной позиции, доказывающей, насколько актуально законодательное закрепление терминов «правда» и «истина» придерживается ученый-правовед, профессор, В. В. Сорокин, взгляд которого изложен у А. Ф. Кони, считающий, что «ссылки на высшие «правду и справедливость в конфликтных ситуациях и спорах, а не на формальные предписания закона; стремление настоять на том, чтобы рассудили по правде, а совсем не по закону» присущи и полностью отражают характерными для русских людей черты» [2, с.12].

Подобная точка зрения встречается и среди западных исследователей. Например, Сэмюэл Хантингтон полагал, что многие ментальные особенности, присущие россиянам, характерны и представителям восточных цивилизаций. Поэтому большинство западных ценностей, таких как права человека, верховенство закона, конституционализм и отделение религии от светской власти, оцениваются в России довольно низко [4, с.15].

Подобный взгляд нуждается в проверке и доказательствах. Увы, большинство публикаций склонны к сакрализации понятий правды, истины и справедливости, давая им скорее традиционное, либо интуитивное, толкование. Нужно ли говорить, что поскольку границы рассматриваемых терминов законодательно не определены, эти понятия часто используются в спекулятивных пропагандистских целях, что, помимо дальнейшего размывания указанных определений, подрывает авторитет национальной судебной системы.

Законодательное закрепление понятий стало бы универсальным решением всех вышеперечисленных затруднений. Позволило бы подвести устойчивую основу под всю систему правосудия и прежде всего судопроизводства.

Литература:

1. Дубровский, Д. И. Полуправда: ее природа и социальные функции: учебное пособие / Д. И. Дубровский. — Москва: Перо, 2022. — 63 с.
2. Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе: учебное пособие / А. Ф. Кони. — Екатеринбург: УралЮрИздат, 2022. — 89 с.
3. Писаренко, Н. Т. Псевдонаучные знания в современной культуре: материалы «круглого стола» / Н. Т. Писаренко. — Санкт-Петербург: Скифия, 2021. — 482 с.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций: лекционный курс / С. Хантингтон. — Москва: Нигма, 2023. — 53 с.
5. Шмелев, А. Н. «Русская рулетка» правосудия, или К вопросу об установлении объективной (материальной) истины в гражданском процессе: лекционный курс / А. Н. Шмелев. — Архангельск: Лоция, 2021. — 42 с.

Причины закрепления понятия «судебная истина» в судопроизводстве

Скобликова Александра Павловна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Ключевые слова: правда, истина, правосудие, судопроизводство, юриспруденция.

Изучая историю развития основных взглядов на истину, правду, правосудие и их соотношение в судебном процессе, можно смело утверждать, что современное понимание правосудия, истины и правды и их роли в обществе сформировалось в Новое время. Его концептуальной основой стали идеи рационального обоснования «естественного права», теории «общественного договора» и принцип разделения властей, которые разрабатывали такие мыслители, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и Б. Спиноза. На их работы до сих пор ссылаются некоторые правоведы [4, с.573].

Однако значение этих понятий выходит далеко за рамки взаимодействия между ветвями власти. Сегодня правосудие, истина и правда — это, прежде всего, вопрос реального осуществления законодательно закрепленных прав и свобод человека. Именно от их воплощения в жизнь зависит, станет ли закон действующим инструментом защиты личности или останется лишь декларацией на бумаге.

На протяжении эволюции понятий «правды» и «истинности» очевидной становится тенденция постепенного сведения к абстрактному абсолюту термина «истина», и, напротив, понимание большинством «правды» как конкретной и ситуативной категории с субъективным уклоном. То есть, фактически обозначая правду, вместе с тем, истина понимается как более абстрактная, теоретическая правда, имеющая весьма относительное отношение к практической жизни. Под истиной подразумевается результат когнитивного управляемого желания познать.

Рассматривая в качестве идеальных философских категорий понятий истины, правды, правосудия, можно уверенно говорить о том, что:

Правосудие совершается лишь в тот момент, когда суд не просто выносит вердикт, а устанавливает подлинную картину произошедшего, безошибочно применяет закон и на этой основе формулирует по-настоящему справедливое решение. По своей сути правосудие — это сложный социальный институт, воплощенный в системе политико-правовых норм, общественных отношений и профессиональных практик. Оно реализуется через четко прописанные в законе процедуры расследования преступлений, рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел, а также исполнения наказаний. Но за всей этой юридической сложностью стоит простая и великая цель: достижение справедливости, защита прав и свобод человека, охрана интересов общества и государства. Когда этот баланс нарушается, правосудие рискует пре-

вратиться в формальную процедуру, утратившую свой высший смысл [1, с.86].

Истиной можно считать объективное знание, соответствующее объектам познания и отражающее реальные качества и свойства данного объекта. Правда, отличается от истины, своим онтологическим характером: отражая действительность исключительно значимым для стороны (личности) образом, согласно нравственным категориям. Полнота правды, должна быть достаточной для возникновения подлинного понимания и твердой убежденности, готовой трансформироваться в решимость действовать. То есть истина является отражением объективной действительности, а правда — действительности духовной.

Выделяя основные критерии истинности, правдивости и признаки правосудия в современном судопроизводстве, можно заметить:

Объективная истина в суде — это не отвлеченное понятие, а конкретный результат: совокупность знаний и выводов о фактических обстоятельствах дела, которые достоверно отражают реальность, существующую независимо от чьего-либо сознания и полученных в строгом соответствии с процессуальными нормами. В процессе познания суд ставит перед собой амбициозную задачу — мысленно реконструировать произошедшее событие или юридический факт, стремясь создать максимально полный и всесторонний идеальный образ случившегося. Это тонкая работа, напоминающая восстановление исторической картины по фрагментам, где каждый элемент доказательств должен занять свое место в целостной системе установленных фактов.

Целью судопроизводства всегда было установления правды, так как к судебным решениям и по сей день предъявляются требования соответствию правде и справедливости. То есть решения должны базироваться на предъявленных доказательствах по существу и на точном соответствии законам. Вынесение такого решения становится возможным только тогда, когда доказательств достаточно для исследования, которое отвечает таким критериям как всесторонность, исчерпаемость и объективность. Однако, невозможно полностью установить картину прошлого в рамках рассматриваемого дела, поэтому образ событий всегда будет субъективным. То есть установить абсолютную объективную истину в гражданском процессе невозможно, можно лишь — относительную «правду». Главное, чтобы её хватило для вынесения справедливого решения и осуществления правосудия [2, с.31].

Устанавливая сущность познания в процессе судебного доказывания, можно отметить, что: судебное по-

знание не тождественно судебному доказыванию, и является деятельностью суда, либо судьи, направленной на установление обстоятельств дела, имевших место в действительности, а также по их верной юридической квалификации (оценке).

Судебное доказывание же, — это деятельность сторон (заинтересованных в благоприятном для себя исходе дела), направленная на убеждение суда, который рассматривает дело, в том, что рассматриваемые факты имели место быть, или, напротив, отсутствовали в прошлом [1, с.58].

Судебному познанию присущи такие черты как:

а) фокусировка на исключительно юридических фактах;

б) проведение исследования материалов только в процессуальной форме, то есть в порядке, который установлен законом;

в) ограниченность материалами, представляемыми сторонами процесса;

г) целеполагание, заключающееся в достижении обоснованного, законного, справедливого решения гражданского производства [1, с.59].

При выявлении роли суда в процессе достижения истины, правды и реализации правосудия в судопроизводстве, становится очевидно, что: законодатель налагает на суд особую ответственность при решении задачи по установлению обстоятельств дел. Функции, присущие суду заключаются в определении предмета доказательств по конкретному делу; в изложении в итоговом решении всех выясненных обстоятельств и в обосновании своего вывода соответствующими доказательствами.

В гражданском процессе имеют место доказательственные презумпции, если при установлении одних фактов предполагается безусловное существование других, которые уже не требуют доказательств. Включая в судебное решение последнюю категорию фактов, суд вносит вероятные сведения [3, с.19].

Описывая основные проблемы соотношения категорий «истина», правда» и «правосудие» в современном судопроизводстве следует остановиться на том, что: в реальной жизни существуют значительные противоречия в установлении правды и истины в судопроизводстве, которые проистекают из-за того, что судья весьма ограничен в возможностях получения достоверных знаний о реальных обстоятельствах дела. Препятствия заключаются и в естественных свойствах человеческого мышления, и в объективных условиях социальной жизни, в рамках которых происходит судебное познание произошедших событий. При этом, участвующие лица, прямо заинтересованы в благоприятной для них интерпретации

познаваемых фактов, а значит способны ввести суд в заблуждение.

Однако на практике поиск истины постоянно сталкивается с системными ограничениями. Судьи часто оказываются в ситуации, когда восстановить достоверную картину событий практически невозможно. Главными препятствиями становятся сама природа человеческого мышления, подверженная искажениям, и объективные социальные условия, которые формируют специфическую среду для судебного познания. Учитывая данный аспект, нужно отметить, что на пути установления истины судом, пусть даже она и является одной из главных целей процесса доказывания, стоят искусственные (закрепленные законом) препятствия в виде процессуальных правил; которые введены законодателем, чтобы избежать больших правонарушений. В противном случае, никто не смог бы предоставить гарантию от недопустимого и произвольного для современного социума государственного вмешательства в область прав и свобод любого человека и гражданина.

Важно понимать: формальная истина в суде — это далеко не то же самое, что истина в ее обыденном понимании. Мы привыкли считать истиной точное, адекватное отражение реальности. Однако формальная истина — скорее юридическая условность [5, с.63].

Её суть сводится к следующему допущению: если все процессуальные правила соблюдены и представленные сторонами суждения формально безупречны, то и выводы, сделанные на их основе, считаются истинными. Но за этой безупречной формой может скрываться как реальное положение дел, так и лишь его вероятностная, искаженная или неполная версия.

Таким образом, формальная истина не гарантирует достоверности, а лишь создает видимость надежности, основанную на соблюдении процедуры. Она отражает не столько объективную реальность, сколько ту картину событий, которая сложилась в рамках судебного состязания по установленным правилам.

Следовательно, судебный процесс оказывается перед фундаментальной дилеммой. Хотя его высшая цель — установление объективной истины, на практике суд часто вынужден останавливаться на формальной истине — той, что сложилась в рамках процедуры и может как соответствовать реальности, так и расходиться с ней. Для описания этого уникального феномена наиболее точным является термин «судебная истина». Поскольку суд устанавливает истину, достаточную для принятия обоснованного решения, но эта истина неизбежно ограничена доступными доказательствами, процессуальными сроками и правовыми рамками. Она отражает реальность, но не претендует на всеобъемлющее познание.

Литература:

1. Закомлистов, А. Ф. Судебная этика: учебник для вузов / А. Ф. Закомлистов. — Санкт-Петербург: Деан, 2022. — 743 с.
2. Михалков, Н. Д. Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма: методическое пособие / Н. Д. Михалков. — Барнаул: Новый формат, 2021. — 165 с.

3. Ролз, Д. Теория справедливости: учебное пособие / Д. Ролз. — Новосибирск: Сибпринт, 2021. — 82 с.
4. Фейербах, Л. История философии: научное пособие / Л. Фейербах. — Москва: Архипелаг, 2021. — 953 с.
5. Чичерин, Б. Н. Философия права: учебное пособие / Б. Н. Чичерин. — Москва: Захаров, 2021. — 98 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (595) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 12.11.2025. Дата выхода в свет: 19.11.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.